

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1890.

№ 24.

ДЕКАБРЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Стр.

Вторая книга Моисея „Исходъ“ въ переводѣ и съ объясненіями (продолженіе). Профессора Московской Духовной Академіи *П. Горскаго-Платонова* 707—721

Отвѣтъ г. пастору Герману Дальтону. Протоіеря *Іоанна Поспѣлова* 722—764

Критика и исторія относительно жизни Иисуса Христа (окончаніе). *Ж.* . . . 755—796

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Изъ чтеній по космологіи. Происхожденіе міра (окончаніе). Профессора Московской Духовной Академіи *В. Нудряцева-Платонова* . . . . . 498—522

О благотѣніяхъ (De Beneficiis). Л. Анныя Сенени къ Эбуцію Либералію (продолженіе). * * * . . . . . 523—538

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. Отчетъ Харьковского Епархіальнаго женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1889/90 учебный годъ (продолженіе).—Отъ правленія Харьковского Епархіальнаго свѣчнаго завода.—Отъ правленія Харьковской духовной семинаріи.—Списокъ лицъ духовнаго и свѣтскаго званія, коимъ, за заслуги и пожертвованія по духовному вѣдомству, опредѣленіемъ отъ 8 и 11 октября 1890 года за № 2278 преподано благословеніе Святѣйшаго Синода.—Отъ Харьковского Епархіальнаго попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 16.

1890.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ «Вѣра и Разумъ», издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства «Епархіальныя Вѣдомости», то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ «Листокъ для Харьковской епархіи», въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени» на Екатеринославской улицѣ, въ книжномъ магазинѣ В. и А. Бирюковыхъ на Московской ул. и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, контора В. Гиляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая ул., Гостинный Дворъ, № 45 и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885, 1886, 1887, 1888 и 1889 годы, по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 рублей за каждый годъ, и «Харьк. Епарх. Вѣдомости» за 1883 годъ, по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкой.

Πίστις νοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI. 3

Дозволено цензурою. Харьковъ, Декабря 31 дня 1890 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

ВТОРАЯ КНИГА МОИСЕЯ

«ИСХОДЪ»

ВЪ ПЕРЕВОДѢ И СЪ ОБЪЯСНЕНІЯМИ.

(Продолженіе *).

О нарушеніи правъ собственности (21, 33—22, 6).

Ст. 33. Когда кто раскроетъ яму, или когда выкопаетъ кто яму, и не закроетъ ея, и упадетъ туда волъ или оселъ: (34) то владѣлецъ ямы заплатитъ, отдастъ деньги хозяину его, а трупу будетъ его. (35) И когда чей нибудь волъ забодаетъ до смерти вола ближняго его: то продадутъ вола живаго и пополамъ раздѣлятъ деньги за него; такъ же и трупу раздѣлятъ пополамъ. (36) Если же извѣстно было, что волъ бодливъ былъ и вчерашняго и третьяго дня, и хозяинъ его не стерегъ его: то заплатитъ воломъ за вола, а трупу будетъ его. (22, 1) Когда украдетъ кто вола, или овцу, и заколетъ, или продастъ: то пять воловъ заплатитъ за вола, и четыре овцы за овцу. (2) Если застигнутъ будетъ воръ при подкапываніи и побитъ будетъ до смерти: то нѣтъ его крови. (3) Если возило солнце надъ нимъ: то есть его кровь. Воръ заплатитъ; а если не чьмъ: пусть будетъ проданъ за украденное имъ. (4) Если украденное найдется въ рукахъ его живымъ, волъ ли, оселъ ли, овца ли: вдвое заплатитъ. (5) Когда потравитъ кто поле, или виноградникъ, и пуститъ свой скотъ и стравитъ чужое поле:

---

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1890 г. № 22.

заплатитъ лучшимъ изъ поля своего и лучшимъ изъ виноградника своего. (6) Когда разойдется огонь и охватитъ тернъ, и спалются копны, или хлѣбъ на корню, или поле: то заплатитъ, кто произвелъ пожаръ.

Законодатель ограждаетъ права собственности отъ порчи ея вслѣдствіе чужаго нерадѣнія и отъ воровъ.

Ст. 33. 34. Кто раскроетъ яму, устроенную для скопленія воды, или вновь ее выкопаетъ, но по нерадѣнію не закроетъ, такъ что туда свалится волъ или осель и убыется: тотъ долженъ заплатить стоимость погибшей скотяпы, а трупъ возметъ себѣ. Поименованы здѣсь только волъ и осель, потому что еврей разводили ихъ много и въ ихъ хозяйствѣ эти животныя имѣли большое значеніе. Тотъ же законъ, конечно, имѣлъ силу и по отношенію къ другимъ домашнимъ животнымъ.

Ст. 35. 36. Если волъ забодаетъ чужаго вола до смерти, то законъ повелѣваетъ продать живаго вола и вырученныя за него деньги, равно какъ и трупъ вола убитаго, раздѣлить пополамъ между обоими хозяевами: убытокъ раздѣлится по ровну. Такъ вознаграждалъ потерпѣвшаго невольный виновникъ его ущерба. Но если онъ виноватъ былъ нерадѣніемъ, нестерегъ вола, зная, что онъ бодливъ: то за нерадѣніе онъ долженъ былъ одинъ понести ущербъ, отдать вола за вола, а себѣ взять трупъ убитаго.

22, 1. Въ огражденіе отъ воровъ законъ взыскиваетъ съ нихъ строго. Если укравшій вола, или овцу, заколетъ ихъ, или продастъ: то обязанъ отдать пять воловъ за вола и четыре овцы за овцу. За вола долженъ отдать больше, потому что волъ важнѣе въ хозяйствѣ и самъ по себѣ цѣннѣе. Закланіе или продажа украденнаго животнаго, лишая хозяина возможности когда-нибудь воротить украденное, въ то же время свидѣтельствуетъ объ отсутствіи у вора всякаго желанія принести повинную въ своемъ преступленіи, а потому воръ наказывается строже, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда украденное животное найдется у него въ рукахъ живымъ (ст. 4).

Ст. 2. Если воръ застигнутъ будетъ ночью на мѣстѣ преступленія, во время взлома и будетъ убитъ: *то нѣтъ его крови.*

то есть никакой отвѣтственности за убійство его не лежитъ на убившемъ его хозяинѣ дома. Ночью нельзя ни рассчитать силы удара при защитѣ своего добра, ни признать или захватить вора, который, можетъ быть, не просто воръ, но и убійца, ни позвать другихъ на помощь.

Ст. 3. Но если воръ застигнутъ будетъ при свѣтѣ солнца: то убившій его хозяинъ несетъ отвѣтственность за убійство. Днемъ есть другія средства справиться съ воровъ. Такъ законъ оберегаетъ жизнь и вора.

Воръ заплатитъ; а если не чымъ: пусть будетъ проданъ за украденное имъ. Можно думать, что здѣсь дается это постановленіе не только какъ общее правило, но и какъ основаніе, почему хозяинъ, застигшій вора при дневномъ свѣтѣ, долженъ сдержатъ себя въ расправѣ съ воровъ. Воръ признанный не нанесетъ вреда непоправимаго; съ него взыскано будетъ украденное, а въ случаѣ несостоятельности онъ самъ будетъ проданъ и его продажная цѣна пойдетъ на удовлетвореніе потерпѣвшаго.

Ст. 4. Въ случаѣ покражи скотины, крупной ли, мелкой ли, воръ заплатитъ вдвое противъ стоимости украденнаго, если скотина найдется у него живою. Конечно, найденная скотина не у вора останется, а возвратится къ хозяину, и воръ въ такомъ случаѣ наказывается не за ущербъ обворованному, а за самое преступленіе.

Ст. 5. Потрава чужаго поля или виноградника, сдѣланная или намѣренна, или допущенная по нерадѣнію, возмѣщается лучшею частію поля или виноградника, соотвѣтствующею по своей величинѣ потравленному полю или винограднику. Нѣтъ достаточныхъ основаній утверждать, что здѣсь рѣчь идетъ только о потравѣ, допущенная по нерадѣнію. По трудности отличать намѣренную потраву отъ допущенной по нерадѣнію закону излишне было бы проводить различіе между тою и другою и налагать разныя мѣры взысканія за ту и за другую.

Вставка, находящаяся въ греческомъ и самаритянскомъ переводахъ этого стиха, не даетъ основаній пополнить еврейскій текстъ, потому что представляетъ собою только попытку пояснить дѣло, попытку, можетъ быть, принадлежащую не самимъ переводчикамъ.

Ст. 6. *Когда разойдется огонь не отъ желанія произвести поджогъ, а отъ нерадѣнія лица, разведшаго огонь, и охватитъ тернъ, то есть изгороди изъ колючихъ растеній, отдѣлявшія одно поле отъ другаго, и спалются конны сжатаго хлѣба, или хлѣбъ на корню, или поле съ другими растеніями и деревьями (9, 25; Лев. 26, 4): то виновный въ пожарѣ заплатитъ ущербъ.*

О храненіи чужаго имущества (22, 7—15).

Ст. 7. *Когда отдастъ кто ближнему своему деньги или вещи на храненіе, и онѣ украдены будутъ, изъ дома того человека: то, если найдется воръ, заплатитъ онъ вдвое. (8) Если не найдется воръ: то предстанетъ хозяинъ дома предъ Богомъ, не онъ ли простеръ руку свою на достояніе ближняго своего. (9) Но всякому дѣлу невѣрному, о волѣ, объ ослѣ, объ овцѣ, объ одеждѣ, о всякой потерянной вещи, о которыхъ будутъ говорить, что это—его,—до Бога пусть доходитъ дѣло обоихъ; кого неправымъ поставитъ Богъ, тотъ заплатитъ вдвое ближнему своему. (10) Когда отдастъ кто ближнему своему осла, или вола, или овцу, или другой какой скотъ на сбереженіе, а онъ умретъ, или будетъ поврежденъ, или уведенъ, а никто не видалъ: (11) клятва предъ Иеговою да будетъ между ими обоими, не онъ ли простеръ руку свою на достояніе ближняго своего, и приметъ хозяинъ, а (тотъ) не будетъ платить. (12) А если украденъ будетъ у него: заплатитъ хозяину его. (13) Если растерзанъ будетъ: приведетъ его къ растерзанному; платить не будетъ. (14) И когда займетъ кто у ближняго своего (скотъ), и онъ будетъ поврежденъ или умретъ, а хозяина его не было при немъ: то заплатитъ. (15) Если хозяинъ его былъ при немъ: то не будетъ платить. Если онъ наемный: то пошелъ за наемную плату свою.*

Ст. 7. 8. Законъ обезпечиваетъ сохранность чужаго имущества. Если деньги или вещи, отданныя на сохраненіе, будутъ украдены и воръ найдется: то воръ платитъ вдвое. А если не найдется, то хозяинъ дома, принявшій на сохране-

ніе деньги или вещи, обязанъ предстать предъ Бога, то есть (какъ и въ 21, 6), на мѣсто, которое изберетъ Богъ во святилице для себя (Втор. 17, 8. 9), предъ священниковъ и судей (Втор. 19, 17). *Не онъ ли простеръ руку свою*: разрѣшеніе этого вопроса, какъ показываетъ стихъ 11-й, должно было получиться послѣ клятвы домохозяина предъ Іеговою, что не онъ присвоилъ себѣ пропавшія вещи. Кромѣ клятвеннаго отрицанія нужно допустить, на основаніи стиха 9-го, участіе въ рѣшеніи дѣла и со стороны присутствовавшихъ при клятвѣ священниковъ или судей.

Ст. 9. *По всякому дѣлу неутрному*: по всякому дѣлу, въ которомъ только предполагается невѣрный, несогласный съ правдою, образъ дѣйствованія того или другаго лица, а доказательствъ на то неимѣется, когда два лица утверждаютъ объ одномъ и томъ же предметѣ, воле ли то будетъ, другое ли животное, или одежда, или какая другая потерянная вещь, что этотъ предметъ составляетъ ихъ собственность: тогда дѣло ихъ рѣшается при святилицѣ (ср. изъясненіе ст. 8). Обязанный неправымъ платитъ вдвое противъ стоимости спорнаго предмета.

Ст. 10. 11. Если умретъ, или искалечится, или будетъ уведень разбойниками скоть, отданный на сбереженіе, а никто не видалъ, какъ это произошло: то принявшій скотину на сбереженіе долженъ будетъ очистить себя отъ подозрѣнія въ покушеніи на чужую собственность принесеніемъ клятвы предъ Богомъ (ср. ст. 8 и 9; 2 Цар. 21, 7; 3 Цар. 2, 43). *И приметъ хозяинъ*, то есть, приметъ эту клятву, удовлетворяется ею, а уплаты не имѣетъ права требовать, потому, конечно, что никакой вины за охранителемъ скотины въ данномъ случаѣ небыло.

Ст. 12. Если украденъ будетъ отданный на сбереженіе скоть, при чемъ предполагается и то, что воръ не розысканъ, и то, что скоть украденъ изъ дому, гдѣ можно было бы уберечь его: то принявшій скотину на сбереженіе платитъ потерпѣвшему.

Ст. 13. *Если растерзанъ будетъ: приведетъ его*, то есть, хозяина скотины, къ растерзанному. Такой переводъ основанъ

на указаніи перевода греческаго, заставляющемъ предпочесть иное чтеніе текста еврейскаго. Хазяинъ, самолично удостовѣрившійся въ причинѣ смерти своего животнаго, права на вознагражденіе не имѣетъ.

Ст. 14. Кто на время выпроситъ у другого ту или иную скотину, и она будетъ повреждена, или умретъ, а хозяинъ не видалъ, какъ это произошло: то хозяинъ получаетъ вознагражденіе, потому что поврежденіе или смерть животнаго могли послѣдовать отъ небрежнаго или жестокаго обращенія съ чужою скотиною. Если бы даже и не по винѣ выпросившаго на время чужую скотину послѣдовала ея смерть, или поврежденіе: и въ такомъ случаѣ обязанность платить должна была имѣть тѣ послѣдствія, что и заставляла внимательнѣе заботиться о чужомъ добрѣ и позволяла хозяину не скупиться, когда ближній имѣлъ нужду на время одолжиться чужою скотиною.

Ст. 15, Присутствіе хозяина при поврежденіи или смерти скота, отданаго на время другому, освобождало выпросившаго скотину отъ обязанности заплатить за нее, потому что хозяинъ, лично могъ видѣть, что въ обращеніи съ его скотиною не было небрежности, или жестокости, и могъ самъ принять мѣры къ охраненію цѣлости своего имущества.

Если онъ наемный: то пошелъ за наемную плату свою. Ссужая другаго своею скотиною изъ выгоды, за плату, ссужающій, извлекая выгоду, беретъ на свой страхъ и ущербъ, который можетъ быть покрытъ полученною наемною платою.

О лишеніи дѣвической чести (22, 16—17).

Ст. 16. *И когда обольститъ кто дѣвицу, которая не обручена, и ляжетъ съ нею: вѣномъ приобрѣтетъ ее себѣ въ жену. (17) Если отецъ ея откажется выдать ее за него: то отвѣситъ онъ серебра, сколько нужно на вѣно дѣвичье.*

Ст. 16 и 17. Дѣвица не обрученная состоитъ въ распоряженіи отца (ср. 21, 7); потому посягательство на ея честь составляетъ посягательство и на права ея отца. Обезчестив-

шій дѣвицу долженъ заплатить отцу вѣно, или выходную плату, какую брали за дѣвицу, а дѣвицу взять въ жены и тѣмъ покрыть свой грѣхъ. Въ случаѣ несогласія отца имѣть такого человѣка своимъ зятемъ, обезчестившій дѣвицу долженъ заплатить такое количество серебра, какое обычаемъ требовалось внести за дѣвицу ея отцу. Строже законъ относится къ оскорбителю дѣвической чести, если было основаніе предполагать, что обольщеніе соединялось съ насиліемъ (Втор. 22, 28. 29). На такой случай законъ опредѣляетъ значительный выкупъ въ пользу отца, именно пятьдесятъ сиклей, то есть, рублей сорокъ; обязываетъ непременно взять обезчещенную за мужъ; лишаетъ мужа права когда нибудь развестись съ этою женою. Еще строже законъ наказываетъ обольщеніе дѣвицы обрученной: и обольститель и позволившая себя обольстить предавались смертной казни, именно побіенію камнями (Втор. 22, 23. 24); если же обрученная дѣвица подвергалась насилію, отъ котораго не могла оборониться: то предавался смерти только совершившій насиліе (ст. 25).

О ворожеяхъ, скотоложникахъ и идолослужителяхъ (22, 18—20).

Ст. 18. *Ворожею не оставляй въ живыхъ. (19) Всякій скотоложникъ да будетъ преданъ смерти. (20) Приносящій жертву богамъ, кромъ единого Іеговы, да будетъ истребленъ.*

Законы, изложенные въ стихахъ 18—20, заключаютъ въ себѣ не огражденіе правъ того или другаго лица, но опредѣленіе наказанія за нетерпимое въ народѣ Божіемъ нарушеніе основныхъ началъ его нравственной и религіозной жизни. Связь между изложенными въ этихъ трехъ стихахъ постановленіями есть еще и та, что они постановляютъ одинаковое наказаніе—смерть.

Ст. 18. *Ворожею не оставляй въ живыхъ.* Мнимое ли, то есть, состоящее въ обманываніи другихъ, или дѣйствительное вступленіе въ общеніе съ темною силою не можетъ быть терпимо среди народа, избраннаго Богомъ въ свою собствен-

ность. Проризатели, гадатели, ворожеи, чародѣи, вызыватели духовъ, волшебники, вопрошатели мертвыхъ — мерзки предъ Богомъ (Втор. 18, 10--12), какъ оскорбители вѣры въ силу и промышленіе единого Бога. Они должны быть предаваемы смерти, именно, побитію камнями (Лев. 20, 27). Чувство состраданія къ женщинѣ ворожеѣ не должно склонять еврея къ желанію не прилагать къ женщинѣ всей строгости закона.

Ст. 19. Проклятіе и смерть должны постигнуть скотоложника, (ср. Лев. 18, 23—25; 20, 15; Втор. 27, 21), забывшаго законъ и цѣль брака, и своимъ преступленіемъ осквернившего землю.

Ст. 20. Смертная казнь (Лев. 27, 28. 29) должна постигнуть приносящаго жертву богамъ, кромѣ единого Іеговы, какъ нарушителя закона, лежащаго въ основаніи завѣта между Богомъ и народомъ избраннымъ (Исх. 20, 5).

О состраданіи къ бѣднымъ (22, 21—27).

Ст. 21. *И пришельца не гнети, и не тѣсни его; ибо пришельцами вы были въ землю Египетской. (22) Ни одной вдовы и сироты не тѣсните. (23) Если притѣсниши ихъ, и они возопіютъ ко Мнѣ: то услышу вопль ихъ. (24) и воспламенится гнѣвъ Мой, и убью васъ мечемъ, и будутъ жены ваши овдами, и дѣти ваши сиротами. (25) Если далиъ взаймы деньги народу Моему, — бѣдному около тебя: то не будь съ нимъ какъ ростовщикъ; не налагайте на него роста. (26) Если возьмешь въ закладъ одежду ближняго твоего: до захода солнца возврати ее ему. (27) Ибо она единственная покрывка его; она — одеяло для ноготы его: въ чемъ спать ему? Когда онъ возопіетъ ко Мнѣ, я услышу; ибо Я милосердъ.*

Въ стихахъ 21—27 законъ даетъ нравственныя правила, которыми должно руководиться въ отношеніяхъ къ людямъ, находящимся въ состояніи стѣсненномъ, безпомощномъ, бѣдномъ.

Ст. 21. *Пришельца не гнети и не тѣсни его.* Изъ книги Лев. 19, 33. 34 ясно, что законъ разумѣетъ здѣсь не одно только не дѣланіе обидъ и притѣсненій чужеземцамъ поселившимся

среди евреевъ, не одно безпристрастное или безучастное отношеніе къ нимъ, но гораздо большее, именно, любовь къ нимъ: *люби его какъ себя.*

Ибо пришельцами вы были въ земль Египетской: своимъ опытомъ знаете, что значить жить среди чужаго народа, особенно въ такое время, когда этотъ народъ будетъ относиться враждебно.

Ст. 22—24. Легкая возможность притѣснить вдову и сироту, не имѣющихъ для себя заступника, отказать имъ въ законныхъ требованіяхъ ихъ (Втор. 27, 19), отнять ихъ собственность (Исх. 10, 2; Млх. 2, 9), обратить ихъ въ рабовъ (4 Цар. 4, 1), не должна быть приманкою для своекорыстныхъ людей. У вдовы и сироты нѣтъ ближайшихъ защитниковъ: но за нихъ вступится самъ Богъ; Онъ услышитъ вопль ихъ и тяжело накажетъ обидчиковъ; онъ умертвять ихъ, и собственныя жены ихъ станутъ вдовами, а дѣти сиротами. Въ другихъ мѣстахъ законъ даетъ предписанія, прямо направленныя къ обезпеченію положенія вдовъ и сиротъ; на примѣръ, не велитъ возвращаться въ поле за забытымъ снопомъ, имѣя въ виду, чтобы онъ остался на пользу пришельца, сироты и вдовы (Втор. 24, 19); не велитъ обирать остатковъ плодовъ въ виноградникѣ, чтобы они остались въ пользу тѣхъ же лицъ (Втор. 24, 21); велитъ отдѣлять черезъ каждые три года десятину урожая того года на пользу тѣхъ же лицъ и левита; (Втор. 14, 29; 26, 12); велитъ приглашать ихъ къ участию въ праздникахъ (Втор. 16, 11. 14).

Ст. 25. *Если дашь займы деньми народу Моему,— бѣдному около тебя,* то есть, своему обѣднѣвшему единоплеменному: *то не будь съ нимъ, какъ ростовщикъ,* то есть, какъ поясняется слѣдующими словами, давайте въ долгъ безъ процентовъ.

Ст. 26 и 27. Обезпеченіе долга закладомъ дозволительно; но если бѣднякъ принесъ въ закладъ верхнюю одежду (Исх. 12, 34; Быт. 9, 23), что дѣлалось не рѣдко (Ам. 2, 8; Іов. 22, 6; Пригч. 20, 16; 27, 13): то закладчикъ долженъ возвратитъ ее на ночь заложившему, потому что бѣдняку верхняя одежда служила и одѣяломъ во время ночи. Если бы была у него другая одежда, онъ продалъ бы ее, а отдавши

послѣднюю верхнюю одежду, бѣднякъ не будетъ имѣть, чѣмъ прикрыть во время ночи наготу свою. У заимодавца могло возникнуть опасеніе, чтобы возвращеніе заклада не лишило его возможности получить уплату долга, и потому заимодавецъ могъ бы не дать особенно важнаго значенія мысли, что его должнику не чѣмъ будетъ прикрыть во время ночи свою наготу. Но за эту мыслью стоитъ въ законѣ болѣе грозное слово: когда бѣдный *возопіетъ ко Мнѣ, Я услышу; ибо Я милосердъ*. За этими словами подразумѣвается мысль, что Іегова покараетъ заимодавца (ср. ст. 24).

При переводѣ 27-го стиха слѣдуетъ отдать предпочтеніе греческому тексту.

О легкомысленномъ отношеніи къ исполненію заповѣдей (22, 28—31).

Ст. 28. *Бога не порицай, и начальника въ народѣ твоёмъ не поноси. (29) Съ созрѣвшимъ у тебя и выскатымъ у тебя не мѣшай; первенца изъ сыновъ твоихъ отдавай Мнѣ. (30) Такъ поступай съ воломъ твоимъ, съ осцею твоею: семь дней пусть они будутъ при матери своей; въ осмой день отдавай ихъ Мнѣ. (31) И будьте у Меня людьми святыми, и мяса, растерзаннаго въ полѣ, не шьте; псу бросайте его.*

Ст. 28. *Бога не порицай*. Здѣсь идетъ рѣчь не о хулѣ противъ Бога, наказываемой смертною казнію (Лев. 24, 11—16), но о легкомысленномъ отношеніи къ изложеннымъ непосредственно передъ симъ заповѣдямъ. Исполненіе нравственныхъ предписаній, данныхъ въ стихахъ 21—27, стѣсняящее столь многимъ свойственную склонность увеличивать свое благосостояніе посредствомъ утѣсненія ближнихъ своихъ, могло казаться бременемъ, безъ котораго легко и полезно было бы обойтись, и на которое естественно пороптать. Иное дѣло—заповѣди, воспрещающія явное преступленіе, явное нарушеніе нравственнаго закона; а иное дѣло—предписанія относительно, напримѣръ, возвращенія бѣдняку одежды на ночь, или относительно пришлыхъ иноземцевъ. Въ связи съ этими

именно предписаніями и поставлены слова: *Бога не порицай*, поставлены безъ всякаго указанія на грозное уголовное значеніе хулы противъ Бога. поставлены наряду съ предписаніемъ не поносить начальника; поставлены передъ рѣчью о промедленіяхъ въ принесеніи плодовъ земли, о промедленіяхъ въ доставленіи первородныхъ. По указаннымъ основаніямъ справедливо будетъ слова: *Бога не порицай* понимать въ такомъ ограниченномъ смыслѣ: не жалуйся на Бога, не ропщи на Него за то, что тебѣ даются предписанія, стѣсняющія твои своекорыстныя поползновенія.

И начальника въ народъ твоемъ непоноси: не укоряй твоего вождя—Моисея за ограниченія твоего своекорыстія, не приписывай ему излишнюю нравственную строгость, прилагаемую къ области, по твоему мнѣнію не входящей въ кругъ твоихъ обязанностей къ Богу и ближнимъ.

Ст. 29. *Съ созрѣвшимъ у тебя и выжатымъ у тебя не мѣшай.* Опять народу дается предостереженіе отъ легкомысленнаго отношенія къ исполненію заповѣдей. Евреи должны были приносить Богу начатки произведеній земли, приносить десятину. «Успѣю принести, подожду» такъ могъ думать иной еврей. Ему и сказано: не мѣшай приносить Богу плоды земли, когда они созрѣютъ, и ты соберешь ихъ; не мѣшай приносить и то, что выжмешь въ точилѣ, масло ли, или виноградный сокъ.

Первенца изъ сыновъ твоихъ отдавай Мнѣ. Эти слова не составляютъ повторенія прежде данной заповѣди (Исх. 13, 13), а только приложеніе повелѣнія *не мѣшай* къ исполненію прежде данной заповѣди относительно первородныхъ. Это открывается изъ точнаго опредѣленія времени, когда первородныя изъ животныхъ должны быть отданы Іеговѣ (ст. 30). Точное опредѣленіе именно и указываетъ въ данномъ случаѣ, что означаетъ здѣсь слово: *не мѣшай*. Но это опредѣленіе не простерто на первородныхъ изъ сыновъ. По отношенію къ нимъ должно дѣйствовать общее, не указывающее опредѣленнаго срока, правило: *не мѣшай*.

Ст. 30. Относительно первородныхъ у воловъ и ословъ повелѣніе *не мѣшай* отдачею ихъ Богу указываетъ опредѣ-

ленный срокъ: *семь дней пусть они будутъ при матери своей; въ осьмой день отдавай ихъ Мнѣ*. По указанію закона (Лев. 22, 27), слова: *въ осьмой день отдавай ихъ Мнѣ* означаютъ срокъ, начиная съ котораго первородныя животныя должны быть отдаваемы Богу; по уважительнымъ обстоятельствамъ, а не по желанію мѣшкать, первородныя животныя могли быть отдаваемы Богу и послѣ осьмага дня.

Ст. 31. *И будьте у Меня людьми святыми*. Поставленіе этихъ словъ въ тѣсную связь съ послѣдующими словами: *и мяса, растерзаннаго въ полъ, не ѣшьте*, указываетъ, что здѣсь прилагается къ частному случаю обязанность не осквернять себя ничѣмъ, даже и такимъ, повидимому, не имѣющимъ большаго значенія дѣйствиємъ, какъ вкушеніе растерзаннаго звѣремъ мяса. Избраніе этого примѣра легко изъясняется общою мыслию, связывающею стихи 28—31, именно мыслию, что еврей не долженъ легкомысленно относиться къ исполненію заповѣдей и такихъ, которыя могли показаться бременемъ, безъ котораго легко и полезно было бы обойтись.

О соблюденіи справедливости въ отношеніяхъ къ другимъ (23, 1—9).

23, 1. *Не распускай ложнаго слуха, не слагай руки твоей съ нечестивымъ, что бы быть свидѣтелемъ неправеднымъ. (2) За великими не слѣдуй на зло, и не давай отвѣта по тяжбѣ, клоня (его къ тому), что бы склонить на сторону великихъ. (3) И бѣдному не потворствуй въ тяжбѣ его. (4) Когда встрѣтишь вола врага твоего, или осла его, заблудившагося: приведи его къ нему. (5) Когда увидишь осла ненавистника твоего лежащимъ подъ ношею своею: не отказывайся развьючить его; развьючь вѣсть съ нимъ. (6) Не имъ право бѣднаго твоего въ тяжбѣ его. (7) Слова лживаго удаляйся; невиннаго и праваго не умерщвляй; нечестиваго не оправдывай. (8) И подарка не принимай; ибо подарокъ дѣлаетъ зрячихъ слѣпыми и превращаетъ дѣла правыхъ. (9) И пришельца не тѣсни:*

вы знаете душу пришельца; ибо вы были пришельцами въ землю Египетской.

23, 1. *Не распускай ложнаго слуха.* По связи рѣчи ясно, что рѣчь идетъ о распусканіи слуховъ вредныхъ для ближняго, подвергающихъ его судебной отвѣтственности.

Не слагай руки твоей съ нечестивымъ, чтобы быть свидѣтелемъ неправеднымъ: не вступай въ соглашеніе, въ сдѣлку съ нечестивымъ, который пожелалъ бы получить отъ тебя ложное свидѣтельское показаніе противъ того или другаго человѣка.

Ст. 2. *За великими не смѣлуй на зло:* при судебномъ разборѣ дѣлъ не поддавайся искушенію угодить вопреки правдѣ, людямъ знатнымъ и сильнымъ, и не давай такихъ показаній, которыя, не смотря на не правоту знатныхъ, клонили бы дѣло къ рѣшенію въ ихъ пользу.

Ст. 3. *И бѣдному не потворствуй.* Не нужно кривить душою и въ пользу бѣднаго, если онъ не правъ; ложное состраданіе не должно имѣть мѣста (ср. Лев. 19, 15).

Ст. 4 и 5. Личныя непріязненныя отношенія не должны служить основаніемъ для отказа оказать другому услугу, требуемую чужою нуждою и при томъ нисколько не затруднительную. «Когда встрѣтишь заблудившуюся скотину, принадлежащую врагу, приведи ее, избавь врага твоего отъ напраснаго ущерба». Подробнѣе сказано о семъ Втор. 22, 1—3. «Когда осель врага упалъ подъ ношею, помоги развьючить его». Слова: *не отказывайся развьючить его* поставлены въ нашемъ переводѣ на основаніи того чтенія текста, которому слѣдовали греческіе переводчики (ср. Втор. 22, 4).

Ст. 6. *Не уни право бѣднаго твоего въ тяжбѣ его.* Конечно, права каждаго, и богатаго, и бѣднаго, не должны быть нарушаемы на судѣ: но о бѣдномъ говорится потому, что бѣдному легче подвергнуться нарушенію своихъ правъ, чѣмъ богатому (ср. Втор. 27, 19).

Ст. 7. *Слова лживаго удаляйся.* По связи рѣчи ясно, что подъ словомъ лживымъ нужно разумѣть намѣренно неправильное постановленіе приговора.

Невиннаго и праваго не умерщвляй: не произноси пригово-

ра, по которому долженъ будетъ подвергнуться казни невинный.

Нечестиваго не оправдывай. Этотъ переводъ основанъ на томъ чтеніи, которому слѣдовали греческіе переводчики.

Ст. 8. *И подарка не принимай, ибо подарокъ дѣлаетъ зрячихъ слѣпыми.* Принятый отъ тяжущагося подарокъ невольно вызоветъ такое расположеніе къ подсудимому, при которомъ судья утратитъ способность правильно разсмотрѣть дѣло, хотя бы заранѣе и не имѣлъ намѣренія покривить душою.

Ст. 9. *И пришельцы не тѣсни.* Эти слова не составляютъ напраснаго повторенія словъ Исх. 22, 21. Тамъшло дѣло объ отношеніяхъ частныхъ лицъ между собою; здѣсь дѣло идетъ о судебномъ разбирательствѣ. Судья не долженъ клонить рѣшеніе къ невыгодѣ пришельца и въ пользу туземца.

Вы знаете душу пришельца; ибо вы были пришельцами въ землѣ Египетской. Своимъ опытомъ знаете, что значитъ жизнь среди чужаго народа, особенно въ такое время, когда этотъ народъ будетъ относиться враждебно, и даже судья не будутъ оказывать справедливости.

О покоѣ отъ работъ (23, 10—12).

Ст. 10. *И шесть лѣтъ заставляй землю твою, и собирай произведенія ея; (11) а въ седьмой оставляй ее и запускаяй ее, и пусть питаются бѣдные изъ народа твоего, а остаткомъ посль нихъ пусть питаются звѣри полевые; такъ же дѣлай съ виноградникомъ твоимъ, съ маслинною твоею. (12) Шестъ дней дѣлай дѣла твои, а въ седьмой день покойся, чтобы въ покоѣ былъ волъ твой и оселъ твой, и отдохнулъ сынъ рабыни твоей и пришелецъ.*

Законъ о субботнемъ годѣ изложенъ въ книгѣ Лев. 25, 2—7; а законъ о субботнемъ днѣ данъ прежде (Исх. 20, 8—11). Здѣсь же, въ разбираемомъ мѣстѣ дѣло идетъ не объ установленіи субботняго года и дня, но о практическихъ послѣдствіяхъ этихъ установленій для людей и для животныхъ.

Ст. 10 и 11. Шестъ лѣтъ всякія полевая работы—посѣвы, сборы жатвы и плодовъ,—будутъ совершаться своимъ порядкомъ, а въ седьмой годъ ни посѣвовъ, ни сборовъ не будетъ. Что само уродится, тѣмъ *пусть питаются бѣдные*, то есть, каждый бѣднякъ, не имѣющій своего хозяйства или полеваго надѣла: пусть собираетъ уродившееся въ чужомъ владѣніи. Хозяева сами собирать ничего не будутъ. Всѣмъ обезпечиваются и отдыхъ, и пропитаніе. Даже звѣри полевые,—и тѣ не исключаются изъ числа свободныхъ, или непреслѣдуемыхъ потребителей того, что уродится въ седьмой годъ. Безпрепятственно разрѣшается въ седьмой годъ пользоваться и виноградниками, и садами маслячными. Причина, почему седьмой годъ, а не другой избранъ годомъ покоя, очевидно, есть та, что заповѣданъ былъ покой седьмаго дня; здѣсь—день, тамъ—годъ.

Ст. 12. Заповѣдь о покоѣ седьмаго дня приводится кратко, безъ упоминанія о посвященіи этого дня Іеговѣ; о праздникѣ Іеговѣ,—приводится лишь на столько, чтобы можно было сказать о практическомъ значеніи субботняго дня для людей и животныхъ: *покойся въ седьмой день, чтобы въ покой былъ волъ твой и оселъ твой, и отдохнулъ сынъ рабыни твоей и пришлецъ*. И чужеземцы, въ качествѣ рабовъ или наемниковъ работающіе на евреевъ, и животныя святить дня субботняго не могутъ: для нихъ суббота будетъ имѣть значеніе, какъ день отдыха.

П. Горскій-Платоновъ.

(Продолженіе будетъ).

ОТВѢТЪ

г. пастору Герману Дальтону.

Недавно я узналъ, что г. пасторъ Дальтонъ въ своемъ „Открытомъ письмѣ г. Оберъ-Прокурору Св. Синода“ касается лично меня и сильно порицаетъ меня. Послѣ усиленныхъ стараній я досталъ самое письмо г. пастора, напечатанное въ Лейпцигѣ въ 1889 г. пятымъ изданіемъ, конечно на нѣмецкомъ языкѣ, и изъ него увидѣлъ, что авторъ письма укоризненно и саркастически отзывается о бывшихъ святителяхъ Рижскихъ: высокопреосвященнѣйшемъ Платонѣ, нынѣ митрополитѣ Кіевскомъ, и преосвященнѣйшемъ Донатѣ, нынѣ епископѣ Подольскомъ, а обо мнѣ даже пренебрежительно; косвенно называетъ меня злымъ совѣтникомъ, обманщикомъ и грозитъ мнѣ горемъ, какое изрекъ Господь на соблазнителей.

Поводомъ къ такимъ нападкамъ на меня г. пастора послужила составленная мною книжка, изданная на латышскомъ и эстскомъ языкахъ; по латышски она озаглавлена мною такъ: *Mahzibas Grahmata preekfeh Ihstenas tizzibos beedreem*, т. е. книга наставленія (въ вѣрѣ, или книга конфирмація) для православныхъ (точнѣе для членовъ православной вѣры ¹⁾). Книжка эта—полный катихизисъ въ вопросахъ и отвѣтахъ съ предисловіемъ въ началѣ и приложеніями въ концѣ. Въ предисловіи разъяснено мною православнымъ, что истинная вѣра

---

¹⁾ По русски она озаглавлена: *Наставленія въ Православной вѣрѣ*,—подъ такимъ названіемъ она упоминается въ отчетахъ г. Оберъ-Прокурора Св. Синода.

Христова есть православная вѣра и что римско-католики и лютеране уклонились отъ св. вѣры Христовой, а потому весьма неразумно поступаютъ и сильно грѣшатъ тѣ изъ православныхъ, которые хотятъ оставить эту вѣру. Здѣсь же показана мною и неосновательность тѣхъ причинъ, которыя представляютъ уклоняющіеся отъ св. вѣры въ извиненіе своего уклоненія. Въ самомъ катихизисѣ изложено ученіе православной церкви и подробно разсмотрѣны тѣ пункты сего ученія, которыми отличается оно отъ ученія лютеранъ, какъ-то: о таинствахъ, о почитаніи святыхъ и св. иконъ и т. п., а равно уяснено, какъ несправедливы нападки враговъ православной церкви на ея ученіе. Въ доказательство правоты православнаго ученія и неправоты лютеранскаго я обыкновенно приводилъ тексты изъ латышской библіи, переведенной съ нѣмецкаго языка и отпечатанной лютеранами ¹⁾. Въ приложеніи я показалъ, какъ нужно вести себя православному дома, въ церкви при богослуженіи, какъ готовиться къ исповѣди, святому причастію и къ браку, какъ крестить опасно больныхъ младенцевъ, какъ поминать умершихъ, какія имена давать младенцамъ при крещеніи и даже составилъ алфавитный списокъ именъ православныхъ святыхъ съ показаніемъ, когда ихъ празднуетъ святая церковь, равно алфавитный же указатель, какимъ православнымъ именамъ соответствуютъ латышскія-лютеранскія. Книжка эта была мною отпечатана на латышскомъ языкѣ въ 1867 г. и впоследствии уступлена Прибалтійскому Братству во имя Христа Спасителя въ полную его собственность.

Вотъ изъ этой-то моей книжки и приводитъ г. пасторъ нѣкоторыя мѣста въ доказательство того, какъ соблазнительно, какъ противно слову Божию и обидно для лютеранъ излагаю

---

¹⁾ Помню, какъ одинъ православный латышъ послѣ экзамена въ приходской школѣ, гдѣ я ученикамъ показывалъ по библіи несправедливость ученія лютеранъ, усердно просилъ меня отпечатать тексты изъ библіи, на которыхъ основывается ученіе православной церкви; а то мы, не зная ихъ, говорилъ латышъ, не можемъ отвѣчать лютеранамъ, которые укоряютъ насъ, православныхъ, отступленіемъ отъ библіи. Этотъ случай былъ для меня побужденіемъ составить разбираемую теперь книжку.

я ученіе православной церкви. Вотъ что говоритъ г. пасторъ Дальтонъ.

«По стопамъ своего епископа ¹⁾ слѣдуетъ и попъ Поспѣловъ. Балтійское Братство съ живымъ рвеніемъ распространяетъ составленную имъ на мѣстномъ варѣчїи *Учебную книгу*. Позвольте мнѣ, г. Оберъ-Прокуроръ, привести вамъ на память два замѣчательныя мѣста изъ этой книги во свидѣтельство того, какъ населеніе, почти 300 лѣтъ привязанное къ евангелической церкви, приводится въ смущеніе. Простымъ, благочестивымъ поселянамъ сообщается въ этой книгѣ, что во всемъ мірѣ только вѣра вашей церкви есть истинная вѣра, ведущая людей ко спасенію. Лютеръ, такъ сообщаютъ крестьянамъ, со временъ ихъ предковъ вѣрнымъ лютеранамъ, Лютеръ невѣрно и по своему произволу излагалъ слово Божіе, считалъ себя выше, чѣмъ вселенская церковь и гордо думалъ, что только онъ съ своими товарищами правильно понимаетъ слово Божіе. Лютеръ ставится на одну ступень съ Несторіемъ, котораго осудила вся вселенская церковь, представляется эстамъ и латышамъ, какъ нѣмецъ, или вѣрнѣе, какъ безчестный человѣкъ *an güschig* ²⁾, который не могъ быть посланнымъ отъ Бога реформаторомъ, во-первыхъ потому, что не совершилъ ни одного чуда, а также потому, что его послѣдователи раздѣлились на многія различныя секты. И затѣмъ дальше: гдѣ ты найдешь такъ много заботъ и молитвъ, какъ не въ православныхъ церквахъ? Вѣрь мнѣ, нигдѣ. Ты еще хорошо не знаешь, какова твоя духовная мать, святая православная церковь; но если ты ей ввѣришься, то ясно увидишь, что только она есть церковь Христова, полная благодати и истины Христовой. Хотя вы еще не знаете правой вѣры, но поэтому не удерживайтесь принять её. По словамъ

¹⁾ Преосвященнѣйшаго Доната, о которомъ только-что г. Дальтонъ сказалъ. Но видно, г. пасторъ не знаетъ, что я уже не служилъ въ Рижской епархіи при этомъ архипастырѣ; я служилъ только при Высокопреосвященнѣйшемъ Платонѣ.

²⁾ Я назвалъ Лютера только нѣмцемъ; но изъ объясненія этого слова г. Дальтономъ видно, что латыши и эсты нѣмцевъ не жалуютъ; въ этомъ я не виноватъ и ничего укоризненнаго для Лютера я не сказалъ, назвавъ его по его племеннѣмцемъ.

Божіемъ тотъ погибъ, кто не имѣетъ истинной вѣры во Христа... Тѣ ли только погрѣшаютъ противъ первой заповѣди, которые служатъ ложнымъ богамъ? — Нѣтъ, противъ первой заповѣди грѣшить также тотъ, 1) кто къ ученію вѣры примѣшиваетъ такія мысли, которыя противны слову Божію,—напримѣръ, кто думаетъ, что Святой Духъ исходитъ отъ Отца и Сына, хотя Спаситель прямо сказалъ, что Духъ Святой исходитъ только отъ Отца (Іоан. 15, 16); кто отвергаетъ нѣкоторыя таинства (изъ семи), о которыхъ сказано въ словѣ Божіемъ; кто учитъ, будто не нужно дозволять дѣтямъ участвовать во святомъ причащеніи, хотя самъ Господь велѣлъ приступать къ оному всѣмъ (Матѣ. 26, 27), и такъ далѣе; 2) тотъ, кто отпадаетъ отъ святой истинной вѣры, этой единственной истинной вѣры Христовой, или кто хочетъ оставить ее; таковой хочетъ слѣдовать не ученію Спасителя и апостоловъ, но постановленіямъ человѣческимъ и чрезъ то считаетъ мудрованіе человѣческое выше премудрости Божіей».

«И всѣ эти ученія, съ утвержденія свѣтской власти, распространяются среди обществъ, спокойно жившихъ до сихъ поръ въ своей Лютеранской вѣрѣ. А пастыри этихъ обществъ поставлены въ невозможность возражать на это и предостерегать свою паству отъ такихъ толкованій слова Божія, которыя они по совѣсти и лучшему пониманію должны отвергнуть на основаніи слова Божія. Но безъ этого они не были бы евангелическими проповѣдниками, которыхъ даже законъ евангелическо-лютеранской церкви въ Россіи (§ 314) обязываетъ исполнять свою важную должность съ величайшею добросовѣстностію и вѣрностію. Безъ этого ихъ приходы не были бы истинными членами лютеранской церкви, которая ввѣряетъ приходы духовнымъ лицамъ, чтобы они пасли ихъ словомъ и правдой по порученію Христа. Вотъ та изнуряющая борьба совѣсти, отъ которой страдаютъ эти духовныя лица съ того времени, какъ вы стали оберъ-прокуроромъ. Чего стоитъ пастырю вступить въ эту борьбу и по совѣсти предъ Богомъ не быть найденнымъ нашимъ Господомъ Христомъ нѣмною собакою, которая не можетъ быть наказана (Исаи 56, 10),—это показываетъ пасторъ Дондангенъ, кото-

рый въ теченіи пяти лѣтъ былъ влачимъ изъ суда въ судъ, даже до сената, чтобы оправдаться отъ недостойныхъ подозрѣній, когда онъ въ тѣсномъ кругу осмѣлился защищать своихъ сотоварищей отъ нападеній, сдѣланныхъ на ихъ церковь, и поучать...»

«Ревностно распространяемое братствомъ между евангелическими исповѣдниками провинцій сочиненіе означеннаго попа останавливаетъ еще на мгновеніе наше вниманіе. Съ изумительною откровенностію и съ еще болѣе страннаго одобренія Синода, поощряетъ этотъ попъ то, чтобы принимали ученіе Русской церкви и вступали въ нее, даже не узнавъ еще вѣры этой церкви. Но это бьетъ прямо въ лице праву, предоставленному только господствующей церкви. Вѣдь убѣжденіе можетъ возникнуть только чрезъ усвоеніе и затѣмъ согласіе съ какимъ-либо опредѣленнымъ ученіемъ. Но кто послѣдуетъ и поступитъ по совѣту, одобренному Синодомъ, по незаконному, а затѣмъ только впервые будетъ изучать ученіе церкви и къ своему ужасу увидятъ, что онъ не можетъ ему сочувствовать,—что тогда? Бѣдный обманутый! Вы конечно хорошо знаете, господинъ оберъ-прокуроръ, что такой несчастливецъ со всѣми своими потомками впередъ уже неизбѣжно на всегда привязанъ къ церкви, къ которой онъ не принадлежитъ по своей вѣрѣ и убѣжденію. Какъ много теперь уже такихъ людей, которые послѣдовали этому злему совѣту и обратили сюда свою жизненную стопу, людей внутренно истерзанныхъ, повергнутыхъ въ смущеніе, — болѣе несчастныхъ, чѣмъ тѣ, которые въ былыя времена попадали въ руки вербовщиковъ; тѣ по крайней мѣрѣ были приневолены къ временной службѣ. Полные смущенія, введенные въ обманъ, они видятъ себя вынужденными къ лицемерію; въ сердца ихъ закрадывается противъ тѣхъ, которые подали имъ злой совѣтъ, почти злоба, на виновниковъ которой Господь изрекъ свое «горе».

«Вмѣсто того, чтобы подсказывать вашимъ духовнымъ такіе совѣты и подобнаго рода пропагандою убѣждать людей къ слишкомъ поспѣшнымъ шагамъ и этимъ возбуждать легко возможную злобу, есть у васъ на очереди другое назрѣвшее

дѣло—оказывать вашимъ вербовщикамъ сильную поддержку въ томъ, чтобы они предпосылали вступленію въ Русскую церковь убѣжденіе въ ея истинѣ» (стр. 65—69)».

Горько мнѣ слушать обвиненіе меня въ соблазнѣ, въ обманѣ, въ вербованіи лютеранъ въ православіе хитростію, или злымъ совѣтомъ,—горько это слышать даже и отъ лютеранскаго пастора. Тѣмъ прискорбнѣе для меня этотъ упрекъ еще и потому, что по всей нѣмецкой землѣ, гдѣ, говорятъ, письмо г. Дальтона разошлось въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, пронесено имя русскаго попа, какъ зло, что тѣмъ охулялось православное духовенство, а съ нимъ и дорогое для русскаго сердца св. Православіе. Вотъ, говорятъ, конечно, нѣмецкіе читатели письма—вотъ какіе русскіе попы,—обманщики,—вотъ какъ они увлекаютъ бѣдныхъ лютеранъ въ православіе, соблазномъ, обманомъ, а не убѣжденіемъ въ правотѣ православія. Да и мыслимо-ли де, чтобы можно было убѣдить лютеранина въ неправотѣ евангелической вѣры и въ истинѣ русской вѣры? Такъ, конечно, думаютъ ярые лютеране. Къ тому еще нужно прибавить, что не одни нѣмцы читали и читаютъ письмо г. Дальтона, а и многіе православные, которые тоже не похвалятъ меня за вербованіе въ православіе лютеранъ хитростію и обманомъ, а не убѣжденіемъ. Къ сожалѣнію, какъ нѣмецкіе, такъ и русскіе читатели письма г. пастора едвали могутъ прочесть мою книжку: *Наставленіе отъ Православной церкви*; она напечатана только на латышскомъ и эстскомъ языкахъ, а многіе ли изъ русскихъ и даже нѣмцевъ знаютъ эти языки? Вотъ побужденія, заставляющія меня отвѣтить г. пастору Дальтону на его *Открытое письмо* г. Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода.

Прежде всего нѣсколько словъ о себѣ самомъ. Я служилъ священникомъ въ Рижской епархіи съ апрѣля 1849 по сентябрь 1867 г.—болѣе восемнадцати лѣтъ, и все почти время былъ благочиннымъ, да иногда былъ командированъ епархіальнымъ начальствомъ и въ другія благочинія;—поэтому могу знать положеніе православія и лютеранства въ Остзейскомъ краѣ не менѣе г. пастора Дальтона. И вотъ, на основаніи своего 18-лѣтняго опыта, я смѣло утверждаю, что господство-

вавшимъ въ этомъ краѣ въ мое время было не православіе, а лютеранство. Да будетъ извѣстно вамъ, г. пасторъ, что когда я вступилъ въ должность православнаго священника, намъ, священникамъ, было оффиціально внушено, чтобы въ своихъ проповѣдяхъ мы даже не упоминали о лютеранствѣ, а между тѣмъ пасторы громили православіе при всѣхъ удобныхъ случаяхъ. Въ издававшемся при Рижской духовной семинаріи — «Училищѣ Благочестія» на русскомъ и латышскомъ или эстонскомъ языкахъ позволено было печатать статьи только историческаго и нравственнаго содержанія. Приходы лютеранскіе были благоустроены, пасторы богато обеспечены; церкви лютеранскія были огромныя и башни ихъ, на которыхъ гордо развѣвались пѣтухи, высились къ облакамъ; между тѣмъ православные храмы помѣщались иногда въ сараяхъ или въ убогихъ помѣщеніяхъ для военныхъ постоевъ; священники получали самое ограниченное содержаніе. Вся свѣтская власть отъ старшины волостного суда и управителя имѣніемъ до высшаго уголовнаго суда и до губернатора, а иногда и до генераль-губернатора, была въ лютеранскихъ рукахъ. Всѣ школы, начиная съ приходскихъ училищъ до Дерптскаго университета, были нѣмецкія или, почти все тоже, лютеранскія; зналъ я одно только училище русское въ Ригѣ — Екатерининское. Все русское, начиная съ вѣры православной, которую обычно и называли русскою, языкъ, обычая, порядки русскіе считали низкимъ, недостойнымъ для порядочнаго пѣмца. Дворянъ русскихъ, не родившихся отъ смѣшанныхъ браковъ въ Остзейскихъ провинціяхъ, не принимали въ число дворянъ этихъ провинцій. Русскій языкъ въ школахъ нѣмецкихъ преподавали нѣмцы, а если и рускіе, то или полунѣмцы, или неисправные по своей должности. Шафрановы были исключеніе и очень нетерпимы въ школахъ нѣмецкихъ. Православнымъ законоучителямъ въ училищахъ уѣздныхъ городовъ не давали помѣщеній для занятія съ учениками Закономъ Божіимъ, и на этотъ предметъ не обращали никакого вниманія; зналъ-ли ученикъ главный предметъ преподаванія или не зналъ, его переводили въ слѣдующій классъ, не справляясь объ его успѣхахъ въ За-

конѣ Божиѣмъ. Мало того, самъ попечитель Дерптскаго учебнаго округа, графъ Кейзерлингъ, призналъ должность православнаго законоучителя въ уѣздныхъ училищахъ Вольмарскомъ и Венденскомъ въ 1849—1861 годахъ не существующею, а потому отвѣчалъ отказомъ на мое прошеніе включить означенное время въ число лѣтъ моей службы въ должности законоучителя ¹⁾).

А какъ много терпѣло въ Лифляндіи такъ называемое господствующее вѣроисповѣданіе—православное отъ угнетаемыхъ якобы лютеранъ, распоряжающихся всѣми дѣлами въ Остзейскомъ краю! Не смотря на сильныя притѣсненія, даже гоненія, заключенія въ тюрьму и тѣлесныя наказанія латышей и эстовъ, желающихъ принять православіе, все же ихъ присоединилось въ сороковыхъ годахъ болѣе ста тысячъ; для присоединенныхъ необходимы были церкви и кладбища, для этого нужно было около десятины земли подъ каждую церковь и кладбище. Но съ какими затрудненіями въ пныхъ мѣстахъ отводились эти клочки земли подъ православныя церкви! Тянулись годы, пока шли препирательства духовнаго начальства съ владѣльцами земли чрезъ свѣтское начальство объ отводѣ земли подъ православную церковь. Владѣльцы или совсѣмъ не давали земли, или давали мѣста самыя неудобныя, которыхъ нельзя было принять. Помню, какъ благочинный, я участвовалъ въ комиссіи по отводу земли подъ Уббенормскую церковь и кладбище; помѣщикъ, кажется, баронъ, ни за

---

1) Вступивъ въ должность священника при Вольмарской церкви въ концѣ апрѣля 1849 г., съ мая я началъ учить Закону Божию православныхъ дѣтей,—учениковъ и ученицъ Вольмарскихъ училищъ, которые собирались для этого въ мою квартиру. Въ 1859 г. я былъ перемѣщенъ въ Венденъ и тамъ тоже училъ учениковъ Закону Божию. Въ 1864 г. въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ объявлено было, что я утверждаюсь въ должности законоучителя; обращаюсь къ г. попечителю съ представленіемъ документовъ, что я преподавалъ законъ Божій въ училищахъ Вольмарскомъ и Венденскомъ съ мая 1849 г., попечитель не призналъ моей службы дѣйствительною до 1861 г., когда я сталъ уже получать жалованье, потому что должности законоучителя будто не было тогда въ означенныхъ училищахъ. Я подалъ прошеніе г. министру народнаго просвѣщенія и, благодаря его заступничеству, моя служба въ должности законоучителя съ мая 1849 г. признана дѣйствительною.

что не хотѣлъ уступать земли. Зная всю нужду въ землѣ, особенно для кладбища, я сталъ усердно просить барона уступить клочекъ земли для означенной надобности; но баронъ, оскорбившись моею настойчивостію, сказалъ мнѣ сердито: «да что вы съ пистолетомъ приступаете къ моей груди?» Я показалъ ему свои руки, въ которыхъ не было пистолета, но принужденъ былъ оставить въ покоѣ сердитаго барона. Лютеранское Уббенормское кладбище было закрыто для погребенія православныхъ покойниковъ, бывшихъ прихожанъ лютеранской Уббенормской церкви; и православные принуждены были возить своихъ умершихъ на ближайшее Лемзальское православное кладбище верстъ за 15, если не болѣе. Въ Фелликѣ не хотѣли дать подъ православное кладбище земли вблизи лютеранскаго, а давали ее по другую сторону города на низкомъ мѣстѣ, чуть не на болотѣ. Дѣло тянулось долго. Посланъ былъ я для ускоренія дѣла, осмотрѣлъ вмѣстѣ съ городскимъ начальствомъ мѣста и едва уговорилъ его дать подъ православное кладбище сколько-нибудь удобное для него мѣсто.

Какъ въ Вольмарѣ, такъ и въ Венденѣ я былъ членомъ тюремныхъ комитетовъ, а вмѣстѣ и тюремнымъ священникомъ, отправляющимъ всѣ духовныя требы для арестантовъ. Въ Венденскомъ тюремномъ замкѣ была даже особенная комната, гдѣ можно было для арестантовъ отправлять богослуженіе, и я, кромѣ посѣщенія ихъ въ камерахъ, отправлялъ въ ней по временамъ часы и говорилъ поученія. На богослуженіе мое собирались арестанты всѣхъ исповѣданій. Двое изъ арестантовъ, лютеране, изъявили желаніе принять православіе; я постарался приготовить ихъ къ этому; и прежде я давалъ арестантамъ читать православныя книжки, а послѣ изъясненія двумя изъ нихъ такого желанія, я сталъ къ нимъ чаще ходить, чаще въ тюрьмѣ служить и учить ихъ православію. Свѣдало объ этомъ ихъ желанія тюремное начальство и послѣ моего богослуженія въ тюрьмѣ начало арестантовъ допрашивать, зачѣмъ они хотятъ оставить евангелическо-лютеранскую вѣру и перейти въ русскую? Навѣрно начальство думало, какъ и г. пасторъ Дальтонъ, что я обманулъ арестан-

товъ и посулилъ имъ освобожденіе ихъ отъ заслуженнаго ими наказанія. Но отвѣтъ былъ вотъ какой: «мы лютеране въ тюрьмѣ нѣсколько лѣтъ пребываемъ, какъ скоты, и нашъ пасторъ не только не принимаетъ насъ на причастіе, да и не служить для насъ, а русскіе арестанты каждый годъ причащаются и для нихъ нерѣдко отправляется богослуженіе, котораго и насъ не лишаютъ». Начальство стало было отговаривать желающихъ принять православіе, но они остались тверды въ своемъ намѣреніи, и я присоединилъ ихъ въ тюрьмѣ. Что же вы думаете, г. пасторъ, сдѣлало лютеранское начальство? Заперло для меня двери тюрьмы, и я, членъ тюремнаго комитета и тюремный священникъ, лишень былъ права посѣщать арестантовъ даже и православныхъ. Вотъ вамъ и господствующее вѣроисповѣданіе! Конечно, по моей жалобѣ на такое незаконное самоуправство тюремнаго начальства, для меня вновь были открыты двери тюрьмы; но времени прошло не мало, и я былъ и глубоко огорченъ, и униженъ предъ арестантами. Навѣрно съ лютеранскимъ пасторомъ такъ и не подумали бы поступить, если бы онъ хоть десять десятковъ католиковъ присоединилъ къ лютеранству.

А то вотъ что сдѣлало угнетаемое будто бы въ Остзейскомъ краю Венденское лютеранское начальство. Въ Венденѣ на площади есть колодезь, или вѣриѣ резервуаръ, въ который притекаетъ и изъ котораго вытекаетъ по подземнымъ трубамъ вода. Въ день Богоявленія Господня въ этомъ колодезѣ вода всегда освящалась православнымъ священникомъ при крестномъ ходѣ; крестьянъ православныхъ и неправославныхъ стѣзжалось на этотъ праздникъ очень много; брали святую воду домой и поили ею своихъ лошадей. То же было и въ 1867 году; при освященіи воды я на площади же сказалъ поученіе объ освященіи воды. Но едва только крестный ходъ ушелъ отъ колодца, какъ Венденское начальство распорядилось при помощи русскихъ солдатъ привести къ колодцу пожарную трубу и стало святою водою поливать ближайшія зданія; конечно крестьяне лишены были освященной воды. Имъ всѣмъ ясно показали, что де это за пустое суевѣріе—освященная вода? Когда я узналъ объ этомъ посмѣяннн обря-

да православной церкви, я плакалъ отъ скорби; донесъ, конечно, своему епархіальному начальству, которое обратилось съ жалобой къ свѣтскому-лютеранскому. А то отвѣтило изумленіемъ, да какое же де это преступленіе? Какую де статью закона нарушило Венденское начальство, когда изъ общаго колодезя городского оно брало воду, чтобы испробовать новую пожарную трубу городскую? Вотъ вамъ и господствующее православное исповѣданіе! Видите-ли, какъ въ Лифляндіи притѣсняется лютеранское исповѣданіе?!

Какія притѣсненія отъ лютеранъ терпѣли въ Остзейскомъ краю новообращенные изъ лютеранства къ православію, объ этомъ сказано въ двухъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ Православномъ Обозрѣніи за мартъ и апрѣль 1865 г. подъ названіемъ: «*О настоящемъ положеніи православія въ Лифляндіи*». Но эти притѣсненія, нѣсколько десятковъ лѣтъ претерпѣваемые православными отъ духовнаго и свѣтскаго лютеранскаго начальства, поколебали въ вѣрѣ нѣкоторыхъ изъ новообращенныхъ крестьянъ; и они стали изъявлять желаніе возвратиться назадъ въ лютеранство. Крѣпко стали поддерживать отпадающихъ лютеране и желали, какъ можно, болѣе умножить число таковыхъ. Распространяли слухъ, что иные православные уже снова приняты въ лютеранство: иные пасторы и въ самомъ дѣлѣ совершали всѣ требы у православныхъ, особенно у тѣхъ, которые состояли въ бракѣ съ лютеранами. Дѣло дошло до того, что лютеранскіе суды (напр. Венденскій Орднунгсгерихтъ) стали принимать всѣхъ православныхъ, которые изъявляли желаніе вновь перейти въ лютеранство, и записывать ихъ или явно стали помогать ихъ совращенію, мало того, — стали побуждать къ совращенію, зазывая чрезъ преданныхъ слугъ православныхъ въ судъ для записи.

Въ это-то самое время и явилась моя книжка: *Наставленіе въ православной вѣрѣ*, на которую такъ зло нападаетъ г. пасторъ Дальтонъ. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ православное Прибалтійское Братство, пріобрѣвши мое сочиненіе въ полное свое распоряженіе, старалось о распространеніи его между православными, чтобы удержать ихъ отъ отпаденія отъ вѣры. Такъ вотъ какая цѣль составленія и

распространенія мое й книжки, -- это утвержденіе въ православіи новоприсоединенныхъ изъ лютеранства и огражденіе православія отъ нападковъ, какіе дѣлали на него лютеране. Въ этомъ можно убѣдиться самымъ латышскимъ заглавіемъ книжки: «Книга наставленія въ вѣрѣ для православныхъ». Да тоже и вы, г. пасторъ, нашли бы, если бы безъ предубѣжденія противъ меня прочитали и самую книжку. Такъ, въ ней изложены ваши лютеранскіе вопросы съ цѣлію разъяснить православнымъ догматы ихъ вѣры, вами отвергаемые, и утвердить ихъ въ признаніи ими вѣры: «развѣ иконы не становятся идолами, когда ихъ почитаютъ и предъ ними кланяются, и кланяющіеся предъ ними развѣ не становятся идолопоклонниками (стр. 130)? Въ словѣ Божіемъ сказано, что единъ ходатай у насъ—нашъ Спаситель, зачѣмъ же намъ предстательство святыхъ (стр. 122)? Слово Божіе запрещаетъ намъ молиться святымъ (стр. 123). Молитвы за умершихъ ничего не значать, ибо сказано въ словѣ Божіемъ: *во адѣ же кто исповѣтсѣя Тебѣ* (Псал. 6, 6) (стр. 95)? Изъ чего мы можемъ видѣть, что нужно грѣхъ исповѣдывать или рассказывать объ нихъ въ таинствѣ исповѣди священнику (стр. 84)? Да зачѣмъ это? говорятъ иные; можно священника обмануть или священникъ можетъ о грѣхахъ особенно важныхъ рассказать другимъ (стр. 85). Иные говорятъ, что русскіе прячущаются обмоченными кусками, а это грѣхъ. Спаситель на Тайной вечери обмоченный кусокъ подалъ Іудѣ предателю, въ котораго вошелъ послѣ куска сатана (Іоан. 13, 27) (стр. 77). Иные говорятъ, что малыя дѣти ничего не понимаютъ, они какъ скоты, они не могутъ искушать себя, что заповѣдуетъ св. апостоль (1 Кор. 11, 28—29), какъ же можно приобщать ихъ Св. Таинъ (стр. 74 и 75)? Зачѣмъ дѣтямъ приобщаться? они получаютъ блаженную жизнь и чрезъ одно крещеніе; да и Господь приобщилъ только апостоловъ уже взрослыхъ (стр. 73). Откуда мы знаемъ, что хлѣбъ и вино въ таинствѣ причащенія пресуществляются въ тѣло и кровь Христовы? А какъ же мы вкушаемъ хлѣбъ и вино? Очевидно пресуществленія нѣтъ (стр. 79). Какъ можно слабыхъ и больныхъ дѣтей погружать при крещеніи въ холодной водѣ? Это опасно для ихъ

здоровья. Если крещеніе дѣйствительно чрезъ обливаніе, зачѣмъ же не крестить вѣрующихъ такъ, какъ легче и удобнѣе, то есть, чрезъ обливаніе, а не чрезъ погруженіе (стр. 67)? Дѣва Марія была человѣкъ, и рожденіе отъ нея Спасителя было дѣломъ Божиимъ, она была при семъ тоже, что сосудъ, въ которомъ было золото. Ужели сосудъ сдѣлается дороже отъ того, что въ немъ пожелитъ золото (стр. 46)? У нея были дѣти, кромѣ Спасителя, братья Ему (Мат. 13, 55; Марк. 6, 3) (стр. 44). Много есть ложныхъ преданій; какъ же можно принимать таковыя и отличить ложныя отъ истинныхъ? Да самъ Спаситель отвергнулъ преданіе (Марк. 7, 8) (стр. 31—32). Такіе и подобные имъ вопросы и отвѣты на нихъ въ *Наставленіи въ православной вѣрѣ* явно показываютъ, что оно написано не для нападенія на лютеранство, а для огражденія православныхъ отъ нападеній лютеранъ на ихъ св. вѣру.

Но выписки изъ книжки г. пастора Дальтона показываютъ какъ бы противное. Разсмотримъ и эти выписки. Первая выписка взята изъ предисловія книжки, въ которомъ я показалъ православнымъ, что истинная вѣра, которую они приняли, та самая, которую принесъ на землю сшедшій съ небесъ Сынъ Божій, Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Почему она одна только на всемъ свѣтѣ истинная вѣра, дарующая намъ спасеніе. Это я доказывалъ 1) исторіею установленія на землѣ Спасителемъ церкви, которая пребывала единою, нераздѣльною церковію и осуждала еретиковъ на соборахъ, особенно на вселенскихъ; но къ несчастію отдѣлилась отъ нея западная, римско-католическая. Виною этого раздѣленія были папы, которые хотѣли властвовать надъ всею церковію и допустили разныя заблужденія. «Но вотъ, почти за 350 лѣтъ до нашего времени явился въ нѣмецкой землѣ одинъ высокообразованный монахъ Мартинъ Лютеръ, отдѣлился отъ римской церкви и основалъ еще другую церковь, которая по имени своего перваго основателя и названа лютеранскою церковію. Мартинъ Лютеръ возсталъ противъ продажи папскихъ грамотъ, которыми за деньги прощались грѣхи, противъ запрещенія людямъ читать слово Божіе на своемъ при-

родномъ языкѣ и т. д. Онъ стоялъ въ этомъ случаѣ за истину и поступилъ хорошо. Но когда Лютеръ началъ порицать нечестивые поступки папы и отвергать его неправое ученіе, то онъ отвергъ также и то, что было установлено вселенскою церковію, что было чистою истиною и основывалось на ясномъ ученіи слова Божія. Въ своемъ ученіи онъ хотѣлъ держаться только слова Божія; но если всякій начнетъ толковать слово Божіе по своему только разумѣнію, то явится такъ-же много новыхъ ученій, какъ много мнѣній людскихъ. И ложные учителя, которые повреждали Христово ученіе, выдавали, что они свое ученіе основывали на Священномъ Писаніи. Дорогое сокровище—слово Божіе, Господь вручилъ вселенской церкви, которую Онъ создалъ, и никому не позволяется слово Божіе толковать по своему только разумѣнію. Какъ бы ни былъ кто уменъ, но развѣ онъ безгрѣшенъ и развѣ онъ не можетъ ошибаться? Поэтому, когда возникали между христіанами какія-либо недоумѣнія или же являлись ложныя ученія, тогда св. отцы, настоятели частныхъ церквей, преемники св. апостоловъ, собиравшись на соборъ, и какъ то или другое ученіе понимала вся вселенская церковь — *этотъ столпъ и утверждение истины* (1 Тим. 3, 15—16), такъ то и было опредѣляемо, а не по разумѣнію кого-либо одного, или немногихъ людей. Непризванный преобразователь церкви, неправильно и произвольно объясняя слово Божіе, считалъ себя выше вселенской церкви и гордо думалъ, что только онъ съ своими товарищами правильно понимаетъ слово Божіе и не ошибается, а вся Христова церковь, существовавшая уже около 1500 лѣтъ, какъ онъ думалъ, не вѣрно понимала слово Божіе и впала въ заблужденіе. Видите, какое неправое свидѣтельство противъ святой Церкви Христовой, о которой самъ Господь сказалъ, что *и врата ада не одолѣютъ ее* (Матѣ. 16—18), и которой глава, самъ Спаситель, обѣщавшій быть съ нею *во вся дни, до скончанія вѣка* (Матѣ. 28, 20), силенъ сохранить ее отъ заблужденій. И вотъ, преобразователь западной церкви, Лютеръ, полагаясь только на свою мудрость, какъ самъ ошибался, такъ ввелъ въ разныя заблужденія и своихъ послѣдователей. Такъ онъ отвергъ пять

тайнствъ, которые были совершаемы въ святой церкви отъ времянъ апостольскихъ и основываются на ясномъ ученіи слова Божія,--отвергнувъ почитаніе святыхъ угодниковъ Божіихъ и самой Матери Божіей, какъ Несторій, осужденный вселенскою церковію,—отвергнувъ почитаніе святыхъ иконъ, утвержденное отцами седьмага вселенскаго собора и такъ далѣе (Mahzibas Grahmata 8—10 lap).

Думаю, всякому здравомыслящему и не ослѣпленному лютеранскимъ ученіемъ христіанину ясно, что ничего невѣрнаго и унижительнаго о Лютерѣ я не сказалъ,—а сказалъ я объ немъ одну сущую правду. Ну, подумайте вы сами, г. пасторъ Дальтонъ, что истинная Христова церковь до Лютера вѣдь существовала же на свѣтѣ. Римско-католическая церковь съ папою во главѣ не была такою, — это вѣрно; очевидное дѣло, она была на востокѣ. Не могло же быть, чтобы вся основанная Христомъ церковь впала въ заблужденія и существовала только омраченная неправдою и заблужденіями, это значило бы, что не исполнилось обѣщаніе Спасителя быть съ нею до скончанія вѣка, это значило бы, что врата адава одолѣли ее; чего допустить невозможно. Поэтому, если бы преобразователь церкви, Лютеръ, видя неправоту римско-католической церкви, искалъ только истины и настоящей Христовой церкви, онъ долженъ бы былъ обратиться къ восточной церкви и безъ предубѣжденія разсмотрѣть, сохранила-ли она всѣ признаки истинной Христовой церкви, или не сохранила? Твердо-ли она держалась постановленій вселенской церкви до отдѣленія отъ ней римско-католической? Но монахъ Лютеръ въ озлобленной борьбѣ съ папою не подумалъ о восточной церкви. Къ тому же въ дѣла церковныя замѣшаны были дѣла гражданскія, и уже не до истины ему было. Иначе трудно было допустить, чтобы ученый Лютеръ могъ отвергнуть въ церкви таинство священства. Какъ это такъ? Со времянъ апостольскихъ въ истинной церкви Христовой всегда существовали епископы, пресвитеры и діаконы, всегда первые поставлялись соборомъ епископовъ, а другіе епископами, — и вдругъ они всѣ оказались ненужными въ церкви. Да развѣ не самъ *Духъ Святыи* постави еписко-

ны части церковь Господа и Бога, юже стяжа кровію своею (Дѣян. 20, 28)? Но поддерживаемый нѣмецкими князьями въ борьбѣ съ папою, Лютеръ допустилъ участіе въ управленіи церковію мірянъ и отвергнулъ епископатъ. Не доброе дѣло сдѣлалъ Лютеръ, не былъ онъ призванъ Богомъ для преобразованія церкви,—онъ шелъ противъ установленій вселенской церкви, основанной Христомъ Спасителемъ.

Г. пасторъ Дальтонъ оскорбляется на меня за то, что Лютера ставлю я на одну доску съ Несторіемъ, еретикомъ, осужденнымъ вселенскою церковію. Но оскорбляться нужно за намѣренно высказанную неправду, или по крайней мѣрѣ показать, что я не правъ. А развѣ Лютеръ и его послѣдователи не отвергають почитанія Пресвятой Дѣвы Маріи и наименованія ея Богородицею, — за что былъ осужденъ на третьемъ вселенскомъ соборѣ Несторій? Непонятно для меня и то, почему г. пасторъ взялъ извлеченіе изъ моей книжки только о еретикѣ Несторіѣ, которому я по всей справедливости уподобилъ Лютера, и умолчалъ о моемъ обвиненіи его въ томъ, что онъ отвергнулъ иконопочитаніе, утвержденное на седьмомъ вселенскомъ соборѣ, и значить, сталъ на одну доску съ иконоборцами, тоже осужденными вселенскою церковію?

Позвольте мнѣ еще продолжить выписку изъ моей книжки, чтобы немного пополнить сокращенную и не совсѣмъ вѣрную выписку изъ нея г. пастора Дальтона о томъ же Лютерѣ; вотъ, что у меня сказано: «Преобразователь церкви—нѣмецъ не былъ посланъ отъ Бога, чтобы устроить на свѣтѣ какую-либо новую церковь; это можно видѣть изъ того 1) что онъ не совершалъ чудесъ, какихъ много совершили св. апостолы, какъ посланники самого Бога, а чрезъ то онъ ясно показалъ, что въ немъ не обитала Божественная сила, что онъ былъ не отъ Бога. 2) Что его послѣдователи раздѣлились на многія различныя секты, противныя одна другой и отвергающія одна другую. Между ними явилось много такихъ лицъ, которыя совсѣмъ отвергають вѣру въ самого Христа и Его ученіе. Ужели это Христова церковь? 3) Что ученіе Лютера во многихъ пунктахъ до очевидности не соглас-

но съ словомъ Божиимъ, какъ будетъ показано въ моемъ Наставленіи послѣ. Очевидно, что составитель такого ученія не былъ посланъ отъ Бога» (10 пар.).

2) Вторымъ доказательствомъ того, что православная церковь есть единая истинная Христова церковь на всемъ свѣтѣ, въ моемъ Наставленіи приведено то, что въ ней нѣтъ заблужденій, какія находятся въ другихъ неправославныхъ церквахъ, что она свято хранитъ все ученіе Христово; она боится къ божественному ученію прибавлять человѣческое ученіе, какъ то дѣлаютъ неправославные. Здѣсь показаны нѣкоторыя отступленія отъ слова Божія въ лютеранской церкви (пар. 11).

3) Въ истинной Христовой церкви съ основанія ея всегда совершались чудеса (Марк. 16, 17), которыя совершать можетъ одинъ только Богъ (Псал. 72, 18). Понятно, что та церковь, въ которой чудесъ не совершается, которая даже отвергаетъ и не признаетъ ихъ, не истинная церковь Христова. Въ православной же церкви какъ прежде, такъ и теперь чудеса совершаются. Очевидно, что съ ней пребываетъ самъ Господь (Мат. 28, 20) и что она истинная церковь Христова (12 пар.).

4) «Святая Православная церковь, какъ церковь самого Христа, очень усердно заботится о своихъ дѣтяхъ, а особенно объ освященіи ихъ благодатію Божіею и о томъ, чтобы они достигли *въ мѣру возраста исполненія Христова* (Ефес. 4, 13) и чтобы изъ сей временной жизни они вступили въ будущую достойными получить неувядаемые вѣнцы славы въ царствѣ небесномъ... Съ перваго дня рожденія человѣка до послѣдняго его вздоха святая церковь не оставляетъ православнаго, молится за него Богу, учитъ его, сообщаетъ ему благодать Божію для его спасенія. Вотъ, родился на свѣтъ человѣкъ; святая церковь молится за него Богу, а равно и за его мать, которая въ это время бываетъ больна. Тогда же, или въ восьмой день съ молитвою ко Господу нарекаетъ новорожденному имя какого-либо святаго; она желаетъ, чтобы и дитя было святымъ. Затѣмъ она сподобляетъ дитя святаго крещенія, муропомазанія и причащенія; и черезъ три сіи свя-

тыя таинства раждаетъ его въ новую полную благодати жизнь, преподаетъ ему дары Святаго Духа, которые укрѣпляютъ его въ духовной жизни, и соединяетъ его съ самимъ Христомъ. Лишь только христіанинъ начинаетъ сознавать себя, святая церковь принимаетъ его къ таинству покаянія и съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ учитъ его беречься отъ грѣховъ и жить по заповѣдямъ Божиимъ. Если христіанинъ хочетъ вступить въ бракъ, она освящаетъ его брачный союзъ въ таинствѣ брака. Когда христіанинъ бываетъ боленъ, у святой православной церкви для больного готовы три святыхъ таинства: покаяніе, елеосвященіе и причащеніе; и такую полнотою Божіей благодати она хочетъ достойно приготовить его къ будущей жизни. Въ самый смертный часъ церковь не оставляетъ его и молится за него Богу. Умеръ христіанинъ; во святой церкви есть много молитвъ и пѣсней объ умершихъ, какъ о взрослыхъ, такъ и о младенцахъ. Совѣтую тебѣ самому, любезный братъ мой, внимательно прочитать эти надгробныя молитвы и пѣсни въ требникѣ и твое сердце навѣрно скажетъ тебѣ: эти молитвы и пѣсни милосердой къ своимъ дѣтямъ матери,—да, эти молитвы и пѣсни истинной Христовой церкви. Но святая церковь никогда не перестанетъ молиться Богу какъ о живыхъ, такъ и объ умершихъ; такъ она до скончанія вѣка будетъ возносить свои усердныя молитвы и о тебѣ, православный братъ мой, какъ при твоей жизни, такъ и по смерти. Послѣ твоей смерти забудутъ тебя твои ближніе и родные, но никогда, никогда не забудетъ тебя твоя духовная и заботливая о тебѣ мать, святая православная церковь».

«И сколько богослуженій и молитвъ у святой православной церкви! Въ каждый воскресный и праздничный день два раза: утромъ и днемъ ¹⁾ она собираетъ своихъ дѣтей на богослуженіе. Въ иные праздники у нея есть особое богослуженіе, какъ-то: въ Пасху, въ Троицынъ день, въ Великій пятокъ, въ Богоявленіе Господне и другіе праздники. У святой церкви есть особое богослуженіе во время моровой язвы,

¹⁾ Я примѣнялся здѣсь къ обычаямъ отправленія богослуженія для крестьянъ.

когда ангелъ смерти лишаетъ жизни многихъ людей. Въ такое бѣдственное время страшатся и трепещутъ всѣ, живыми оставшіеся; и къ кому мы, грѣшныя, прибѣгнемъ тогда, какъ не къ милосердому Царю небесному, владѣющему животомъ и смертію? Наступаетъ безведріе, когда мокрота вредитъ полевымъ плодамъ, или же наступаетъ бездождіе и солнечный жаръ иссушаетъ землю; и въ такія времена у святой православной церкви есть особыя богослуженія. Когда ты, православный, захочешь войти въ новый домъ, святая церковь освящаетъ его, если только ты пожелаешь этого; захочешь ты идти въ дальнюю дорогу, она провожаетъ тебя молитвою. Да она и всегда безъ твоего призванія молится Богу о всѣхъ, кому нужна Божія помощь, — *о плавающихъ, путешествующихъ, недугующихъ, страждущихъ, плѣнныхъ и о спасеніи ихъ*. Гдѣ ты еще найдешь такъ много заботъ и молитвъ, какъ не въ православной церкви? Повѣрь мнѣ, нигдѣ. Ты еще хорошо не знаешь, какова твоя духовная мать—святая православная церковь; и когда ты хорошо узнаешь ее, тогда ты ясно увидишь, что только она есть Христова церковь, полная Христовой благодати и истины» (13—15 лар.).

Если бы г. пасторъ Дальтонъ выписалъ весь мой 4-й доводъ, а не одни послѣднія слова его; то конечно какъ ему самому, такъ и читателю его письма очевидно стало бы, что дѣйствительно святая православная церковь несравненно болѣе заботится объ освященіи благодатію и о спасеніи своихъ духовныхъ чадъ, болѣе заботится даже о нуждахъ ихъ временныхъ, чѣмъ всякая другая христіанская, а особенно лютеранская; и онъ конечно не посмѣлъ бы упрекать меня въ томъ, что я несправедливо восхваляю православіе предъ лютеранствомъ. Добросовѣстное отношеніе къ дѣлу требовало бы отъ г. пастора по крайней мѣрѣ того, чтобы онъ доказалъ мою неправоту; но видно, онъ не желалъ входить въ объясненія съ русскимъ попомъ. Это его дѣло; но едвали за это его похвалятъ добросовѣстные читатели его письма и моего отвѣта на него. Что христіанинъ, ревнующій объ угожденіи Богу и о спасеніи своей души, не довольствуется лютеранскимъ богослуженіемъ, это въ Лифляндіи доказали герн-

гутеры, которые собирались на особыя свои богослуженія и изъ которыхъ нѣкоторые познали правоту православія и едвали не первые присоединились къ св. церкви православной. Таковъ былъ Давидъ Баллодь, впоследствии ревностный православный священникъ въ Лаудонѣ. Это же доказывали и сотни, тысячи лютеранъ, обращавшихся, сколько мнѣ извѣстно, къ православнымъ священникамъ за молитвою и объ нихъ самихъ при ихъ несчастіяхъ, или болѣзняхъ, и о своихъ больныхъ животныхъ. Слыхалъ я даже о такихъ лютеранскихъ пасторахъ въ Лифляндіи, которые сами посылали своихъ прихожанъ къ православному священнику, чтобы они просили его помолиться за больной ихъ скоть, ссылаясь на то, что у нихъ нѣтъ такой молитвы. Недостаточность богослуженія, учрежденнаго въ лютеранствѣ, чувствуютъ лютеране, во множествѣ посѣщающіе православныя церкви въ праздники св. Пасхи, Богоявленія Господня и другіе.

Г. пасторъ Дальтонъ приписываетъ мнѣ такія слова, обращенныя будто мною къ лютеранамъ: «Хотя вы еще не знаете правой вѣры, но поэтому не удерживайтесь принять ее. По словамъ Божиимъ тотъ погибъ, кто не имѣетъ истинной вѣры во Христа».

Послѣ приведенныхъ мною четырехъ доводовъ на то, что православная церковь есть истинная церковь Христова, полная Христовой благодати и истины, я продолжалъ. «И эту-то святую церковь Христову иные хотятъ оставить!... И по какимъ причинамъ иные хотятъ оставить ее? По самымъ неосновательнымъ».

Въ числѣ другихъ такихъ причинъ приведена у меня и такая: «иные говорятъ: мы русской вѣры не знаемъ и не можемъ ее выполнить; какъ же мы можемъ оставаться въ ней? Не согрѣшимъ ли мы только тогда? Конечно, вы хорошо еще не знаете святой вѣры; конечно, вы еще не можете дать отвѣтъ въ ней мудрователямъ сего міра, а особенно врагамъ святой православной вѣры, которые постоянно глумятся надъ нею и всячески унижаютъ ее, чтобы уловить васъ въ свои сѣти и отнять у васъ душевный миръ и радость о Святомъ Духѣ. Но не предавайтесь, мои любезные, такому страху и

такимъ лживымъ оболъщеніямъ. Самое важное въ святой вѣрѣ вы уже знаете, вы знаете Господа Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа; а по словамъ Христовымъ: *се есть животъ вѣчный, да знаютъ Тебе единого истиннаго Бога и Еложе послалъ еси Іисусъ Христа* (Іоан. 17, 3). Вы также знаете ученіе святой православной церкви, которое заключается въ символѣ вѣры. Но когда вы знаете изъ своей вѣры самое необходимое для спасенія и сердечно всему тому вѣруете; такъ будьте вполне покойны; вы никакъ не погибшіе, какъ обычно называютъ васъ враги святой православной вѣры,—вы дѣти Христовой церкви, вы дѣти самого Христа. По словамъ Божиимъ только тотъ погибшій, у кого нѣтъ истинной вѣры во Христа (Марк. 16, 16). Но чтобы вамъ болѣе и болѣе укрѣпиться въ святой вѣрѣ, вамъ нужно изучать ее и чѣмъ болѣе вы станете изучать ее, тѣмъ болѣе она будетъ пріятна для васъ, какъ самое дорогое сокровище. Иначе, подумайте сами, разумно ли оставлять святую вѣру потому, что вы хорошо еще не знаете ее? Вѣдь это похоже было бы на то, что получившій дорогое сокровище и не желая хорошо осмотрѣть и узнать его, бросилъ бы его, или промѣнялъ бы его на другую вещь малоцѣнную, или совсѣмъ ничего не значущую. Нѣтъ, мой другъ, не дѣлай этого, а сперва хорошо изучи святую православную вѣру и учись ей не у враговъ ея, а у своего духовнаго пастыря, котораго тебѣ поставилъ самъ Богъ; случай также самъ ученіе православной вѣры съ словомъ Божиимъ,— и повѣрь, что небесное ученіе просвѣтитъ тебя, и ты ясно увидишь, что православная вѣра есть самый драгоцѣнный даръ Божій».

«Кромѣ знанія вѣры для спасенія необходима еще благодать Божія (Ефес. 2, 8). Но эта благодать обильно даруется намъ, православнымъ, въ семи спасительныхъ таинствахъ. Какъ можно чаще приступайте къ святымъ таинствамъ покаянію и причащенію, приступайте съ твердою вѣрою, сердечною любовію и раскаяніемъ во грѣхахъ,—приводите къ симъ таинствамъ и вашихъ дѣтей. И Господь, по своему милосердію, пребудетъ въ васъ и въ вашихъ дѣтяхъ (Іоан. 6, 56) и утвердитъ васъ въ своей святой вѣрѣ, и возвеселитъ васъ, и поможетъ вамъ во всякомъ добромъ дѣлѣ».

Очевидно, что моя бесѣда идетъ только съ православнымъ, но отъ враговъ православія смущеннымъ тѣмъ, что онъ не знаетъ своей вѣры, а потому де долженъ бросить ее. И я убѣждаю его не вѣрить такимъ пагубнымъ для него внушеніямъ и не оставлять своей святой и спасительной вѣры только потому, что онъ хорошо еще не знаетъ ея, и совѣтую ему хорошо изучить ее. Гдѣ же мое приглашеніе лютеранамъ, чтобы они принимали православную вѣру, не узнавъ ея? Правда, мое наставленіе въ православной вѣрѣ могутъ читать и лютеране; но развѣ въ этой книжкѣ мною не изложено все ученіе православной церкви, хотя и кратко, и развѣ каждый, читающій ее, не можетъ самъ сличить православное ученіе съ лютеранскимъ и узнать, какое ученіе согласнѣе съ словомъ Божиимъ, то-ли, которое онъ содержитъ, или же православное? Что я сказалъ можетъ быть и непріятную для лютеранина, но сущую правду о Лютерѣ, это едва ли можетъ поколебать преданнаго лютеранству; а если и поколеблется кто-либо изъ лютеранъ и убѣдится въ св. истинѣ православія, узнавъ ее изъ моей книжки; за что же претендовать на меня? за что считать меня обманщикомъ? Вѣдь это не честно. Никого я не обманываю и обманывать не хочу; основаніемъ ученія православной церкви полагаю я слово Божіе,—и читающему мою книжку указываю на біблію и говорю: прочитай то или другое въ ней и ты самъ увидишь, что истина въ православной церкви, а не въ лютеранствѣ ¹⁾).

Г. пасторъ говоритъ, что населеніе, почти 300 лѣтъ связанное къ евангелической церкви, приводится моею книжкой въ смущеніе. Не моя книжка привела латышей и эстовъ-

---

¹⁾ Помню мой разговоръ о погруженіи младенцевъ при крещеніи съ помѣщицей лютеранкой. Основаніемъ православнаго обычая между прочимъ я указывалъ на примѣръ Спасителя въ Иорданѣ крещеннаго; Онъ входилъ въ самую рѣку и въ ней крестился, или погружался. Лютеранка отвергала это; я указалъ на евангеліе,—принесла она евангеліе и къ изумленію своему прочитала въ немъ: *и крестился Иисусъ, взиде абіе отъ воды* (Мат. 3, 16). Вышелъ,—значитъ, сперва вошелъ въ воду, говорилъ я и указывалъ какъ на обличеніе лютеранскаго обряда, на названіе иѣмцами крещенія погруженіемъ (Taufe). Призадумалась моя собесѣдница.

лютеранъ въ смущеніе въ сороковыхъ годахъ, когда присоединилось къ православію изъ лютеранства болѣе ста тысячъ; и меня въ Остзейскомъ краѣ и моей книжки на свѣтѣ еще не было тогда. Но видно, лютеране-крестьяне мало привязаны были къ своей вѣрѣ, что такъ легко оставили ее, не смотря даже на сильное притѣсненіе ихъ отъ высшихъ лицъ.

Г. пасторъ сожалѣетъ тѣхъ несчастныхъ обманутыхъ мною, которые послѣдуютъ моему злему совѣту и примутъ ученіе православной церкви, еще не узнавъ вѣры этой церкви; но, изучая ученіе ея, къ ужасу своему увидятъ, что они не могутъ сочувствовать ему — что тогда? Внутренно они будутъ терзаться, смущаться и становятся несчастяѣе тѣхъ, которые прежде попадали въ руки вербовщиковъ, конечно въ военную службу; тѣ только на время вербовались, а завербованные мною должны на всегда съ своимъ потомствомъ остаться въ православіи. Красны слова; но разобрать ихъ, такъ ясно увидимъ, что по вѣтру бьетъ г. пасторъ своимъ краснорѣчіемъ.

Не менѣе вашего, г. пасторъ, болить сердце и у каждаго православнаго объ уклоняющихся отъ православія; но уже конечно не моя книжка виною уклоненія ихъ; моя книжка написана съ цѣлію обратить ихъ на путь истины, научить св. вѣрѣ православной и возмущенной врагами православія душѣ доставить миръ и радость о Духѣ Святомъ (Рим. 14, 17). Вы боитесь, г. пасторъ, что предисловіе моей книжки, обращенное къ уклоняющимся изъ православія, соблазнитъ лютеранъ и они, прочитавъ его и не заглянувъ въ самую книжку, научающую православной вѣрѣ, поспѣшатъ присоединиться къ православію и потомъ уже станутъ читать самую книжку, станутъ учиться св. вѣрѣ. Воля ваша, а вы, умный пасторъ, дѣлаете несообразное съ здравымъ смысломъ предположеніе и на немъ строите такіе ужасы для соблазняемыхъ будто моею книжкою. Чтобы сдѣлать такой важный шагъ въ жизни, перемѣнить вѣру и еще вѣру отцевъ, которые содержали ее около 300 лѣтъ, — вѣру, къ обычаямъ которой привыкли, — вѣру легкую, обязательно не требующую отъ послѣдователей своихъ даже добрыхъ дѣлъ, — (по вашему ученію не ими вѣдь спасается человѣкъ, а только вѣрою), — и принять вѣру труд-

ную, поучающую, что добрыя дѣла необходимы для спасенія, вѣру, предписывающую разные труды и подвиги для Господа, напр. стояніе на молитвѣ, иногда длинное, посты и т. п., вѣру, за принятіе которой сильныя лютеране дѣлаютъ разные притѣсненія и даже гоненія (см. № 5225 Нов. Вр. 1890 г.)¹⁾, а гг. пасторы грозятъ адомъ по горло (см. № 211 Москов. Вѣд.), каждому, имѣющему человѣческой смыслъ, нужно прежде переменны вѣры подумать, и подумать, да и познакомиться съ ученіемъ православной вѣры и съ ея богослуженіемъ; благо, что есть моя книжка. Не совсѣмъ довольный лютеранствомъ, конечно не одинъ разъ прочитаетъ ее, да не одинъ разъ сходить и на православное богослуженіе. И вотъ, если онъ найдетъ, что вѣра православная есть истинная вѣра Христова, а лютеранская неправая (въ этомъ я вѣрю, это я показалъ въ своей книжкѣ на основаніи библіи), если его сердцу понравится первая,—онъ конечно и оставитъ лютеранство и приметъ православіе. Тѣмъ болѣе долженъ обдумать переменну вѣроисповѣданія лютеранинъ, что ему уже нельзя воротиться назадъ къ оставляемой имъ вѣрѣ; это онъ конечно уже знаетъ хорошо; желающіе возвратиться въ лютеранство, или уклоняющіеся отъ православія, не могутъ этого сдѣлать, несмотря на многіе годы этого уклоненія. Да и самъ священникъ православный не приметъ желающаго принять православіе поспѣшно, а сперва увѣрится въ искренности и чистотѣ его намѣренія. Думаю, вамъ извѣстно г. пасторъ, что съ 1845 по 1865 годъ было узаконено для Остзейскаго края, что желающій принять православіе послѣ оффиціального заявленія своего желанія объ этомъ предъ священникомъ при полицейскомъ чиновникѣ—обычно-лютеранинѣ, въ теченіе цѣлаго полугода не могъ быть присоединенъ къ православію и оставался подъ всѣми искушеніями и вліяніями лютеранъ. Какая же тутъ поспѣшность въ принятіи православія? Не только для принятія въ церковь еретиковъ, но и для принятія язычниковъ

---

¹⁾ Отставной солдатъ Адо Пэбо заключенъ въ тюрьму за то, что у него найдены архипастырское посланіе Высокопреосвященнѣйшаго Платона и брошюра «Любовь къ народу», въ которой эсты убѣждаются перейти въ православіе.

вселенская церковь не установила такого длиннаго искуса, какой въ угоду лютеранъ учрежденъ былъ въ Остзейскомъ краѣ для желающихъ перейти изъ лютеранства въ православіе; для испытанія ищущихъ Христовой вѣры былъ сорокадневный срокъ; но и тотъ сокращался по усмотрѣнію предстоятеля церкви; конечно иногда я удлинялся; но это уже зависѣло отъ воли предстоятеля церкви, а главное отъ расположенія и усердія присоединяемаго. И теперь хотя уже отмѣненъ шестимѣсячный срокъ присоединенія крестьянъ изъ лютеранства къ православію, но никакъ я не думаю, чтобы православный священникъ поторопился присоединить къ св. церкви православной вовсе незнакомаго съ православною вѣрою; безъ сомнѣнія, онъ сперва будетъ учить его этой вѣрѣ, да конечно дастъ ему и мою книжку для ознакомленія его съ св. вѣрою. И вотъ, когда онъ достаточно изучитъ православную вѣру, тогда уже священникъ и присоединитъ его къ православію. Самый чинъ присоединенія къ православію знакомитъ съ сущностію лютеранскаго и православнаго исповѣданія; почему присоединяемый, совсѣмъ незнакомый съ православіемъ, что предполагаетъ г. пасторъ Дальтонъ, видя въ вопросахъ священника себѣ непріятное, или ученіе, съ которымъ онъ не соглашается, можетъ тогда же заявить о своемъ несогласіи съ такимъ ученіемъ, а потому можетъ отказаться и отъ самаго присоединенія. Поэтому совершенно напрасный совѣтъ г. пастора Дальтона о принятіи мѣръ къ тому, чтобы священники предпосылали вступленію въ православную церковь убѣжденіе въ ея истинѣ; не убѣжденный въ этомъ не можетъ быть присоединенъ къ православію.

Г. пасторъ Дальтонъ говоритъ, что убѣжденіе можетъ возникнуть только чрезъ усвоеніе и затѣмъ чрезъ согласіе съ какимъ-либо опредѣленнымъ ученіемъ, ученіемъ вѣры конечно. И св. церковь Христова желающихъ вступить въ оную всегда оглашала, или учила истинамъ вѣры; но убѣжденіе въ правотѣ и святости вѣры можетъ возникнуть не чрезъ одинъ умъ, или знаніе, а и чрезъ чувство, когда та, или другая вѣра понравится человѣку, когда онъ сердцемъ своимъ полюбитъ еще не совсѣмъ извѣстную ему вѣру. Развѣ забылъ г. па-

сторъ слова апостольскія: *сердцемъ отъруетъ въ правду* (Рим. 10, 10)? Послы св. Равноапостольскаго Владиміра, русскаго великаго князя, еще конечно мало знакомы были съ христіанскою вѣрою; но пораженные великолѣпіемъ православнаго богослуженія, они плѣнились имъ и такъ убѣдились въ святости и истинѣ его. что не захотѣли никакой другой вѣры, кромѣ православной. Сколько было примѣровъ тому, что незнающіе вѣры Христовой, даже гонители христіанъ, пораженные терпѣніемъ, великодушіемъ. или необыкновенными подвигами ихъ, сами оставляли язычество и принимали вѣру Христову, иногда становились даже мучениками за Христа? Такъ убѣжденіе въ истинѣ вѣры, г. пасторъ, достигается не чрезъ одно изученіе ея, не чрезъ одинъ холодный умъ, а чрезъ смиренное и отзывчивое къ доброму и святому сердце. Вы, лютеране, полагающіе всю сущность вѣры въ изученіи, или въ знаніи ея, забываете, что иныя истины вѣры выше ума человѣческаго и никакой человѣкъ не можетъ постигнуть ихъ своимъ умомъ, онѣ принимаются только вѣрою, забываете, что *не любяи, не позна Бога, яко Богъ любви есть* (1 Іоан. 4, 8).

Въ учености мы вамъ, г. пасторъ, уступимъ, а въ любви никогда. Я докажу вамъ это убѣдительно для васъ самихъ. Православная церковь, какъ церковь самого Христа, заповѣдуетъ намъ ежедневно молиться *о миръ всего міра и о соединеніи всѣхъ*; заповѣдуетъ молиться *о ненавидящихъ и любящихъ насъ*, заповѣдуетъ молиться *за вся христіаны*; видите-ли? мы молимся по уставу святой церкви не только за васъ, лютеранъ, но и за весь міръ, даже за язычниковъ. А покажите намъ уставъ своей церкви, которымъ положено было бы молиться вамъ за насъ, православныхъ? Да сотни и тысячи лютеранъ, приходящіе къ православнымъ священникамъ съ просьбою помолиться за нихъ и принимаемые священниками, что другое доказываютъ, какъ не то, что св. церковь православная полна любви? Она молится и велитъ намъ молиться и за лютеранъ. А стали ли бы лютеранскіе пасторы молиться за православныхъ, если бы они въ такомъ множествѣ стали просить ихъ объ этомъ? Да было-ли когда-либо, чтобы хоть одинъ изъ пасторовъ нарочно для православнаго сходплъ въ церковь

и помолился за него, какъ часто дѣлають то православные священники для лютеранъ? Навѣрно вы сами это хорошо знаете. Да что намъ говорить о другихъ? Скажемъ про себя. Вотъ, изъ моей книжки вы увидѣли, что я, поставленный руководителемъ другихъ по пути ихъ къ небу, ко спасенію, оказываюсь соблазнителемъ, обманщикомъ, даю имъ злые совѣты, дѣлаю несчастными соблазняемыхъ мною, за что возвѣщаете мнѣ горе отъ Господа. Но я спрошу васъ, г. пасторъ: сердцемъ своимъ пожалѣли-ли вы меня, въ глазахъ вашихъ такого злодѣя? Помолились ли за меня Богу? Это знаетъ ваша совѣсть и самъ Богъ. Но моя совѣсть и всевидящій Богъ знаютъ, что я исполнилъ заповѣдь Спасителя: *молитесь за творящихъ вамъ напасть* (Мат. 5, 44), сталъ молиться за васъ, когда узналъ, какъ печатно вы караете меня, и конечно буду молиться за раба Божія Германа, который впалъ по моему твердому убѣжденію въ сильное заблужденіе во взглядѣ на меня, и на мою книжку, и на Прибалтійское братство, и на свѣтскую власть въ Россіи, и на г. Оберъ-Прокурора Св. Синода, и на Св. Синодъ, и особенно на св. православную церковь, едину святую, соборную и апостольскую церковь.

Васъ, г. пасторъ, возмущаетъ мое ученіе, что истинная Христова вѣра это вѣра православная, а не лютеранская, что грѣшнаты тѣ, которые вѣрують и поступаютъ несогласно съ ученіемъ Спасителя, равно и тѣ, которые отпадаютъ отъ святой истинной вѣры Христовой и хотять слѣдовать не ученію Спасителя и св. апостоловъ, а установленіямъ человѣческимъ. Возмущаетъ васъ и то, что такое ученіе, то есть, православное съ утвержденія свѣтской власти распространяется среди лютеранскихъ обществъ. Не желаете ли вы г. пасторъ, чтобы православные священники проповѣдывали, что православіе и лютеранство все одно, что та и другая вѣра—вѣры Христовы и равно спасительны? Но вѣдь это противно долгу совѣсти и убѣжденію истинныхъ пастырей церкви Христовой, это противно ученію слова Божія, это противно ученію вселенской Христовой церкви, которая на соборахъ, особенно вселенскихъ, осуждала тѣхъ, которые, толкуя слово Божіе по своему, а не согласно сохраняемому ею священному пре-

данію, подобно лютеранамъ, не желали подчиниться ея опредѣленіямъ и становились противниками ея, еретиками. Да вотъ еще какую странность въ васъ, г. пасторъ, я нахожу. По основному ученію лютеранъ предоставляется всякому христіанину широкая свобода вѣровать и понимать слово Божіе; зачѣмъ же вы хотите стѣснять насъ и другихъ понимать слово Божіе не такъ, какъ вы оное понимаете? Зачѣмъ вамъ такъ беспокоиться за другихъ, которыхъ учить православная церковь не такъ, какъ учите вы, лютеране? Предоставьте всякому полную свободу принимать такое ученіе, какое онъ хочетъ, какое ему болѣе нравится, а не такое, какое вы хотите навязать ему. Вѣдь по вашему ученію въ православной Церкви можно спастись; ну и пусть желающіе принять ея ученіе спасаются въ ней. Зачѣмъ вамъ разными правдами и неправдами отвлекать отъ православія даже принявшихъ ея ученіе? Да я вотъ еще что посоветовалъ бы вамъ сдѣлать. Чѣмъ излагать бесполезныя стѣванія на существующій въ Россіи порядокъ касательно господствующей православной церкви, чѣмъ поносить меня и приписывать мнѣ разныя злодѣянія, вы великое благо сдѣлали бы тѣмъ несчастнымъ, которые перешли въ православіе и снова хотятъ оставить его, если бы убѣждали ихъ оставить свое упорство и покориться существующему въ Россіи закону. Вѣдь имъ уже нельзя снова перейти въ лютеранство, нельзя нарушить ту клятву, которую они дали предъ присоединеніемъ къ православію, клятву навсегда неизмѣнно оставаться въ православіи. Зачѣмъ же имъ быть внѣ всякой церкви и не пользоваться спасительными дарами благодати Божіей? Вѣдь въ православной Церкви есть эта благодать Божія; пусть ихъ они и пользуются ею. Но видно, вы не жалѣете такихъ несчастныхъ, соблазненныхъ мною; будьте же выше меня, будьте великодушны и какъ сами постарайтесь убѣждать несчастныхъ оставаться въ православіи, такъ дайте добрый совѣтъ пасторамъ Остзейскаго края, чтобы они не утверждали отпадающихъ отъ православія въ ихъ упорствѣ, а какъ истинные пасторы и вѣрноподданные православнаго царя, постарались примирить ихъ съ святою православною церковію. Вотъ, если бы вы и вашъ собратъ

поступили такъ; какое благословеніе заслужили бы вы отъ несчастныхъ, какой подвигъ истинно христіанскій совершили бы вы!

Вы хотите, чтобы свѣтская власть запрещала намъ открыто проповѣдывать и учить другихъ устно и печатно, что св. церковь православная есть истинная церковь Христова. Да вѣдь это было бы стѣсненіемъ православія, господствующаго въ Россіи исповѣданія, было бы противузаконно. Не желаете ли вы, г. пасторъ, чтобы воротились въ Остзейскій край порядки сороковыхъ годовъ, когда православные архипастыри съ жандармами высылались изъ Риги, а ищущіе православія усмирялись военною силою, какъ бунтовщики? Вполнѣ я увѣренъ, что такіе порядки уже безвозвратно прошли и никогда не воротятся въ Остзейскій край. Но это уже дѣло свѣтской власти, которой намъ съ вами, г. пасторъ, указывать не приходится.

По словамъ г. пастора Дальтона лютеранскіе пасторы поставлены въ невозможность опровергать ученіе православной церкви и предостерегать свою паству отъ такихъ толкованій слова Божія, которыя они по совѣсти и лучшему пониманію должны отвергнуть на основаніи слова же Божія. Но если бы въ словѣ Божіемъ сказано было, что его нужно толковать только на основаніи его же самого, если бы о спорныхъ пунктахъ между православнымъ и лютеранскимъ ученіемъ сказано было въ словѣ Божіемъ, что ихъ нужно такъ понимать, а не иначе; то спора между нами не было бы. Но бѣда въ томъ, что слово Божіе можно понимать совершенно различно; поэтому, кромѣ слова Божія для правильнаго его пониманія необходимо имѣть еще другое пособіе. И вотъ, лютеране толкуютъ его, руководствуясь при этомъ только своимъ умомъ, а мы, православные, руководимся при объясненіи слова Божія разумѣніемъ его вселенскою церковію съ самыхъ первыхъ временъ ея основанія, со временъ апостольскихъ, руководимся толкованіемъ слова Божія, пониманіемъ его мужами апостольскими и ихъ преемниками, святыми святителями и вселенскими учителями, руководимся опредѣленіями вселенскихъ соборовъ, на которыхъ святая церковь

Христова изрекла свое пониманіе слова Божія. Какое же пониманіе слова Божія лучше, или непогрѣшамѣе, наше-ли православное, основанное на пониманіи его всею вселенскою церковію, всегда одинаковое, неизмѣнное, или же лютеранское, часто разнорѣчивое, непостоянное и основанное на пониманіи не просвѣщеннаго Духомъ Божиимъ и часто погрѣшающаго человѣческаго ума? Думаю, что всякій добрый христіанинъ предпочтетъ, долженъ предпочесть своему пониманію слова Божія пониманіе его Христовою церковію, этимъ *столпомъ и утвержденіемъ истины* (1 Тим. 3, 15—16).

Пасторы лютеранскіе, говорите вы, поставлены въ невозможность опровергать православное ученіе и предостерегать свою паству отъ этого ученія; безъ чего будто они не могутъ быть евангелическими проповѣдниками, не могутъ отправлять свою должность съ величайшею добросовѣстностію и вѣрностію, какъ требуетъ того отъ нихъ даже законъ русскій. Видите ли, г. пасторъ, какъ добръ для васъ, лютеранъ, русскій законъ? онъ велитъ вамъ, пасторамъ, отправлять свои обязанности съ величайшею добросовѣстностію и вѣрностію,— а вы еще жалуетесь на стѣсненія и какія-то чуть не гоненія. Но тотъ же законъ запрещаетъ вамъ оскорблять православную церковь и вредить ей. Поэтому добрые пасторы, уважающіе законъ православнаго Царя, во всей Россіи могутъ свободно проповѣдывать лютеранское ученіе своей духовной паствѣ и заботиться о ней, не касаясь православнаго ученія; никакихъ притѣсненій имъ ни отъ кого нѣтъ. Но пасторы Остзейскаго края, поддерживаемые въ прежнее время всею силою свѣтской власти, не только проповѣдывали свое лютеранское ученіе, но прямо нападали и на православіе, и на все почти русское,—особенно сильно дѣйствовали они во вредъ православію чрезъ школы. Мои три дочери воспитывались въ лютеранскихъ школахъ въ Остзейскомъ краѣ и доселѣ не могутъ забыть, какъ имъ тяжело было часто слушать колкія насмѣшки надъ православіемъ и надъ разными обычаями русскихъ; ярые лютеране не щадили даже самыхъ высокихъ особъ русскихъ. А вы еще говорите о притѣсненіяхъ, претерпѣваемыхъ будто лютеранскими пасторами, о ихъ невозможно-

сти предостерегать свою паству отъ православнаго ученія. Вы указываете на примѣръ пастора Дондангена, который будто такъ много потерпѣлъ за то, что онъ въ тѣсномъ кругу осмѣлился защищать своихъ сотоварищей отъ нападеній на ихъ церковь. Очень жаль, что вы не объяснили, въ чемъ именно состояла вина пастора Дондангена, что именно и гдѣ именно онъ сказалъ въ защиту своихъ сотоварищей и конечно въ защиту лютеранства отъ нападеній будто на это исповѣданіе? А то ваша жалоба голословная ничего не объясняетъ. Безъ сомнѣнія вина пастора Дондангена была подобна винѣ Пузенскаго пастора Карла Тилинга, который въ своей проповѣди съ церковной кафедры сказалъ такъ: «діаволь, какъ рыкающій левъ, рыскаетъ кругомъ и ищетъ, кого бы онъ могъ проглотить; слуги его суть тѣ лжепророки, которые ходятъ по приходу и сманиваютъ людей въ русскую, то есть, православную вѣру. Эта вѣра происходитъ отъ чорта; перешедшіе въ нее находятся по горло въ аду». Семнадцать свидѣтелей удостовѣрили, что пасторъ такъ отозвался о православной вѣрѣ; сверхъ того это удостовѣреніе нашло подтвержденіе въ объясненіи самого пастора и въ показаніяхъ имъ же выставленныхъ свидѣтелей. Но иные свидѣтели еще показали, что пасторъ Тилингъ сказалъ: «слуги діавола, — лжепророки — это русскіе священники, которые принимающихъ православіе намазываютъ грязью и каломъ». Такъ одинъ изъ вашихъ, г. пасторъ, сотоварищей проповѣдуетъ съ церковной кафедры о русской вѣрѣ въ настоящее время; а вы еще утверждаете, что не можетъ быть, чтобы какой-либо пасторъ въ пятидесятихъ годахъ называлъ православіе собачьей вѣрой, — вотъ, даже въ недавнее время, одинъ называлъ ее вѣрою чорта. Вы говорите, что никакого дѣла не было о томъ, чтобы какой-либо пасторъ называлъ православіе собачьей вѣрою; вѣдь это говорите вы, г. пасторъ, не имѣя твердаго основанія на то. Сочинитель статьи: *О настоящемъ состояніи Православія въ Лифляндіи*, сказавшій, что одинъ пасторъ называлъ православіе собачьею вѣрою и о другихъ хуленіяхъ православія отъ лютеранъ, былъ обвиняемъ лютеранскимъ и свѣтскимъ начальствомъ въ клеветѣ, за что оно требовало отдать его подѣ

судъ. Но Рижское епархіальное начальство, имѣвшее официальные документы, отвѣчало отказомъ на такое требованіе; никакой клеветы въ означенной статьѣ оно не нашло и отвѣчало свѣтскому начальству, что если авторъ статьи въ чемъ виноватъ, такъ развѣ виноватъ въ томъ, что еще мало сказалъ о томъ, какъ повосятъ православіе ревнители лютеранства и особенно пасторы. Авторъ вышеозначенной статьи, напечатавшій о томъ, что одинъ пасторъ называлъ православную вѣру собачьей вѣрой, самъ не хотѣлъ этому вѣрить, но сообщившій ему это свѣдѣніе сотоварищъ его увѣрилъ его въ томъ прибавивъ, что пасторъ преданъ былъ за это суду, но избавился отъ наказанія по милостивому Манифесту, и далъ автору письменное свидѣтельство на это свое заявленіе, упомянулъ даже, какой пасторъ называлъ такъ православіе, но это не былъ г. пасторъ Валтеръ. Пасторы въ прежнее время нимало не стѣснялись въ нападкахъ на православіе, это показываетъ жалоба на извѣстнаго въ Лифляндіи Вольмарскаго пастора Валтера (впослѣдствіи епископа и суперъ-интендента лютеранской консисторіи), который въ сороковыхъ годахъ на Фетельнскомъ кладбищѣ сказалъ рѣчь и въ ней поносилъ православную церковь и непристойнымъ образомъ нападалъ на нее, а именно называлъ православіе язычествомъ, а принявшихъ оное ворами, убійцами и язычниками и говорилъ, что души ихъ никогда не достигнутъ спасенія. Но на судѣ будто опровергнута эта жалоба и будто сами доносители и обвинители сознались, что они прежде при слѣдственной комиссіи лгали. И пасторъ Валтеръ былъ оправданъ. (См. *Baltische Monatsschrift* iuni 1865). Замѣчательна эта статья тѣмъ, что ясно показываетъ, какъ нѣмецкая печать восхваляетъ и защищаетъ лютеранскихъ пасторовъ, поносящихъ православіе, какъ лютеранскіе суды оправдываютъ ихъ. На самомъ судѣ публично предъ огромною массою народа безъ сомнѣнія согнаннаго лютеранскою полиціею даютъ виновнымъ пасторамъ право проповѣдывать и конечно грозить муками ада бывшимъ на судѣ обвинителямъ пастора. Несчастные свидѣтели, до рѣчи пастора упорно стоявшіе на томъ, что онъ дѣйствительно поносилъ православіе, послѣ рѣчи стали уже утвер-

ждать, что они лгали на него. Не мудрено, впрочемъ, что кромѣ самого пастора подѣйствовали на свидѣтелей и другіе ревнители лютеранства, не рѣчью уже конечно, а другимъ способомъ. Пасторъ Тилингъ Курляндскимъ оберъ-гофгерихтомъ тоже былъ оправданъ; судъ не нашелъ ничего преступнаго въ дѣяніи пастора. Видите-ли, г. пасторъ, какъ судятъ нѣмецкіе суды пасторовъ за ихъ хуленія православной церкви? Такъ конечно судили и Валтера. Но православный губернской прокуроръ не согласился съ опредѣленіемъ суда и дѣло перешло въ Сенатъ. И, невинный по рѣшенію высшаго лютеранскаго суда, пасторъ Тилингъ признанъ вполнѣ виновнымъ и по строгому закону долженъ былъ лишенъ быть нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и заключенъ въ тюрьмѣ на одинъ годъ и восемь мѣсяцевъ. Но Сенатъ далъ снисхожденіе своею грубою бранью унизившему церковную кафедру пастору; — онъ присужденъ былъ только къ тюремному заключенію на четыре мѣсяца и удаленію изъ Прибалтійскаго края (см. № 211 Москов. Вѣд. за 1890 г.). Кто изъ православныхъ священниковъ когда-либо позволилъ себѣ подобную брань сказать объ лютеранствѣ не только съ церковной кафедры, но и въ частномъ разговорѣ? Смѣло скажу — никто.

Протоіерей Іоаннъ Постоловъ.

КРИТИКА И ИСТОРИЯ

ОТНОСИТЕЛЬНО ЖИЗНИ ИСУСА ХРИСТА.

(Окончаніе *).

VI.

Неразрывная гармонія, царствующая между четырьмя Евангеліями, не смотря на ихъ различіе, признавалась всегда, съ самой глубокой древности. Съ этимъ согласно и всеобщее преданіе церкви. По одному тому уже, что каждая изъ этихъ книгъ содержитъ въ себѣ слово Самого Бога, невозможно допустить, чтобы между ними могло быть разногласіе. Слово Божіе не можетъ противорѣчить Само Себѣ. Поэтому съ половины II-го вѣка начали издаваться указатели или индексы (diatessaron), какъ ихъ называли, для приведенія къ единству четырехъ боговдохновенныхъ рассказовъ. Это единство было уже à priori удостовѣрено критическимъ изученіемъ и внимательною провѣркою документовъ. И не только три первыхъ Евангелія, названныя сипонтическими (synoptiques) по причинѣ явнаго сходства ихъ плана, согласуются между собою, но они гармонируютъ также и съ четвертымъ не смотря на его глубочайшее представляющееся отличіе отъ нихъ.

Съ перваго взгляда дѣйствительно это послѣднее произведеніе можетъ показаться нисколько не похожимъ на своихъ предшественниковъ. И событія, и географическая и хроноло-

---

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ», № 23-й, 1890 г.

гическая рамка, включающая ихъ, и рѣчи,--все въ немъ отличается отъ другихъ. Нѣкоторые критики, на основаніи этихъ различій, поспѣшили даже заключить о его противорѣчии и установили такую диллему: что если синоптическія Евангелія точны въ начертаніи жизни Іисуса, то св. Іоаннъ представляеть намъ исторію фантастическую; а если рѣчи Іисуса у трехъ первыхъ Евангелистовъ суть истинныя Его рѣчи, то предлагаемая Іоанномъ--не иное что, какъ искусственное сочиненіе, и наоборотъ. если четвертое Евангеліе достовѣрно въ своихъ рассказахъ и приводимыхъ рѣчахъ Іисуса, то первые не могутъ быть истинными.

Но всѣ эти дѣйствительныя и очевидныя различія между синоптическими Евангеліями и четвертымъ, о которыхъ мы сейчасъ упоминали, не только не даютъ права выводить изъ нихъ неопровержимое противорѣчіе, но напротивъ, скорѣе доказываютъ неразрывную гармонію этихъ четырехъ свидѣтельствъ. Св. Іоаннъ не противорѣчитъ своимъ предшественникамъ; онъ пополняетъ и изъясняетъ ихъ, какъ относительно географической и хронологической рамки, въ какую включена жизнь Учителя, такъ со стороны событій, составляющихъ основу этой жизни, и со стороны бесѣдъ, содержащихъ вкратцѣ Его ученіе.

Въ трехъ первыхъ Евангеліяхъ, театромъ апостольскаго служенія Іисуса являются только Галилея и Іерусалимъ, а рассказъ св. Іоанна доказываетъ, что прежде, нежели Іисусъ началъ возвѣщать въ Галилеѣ Царствіе Божіе, Онъ впродолженіи цѣлаго года проповѣдывалъ уже въ Іудеѣ и торжественно проявилъ свою власть во храмѣ изгнаніемъ изъ него торжниковъ. Синоптическія Евангелія говорятъ опредѣленно только о послѣднемъ странствованіи Іисуса въ Іерусалимъ на праздникъ Пасхи, гдѣ Онъ долженъ былъ умереть; Іоаннъ же, упоминаетъ о многихъ путешествіяхъ въ Святой Городъ, о пребываніи въ Переѣ, по ту сторону Іордана и въ Ефраимѣ, на границѣ съ пустынею. Синоптическія Евангелія начинаютъ общественную жизнь Іисуса со времени заключенія Іоанна Крестителя въ темницу, четвертое же Евангеліе съ крещенія Іисуса, и опредѣляетъ полную ея продолжительность

тремя праздниками Пасхи, о которыхъ упоминаетъ. Синоптики не даютъ намъ никакой отмѣтки для хронологической классификаціи событій общественной Его жизни, а св. Іоаннъ отмѣчаетъ ихъ съ чрезвычайной точностію путешествіями Іисуса въ Іерусалимъ, на главные Іудейскіе праздники. Синоптики, не рассказывая ничего о разновременныхъ пребываніяхъ Іисуса въ главномъ городѣ, не могутъ познакомить насъ ни съ тѣмъ, что Онъ тамъ дѣлалъ, ни съ его торжественными поученіями тамъ, тогда какъ св. Іоаннъ передаетъ намъ все это съ богатѣйшими подробностями

Всѣ эти драгоцѣнныя свѣдѣнія не противорѣчатъ, какъ видимъ, ни въ чемъ синоптическимъ Евангеліямъ, они пополняютъ ихъ пробѣлы и сверхъ всего имѣютъ ту заслугу, что объясняютъ ихъ рассказъ. Безъ нихъ невозможно было бы возстановить трогательную драму жизни Іисуса, понять Его особенный способъ наставлять и учить. Жесточайшая борьба Его, самыя трогательныя Его поученія, очень естественно, должны были происходить въ главномъ городѣ и имѣть своими свидѣтелями національные авторитеты. Тамъ именно должно было завершиться служеніе Его, какъ Мессіи, и тамъ именно долженъ Онъ былъ проявить Себя въ верховномъ Своемъ блескѣ. Галилея была для Іисуса, сравнительно, мѣстомъ отдохновенія, спокойствія, гдѣ, вдали отъ центра угрожавшей Ему ненависти, Онъ съ первыхъ дней могъ проповѣдывать Царствіе Божіе рыбаарямъ и простымъ людямъ, набирать Себѣ учениковъ и полагать основы Своему великому дѣлу въ сознаніи вѣрующихъ, предназначенныхъ для его распространенія. А что касается до Его удаленія въ Галилею, о которомъ говорится у Синоптиковъ, то св. Іоаннъ одинъ указываетъ историческую причину этого удаленія.

По свидѣтельству трехъ первыхъ Евангелій мы замѣчаемъ, что Іисусъ, какъ Чудотворецъ, Учитель и Наставникъ, говоритъ и дѣйствуетъ съ безусловной личной властію. Когда Онъ исцѣляетъ больныхъ, повелѣваетъ нечистымъ духамъ, воскрешаетъ мертвыхъ, мы не видимъ, чтобы Онъ ссылался при этомъ на какое-либо высшее начало, отъ котораго Онъ заимствуетъ Свою силу. Онъ говоритъ, возлагаетъ руки, пове-

лѣвааетъ, и больные исцѣляются, бѣсы выходятъ, мертвые воскресаютъ. Когда Онъ учитъ,—тоже самое. Онъ отпускаетъ грѣхи, какъ Богъ. Онъ издаетъ нравственный законъ въ Свое Собственное Имя, какъ Богъ. Онъ не во имя Божіе его предписываетъ, а прямо въ Свое собственное имя. Онъ хочетъ, чтобы ученики Его признавали въ Немъ истиннаго Сына Бога живаго и Онъ хвалитъ въ нихъ вступленіе въ эту высшую и совершеннѣйшую вѣру.

Что же Онъ за Существо? Какая Его природа? Какое Его дѣйствительное отношеніе къ Тому, Кого Онъ называетъ Своимъ Отцемъ? Въ чемъ состоитъ собственно то дѣло, которое совершаетъ Онъ въ сознаниіи людей? Что такое этотъ Мессія, предвозвѣщенный пророками и олицетворившійся въ Немъ? И въ чемъ состояла тайна Царствія, основаннаго Имъ?

Первыя три Евангелія приводятъ только слова Іисуса, гдѣ все это было сказано въ притчахъ и знаменіяхъ. Четвертому же Евангелію предстояло дать намъ полнѣйшее освѣщеніе всему, посредствомъ передачи самыхъ торжественныхъ и искреннѣйшихъ рѣчей. въ которыхъ Іисусъ Самъ изъяснилъ намъ эти тайны на языкѣ, какимъ не говорило ни одно созданіе на землѣ.

Іисусъ не Сынъ Божій, Онъ — Сынъ. Вотъ имя, которымъ Онъ всегда называетъ Самъ Себя. Онъ одно съ Отцомъ и одинаковой сущности съ Нимъ. Прежде, чѣмъ Аврааму быть, прежде, чѣмъ быть міру, Онъ былъ, и былъ въ Отцѣ. Онъ все получилъ отъ Отца: могущество, свѣтъ и жизнь. Онъ судитъ, просвѣщаетъ и животворитъ, Онъ сообщаетъ Свой Духъ и съ этимъ Духомъ жизнь вѣчную. Онъ самое вѣрное, единое и совершенное проявленіе Отца, видящій Его, видѣль Отца. Кто любитъ Его, любитъ Отца. Онъ въ Отцѣ, и Отецъ въ Немъ.

Эти откровенія, умозрительныя для всякаго сотвореннаго сознанія и для всякаго разума, могутъ быть приняты только тѣмъ, кто вѣруетъ слову Іисуса. Онѣ переносятъ его въ Божественную сферу, недоступную для самаго генія, но отверзтую простой душѣ и искреннему сердцу.

Эти рѣчи не только не расходятся съ нравственными по-

ученіями Іисуса и Его притчами, но однѣ онѣ только и могутъ дать имъ настоящее разъясненіе.

Если Іисусъ говорилъ такъ, какъ св. Іоаннъ представляетъ Его говорящимъ, то я понимаю тогда Чудотворца и Наставника синоптическихъ Евангелій, то безусловное превосходство, съ какимъ Онъ дѣйствуетъ и ту собственную власть, съ какой Онъ предъявляетъ Свой законъ. Такимъ именно образомъ и долженъ былъ повелѣвать и издавать законы Сынъ Божій, Единый Истинный, безо всякой метафоры и ограниченія; если же вѣтъ, то Іисусъ синоптиковъ будетъ неразрѣшимой загадкою: какимъ образомъ простой посланникъ Божій осмѣлился бы присвоить себѣ свойственный лишь Божеству образъ бытія, дѣйствованія и слова.

Единство свидѣтельствъ неразрывно, и противопоставить ихъ одно другимъ можно развѣ только по причинамъ, чуждымъ исторіи. Тѣ, которые начинаютъ съ гипотезы, что Іисусъ — не болѣе какъ человѣкъ, вынуждены, конечно, пожертвовать всѣмъ четвертымъ Евангелиемъ, включая и событія, и рѣчи; невозможно допустить однѣ и отвергнуть другія; ибо онѣ нераздѣльно составляютъ одно, такъ что писатель, свидѣтельствующій событія, охраняетъ своимъ свидѣтельствомъ и рѣчи. Дѣло его — одно по происхожденію; оно взаимно связано во всѣхъ частяхъ и такъ сказать сливается съ дѣломъ трехъ первыхъ Евангелій. Описаніе жизни Іисуса, сообразное съ правилами всякой исторіи и всякой критики, невозможно безъ поясненій Іоанна. Первое условіе для начертанія исторіи высшаго Существа, это—приведеніе въ ясность Его внутреннѣйшаго сознанія Самого Себя. Поэтому главнѣйшею цѣлю св. Іоанна и было открытъ для насъ въ Іисусѣ это внутреннѣйшее сознаніе. Не дѣло историка разбираться—мѣшаетъ или противорѣчитъ такое откровеніе его собственнымъ идеямъ или его философіи; его дѣло важнѣе и безкорыстнѣе: онъ обязанъ передать во всей полнотѣ свидѣтельство тѣхъ, кто видѣлъ и слышалъ все самъ.

Первая и величайшая ошибка новѣйшей критики протестантской или невѣрующей въ томъ громадномъ и упорномъ трудѣ, который она посвятила Евангельскимъ свидѣтельствамъ,

начиная съ половины XVIII вѣка во Франціи, Англіи, Швеціи и особенно въ Германіи, состояла въ томъ, что она разбирала свидѣтельства эти, какъ мертвую букву. Она умышленно забыла, что это не книги, ставшія общимъ достояніемъ, а неотъемлемая собственность вселенской церкви. Если она и не считаетъ церковь божественнымъ учрежденіемъ, получившимъ отъ своего Учредителя неусыпнаго хранителя Его устнаго или написаннаго Слова, то и въ этомъ случаѣ, могла ли она не признать за нею ея высокаго значенія, какъ организованнаго общества? А если такъ, то какое право имѣла она относиться къ принадлежащимъ ей книгамъ, какъ будто къ простому папирусу древняго Египта, уцѣлѣвшему отъ исчезнувшаго народа, который начерталъ на немъ какіе-то знаки, означавшіе какія-то мысли?

Безукоризненное преданіе такой религіи, какъ религія Иисуса, которая соединена была непрерывною связью въ продолженіи XVIII вѣковъ, оставляло каждому вѣку могущественный отпечатокъ своей вѣры въ безчисленныхъ твореніяхъ, равно высокихъ и по ученію ими излагаемому, и по добродѣтелямъ, какими они учатъ, и по геніальности, съ какой они написаны,—могло ли такое преданіе быть удалено съ подобною легкостію? Не могущественная ли это сила? А такъ какъ это преданіе есть живая хранительница Евангелій, то не къ нему ли именно должна была обратиться благонамѣренная и безпристрастная критика, чтобы понять Евангелія, узнать ихъ происхождение и ихъ содержаніе.

Всякая книга, взятая отдѣльно отъ того общества, которому принадлежитъ и которому она служитъ драгоценнымъ элементомъ, предоставляется на произволь каждаго.

Такъ было и съ Евангеліями. Оторванные отъ религіозной традиціи, которой они служатъ древнѣйшимъ и драгоценнѣйшимъ памятникомъ, они сдѣлались всеобщей добычею.

Чтобы они заговорили, надо ихъ оживить; ибо душа всякаго документа заключается въ той средѣ, которая его внушала, въ господствующихъ идеяхъ этой среды, въ волновавшихъ ее страстяхъ и въ характеризовавшихъ ее обычаяхъ. Вздумали было искусственно возстановить эту среду, и,

натурально обратились за этимъ къ церкви, къ книгамъ отцовъ и къ самымъ Евангеліямъ, которыя они старались понять. Тюбингенская школа, увлекаемая Бауромъ, особенно отмѣтила себя на этомъ трудномъ поприщѣ. Ея знаменитая гипотеза состояла въ признаніи, что все въ этихъ книгахъ произвольно и преувеличено. Видѣть въ христіанствѣ I-го и II-го вѣковъ лишь борьбу іудеохристіанъ, въ лицѣ Петра, Іакова и Іоанна, и универсалохристіанство въ лицѣ Павла, не значило-ли это—произвольно ограничить горизонтъ воззрѣнія, придать подробности значеніе цѣлаго, увеличивать безмѣрно одну какую либо черту и дѣлать изъ нея всю фізіономію. Можно вообразить, что случилось съ апостольскими писаніями и главнѣйшимъ образомъ съ Евангеліями въ рукахъ такой критики и ея школы, разбиравшей ихъ съ этой узкой и исключительной точки зрѣнія. Какой же былъ результатъ всѣхъ этихъ ожесточенныхъ трудовъ для рѣшенія задачи, предлагаемой апостольскимъ свидѣтельствомъ?

Объяснили ли они способъ ихъ составленія, открыли ли тайну ихъ сходства и различія, постигли ли причину неразрывнаго единства связующаго ихъ, какъ члены одного тѣла, открыли ли точнѣе порядокъ ихъ появленія?

Стоитъ просмотрѣть безчисленные сочиненія объ этомъ предметѣ, чтобы убѣдиться въ радикальномъ безсиліи тѣхъ, кто возбудилъ эти проблемы. Всѣ гипотезы принимались. Одни предполагали существованіе какого то неизвѣстнаго Евангелія, изъ котораго будто бы три первыхъ заимствовали свое содержаніе. Гердеръ опровергъ это; по его мнѣнію наши Евангелія имѣли началомъ устное Евангеліе: будто какіе то страждующіе рассказчики, нѣчто въ родѣ древнихъ рапсодовъ, переходя изъ одного мѣста въ другое, разносили они благую вѣсть и рассказы ихъ, выученные наизусть, прикрашенные и преувеличенные, послужили источникомъ нашимъ написаннымъ Евангеліямъ.

Было еще предположеніе о существованіи какихъ то табличекъ, издававшихся неизвѣстными лицами, нѣчто въ родѣ отрывочныхъ сказаній о жизни Іисуса, которыя послужили будто къ составленію Евангелія св. Луки.

Предполагали еще, будто Евангеліе св. Маттея было пере-

дѣлано; что существовалъ нѣкій прежній Матѳей, который исчезъ неизвѣстно куда, оставивъ послѣ себя какое то писаніе, которое послужило къ составленію перваго Евангелія, а равно и Евангелія, приписываемаго св. Марку.

Нѣкоторые же отдавали первенство св. Марку и считали его источникомъ и для св. Матѳея, и для св. Луки.

Эти безконечныя гипотезы, смѣнявшія одна другую, выказываютъ всю свою несостоятельность; ибо смѣняясь, они разрушали одна другую, и ни одна изъ нихъ не продержалась даже нѣсколькихъ лѣтъ. Ихъ забывали вмѣстѣ съ ихъ составителями.

Когда всѣ, самые авторитетные представители критики, называющейся независимой, будутъ согласны, тогда только можно будетъ изслѣдовать ея заключенія; до тѣхъ же поръ свидѣтельство Церкви, касательно Евангельскихъ авторовъ и ихъ твореній, можетъ не обращать никакого вниманія на всѣ эти разнорѣчія, которыя замолкаютъ сами собою, едва переступая за порогъ какой либо школы или за кругъ какой либо партіи.

Не менѣ важная ошибка экзегетики состоитъ въ непризнаніи за Евангеліями ихъ свидѣтельскаго характера.

Вмѣсто того, чтобы видѣть въ нихъ рассказъ событій, удостоенныхъ свѣдущими и честными свидѣтелями, она принялась различать въ ихъ твореніяхъ сущность отъ формы; самыя умѣренныя изъ нихъ допускали одну и оспаривали другую, нисколько не предполагая, что разрушая форму, они уничтожаютъ тѣмъ самымъ и сущность.

Первыя главы третьяго Евангелія, напримѣръ, она находила прелестной поэзіей, красота которой поражала ихъ удивленіемъ, что же касается до описываемыхъ тамъ подробностей, столь свѣжихъ, столь живыхъ, то это все по ихъ мнѣнію было не иное что, какъ поэтическій покровъ для того лишь, чтобы выказать святость Іоанна Крестителя и прикрасить зачатіе и рожденіе Іисуса. Такой выводъ давалъ имъ возможность опровергать дѣвственное зачатіе Христа.

Все Евангеліе Іоанна, слѣдуя такому же разбору, было признано произведеніемъ не исторіи, а богословія, которое имѣло цѣлію истолковать догматически, въ умозрительныхъ теоріяхъ, ученіе самаго автора о божественной природѣ Іисуса.

Это истолкованіе, носящее характеръ совершенной простоты и умѣренности, есть полнѣйшее разрушеніе Евангельскаго авторитета. И кромѣ того явно опровергаетъ составителей этихъ документовъ. Двое изъ нихъ прямо утверждаютъ, что они не болѣе какъ историки, вѣрно передающіе лишь то, что видѣли и слышали сами или что узнали изъ устъ непосредственныхъ очевидцевъ этихъ событій. вмѣсто того, чтобы заподозривать ихъ добросовѣстность, и приписывать имъ грубую ложь, не слѣдовало ли лучше отнести къ нимъ какъ къ такимъ свидѣтелямъ, за какихъ они сами выдаютъ себя.

Съ XVIII вѣка ни одна уважающая себя критика не позволяла себѣ отнести къ Евангелистамъ, какъ къ выдумщикамъ и обманщикамъ, даже смягчая эти эпитеты и принимая слово обманъ въ значеніи литературной хитрости по восточному способу выраженія. Можно отказать имъ въ знакомствѣ съ свѣтской наукою и съ академической литературой, но ни какъ уже не въ честности и искренности.

Всѣ эти авторы положили жизнь свою въ доказательство истины своихъ словъ. Изъ всѣхъ доказательствъ правоты, нѣтъ ничего священнѣе и побѣдоноснѣе этого. Простое слово можно еще подозрѣвать, но слово, запечатлѣнное мученіемъ и кровью, будетъ убѣдительно даже для самаго отъявленнаго скептика.

VII.

Историческая критика должна не только изслѣдовать письменные источники и ихъ авторовъ, свидѣтельства и свидѣтелей, она должна еще произвести и оцѣнку содержанію книгъ и документовъ, событій и ученій, ими приводимыхъ.

Какія же событія, какія ученія рассказываются и излагаются въ четырехъ Евангеліяхъ и составляютъ сущность изложенія каждаго свидѣтеля? Событія изъ жизни Іисуса, ученіе, завѣщанное Имъ Своимъ ученикамъ, а чрезъ нихъ сознанію всего человѣчества.

И такъ всѣ событія, я не говорю нѣкоторыя, я говорю всѣ событія, важныя безъ исключенія съ самаго начала жизни Іисуса до Его конца. до Его исхода изъ міра. суть событія чудесныя.

Все ученіе Его, относящееся къ Его лицу и Его природѣ, Его законъ нравственный, равно какъ и Его торжественныя возвѣщенія, которыми Онъ проявляетъ Свое дѣло и Свои отношенія къ Отцу, пославшему Его, и къ человѣчеству, которое Онъ пришелъ спасти; все Его ученіе превосходное непостижимо для разума, оно существенно пророческое, ибо выражаетъ истины, недоступныя изслѣдованію и выводамъ человѣка. Оно можетъ быть принято лишь вѣрою, и истинность его ничѣмъ не можетъ быть удостовѣрена, какъ тѣми чудесами и дѣйствіями, какія оно совершитъ въ душѣ вѣрующаго.

Евангелія суть ничто иное, какъ прерванная нить пророчества и чудесъ. Для чего же пытаются ослаблять ихъ вмѣсто того, чтобы абсолютно и безъ обиняковъ признать за ними ихъ высокое значеніе.

Я тоже сынъ моего вѣка и не могу не знать его отвращенія ко всему чудесному, умозрительному и невидимому и его недоувѣрія къ свидѣтелямъ, ихъ удостовѣряющимъ. Такое закоренѣлое отвращеніе и недоувѣріе составляютъ одну изъ главныхъ чертъ новѣйшаго невѣрія. Причины ихъ происхожденія многочисленны и глубоки; онѣ цотребовали бы долгаго и подробнаго анализа, который не входитъ въ планъ моего настоящаго труда. Замѣчу только, что громадныя успѣхи естественныхъ наукъ и ихъ чудесныя примѣненія не остались безъ вліянія на умственное и психологическое состояніе нашего поколѣнія.

Исключительная разработка точныхъ и естественныхъ наукъ до того погрузила умъ въ матерію, что въ силахъ матеріи лишь стали искать разъясненія всякаго вопроса и мало по малу начали считать за ничто все, выходящее изъ ея предѣловъ. Если же, повинувась потребности неразрывнаго объединенія, присущей высшимъ умамъ, и желали отыскать первопричину вещей, управляющую и природою, и человѣчествомъ, то вмѣсто того, чтобы видѣть ее свыше природы и человѣчества, стали искать ее ощупью и въ той, и въ другомъ. Отсюда позитивизмъ, матеріализмъ и нантеизмъ, тяготѣющіе болѣе или менѣе надъ множествомъ умовъ, которые учатъ другихъ и вслѣдствіе этой таинственной связи, безсознательно увлекаютъ толпу. Эти три системы образуютъ какъ бы туманную атмосферу, въ которой движется и дышетъ масса людей нашего вѣка и нашей страны.

Начать говорить о чудѣ и пророчествѣ въ нашъ вѣкъ, стоящій подъ ярмомъ такого мнѣнія, это — подвергать себя опасности быть выведеннымъ, не удостоясь даже, что тебя выслушаютъ до конца. Если я не колеблюсь и рѣшаюсь на это въ силу созрѣвшаго во мнѣ убѣжденія въ полнотѣ моей вѣры, то не колеблюсь также предлагаю подвести чудеса и пророчества о жизни Іисуса подъ самый строгій разборъ и испытаніе критики.

Но конечно критика критикѣ, какъ и вѣсы вѣсамъ, розь.

Въ чемъ же состоитъ та подлинная и надежная критика, которая въ одно и то же время охраняла бы законную независимость историка, достовѣрность разсматриваемыхъ ею фактовъ, древность документовъ и должное уваженіе къ свидѣтелямъ?

Для человѣческаго ума существуютъ три элемента: принципы, системы и вѣрованія; принципы неоспоримы. Они всѣ сводятся къ законамъ противорѣчія или тождественности, причинности или достаточнаго основанія. Въ силу этихъ аксіомъ, существованіе всего нелѣпаго, противорѣчиваго, безпричиннаго допускается только въ воображеніи. Принципы не судятся, они сами судятъ всѣ системы и вѣрованія и служатъ мѣриломъ всякой истины.

Системы суть совокупность приведенныхъ въ порядокъ положеній, при помощи которыхъ извѣстные развитые умы пытаются объяснить начало существъ.

Масса людей неспособна построить системы; она можетъ только пассивно принимать ихъ съ болѣе или менѣе слѣпымъ довѣріемъ. Часто онѣ служатъ опредѣленіемъ индивидуальных вѣрованій и понятій вѣка (*opinion d'un siècle*). Но основныя принципы разума и вѣрованія доступны каждому.

Итакъ, критика можетъ опираться лишь на трехъ основаніяхъ: или на основныхъ принципахъ, или на системахъ и вѣрованіяхъ каждаго. Если она изберетъ мѣриломъ для себя вѣрованія, то будетъ имѣть значеніе только для признающихъ это вѣрованіе; если же изберетъ какую-либо частную систему, то ея авторитетъ будетъ важенъ только для сторонниковъ этой системы. Если же, напротивъ, она обратится къ существен-

нымъ истинамъ и къ непоколебимымъ принципамъ разума, она будетъ внушительна для всѣхъ, потому что разумъ, принимаемый въ этомъ смыслѣ, уважителенъ для каждаго мыслящаго существа.

Тотъ, кто берется судить событія и документы ихъ включающія, не отрѣшаясь отъ духа своего вѣка и его господствующаго мнѣнія, впадаетъ неизбежно въ ошибку, потому что вѣка мѣняютъ свой духъ и мнѣнія разнообразятся. Равнымъ образомъ ошибется и тотъ, кто вздумаетъ судить о нихъ сообразно своей личной системѣ и своей маленькой философіи, потому что никакая философія, на какой бы высотѣ возрѣнія она ни предполагала себя, не можетъ обнять и совмѣстить въ себѣ все дѣйствительно существующее.

Для этого надо обладать болѣе обширнымъ и болѣе надежнымъ разумомъ, единственнымъ, который съ этой двойной точки зрѣнія представляетъ всевозможныя гарантіи, это — разумъ въ своихъ основныхъ, неизмѣнныхъ, вѣчныхъ и абсолютныхъ аксіомахъ.

При свѣтѣ этого-то разума прошу у критики суда всѣмъ Евангельскимъ событіямъ и чудесамъ и съ полнымъ довѣріемъ жду ея приговора.

Эта критика не принадлежитъ ни къ какому вѣку и ни къ какой школѣ. Всеобщая и необходимая, она господствуетъ надо всѣми системами и во всѣ времена. Она примѣняется всѣми, кто уважаетъ свой собственный разумъ и кто не убилъ себя скептицизмомъ. Никто не можетъ отвергать ее, не отвергаясь въ то же время отъ своей разумной и сознательной природы.

Все зависитъ отъ нея: вѣрованія и религіи, философскія системы и положительныя науки, книги и документы.

Христіанская религія, богословіе и священная книга церкви Іисусовой не только не обѣгаютъ и не боятся такой критики, но напротивъ, они зовутъ ее, и я не колеблясь утверждаю, что изъ всѣхъ вѣрованій, религій, системъ и свидѣтельствъ одна она лишь способна ее выдержать. Ни религія Будды, ни религія Зороастра или Магомета, ни книги, на которыхъ опираются эти религіи; ни пантеизмъ, ни матеріализмъ, ни пози-

тивизмъ не устоять передъ критикой разума, возведеннаго къ своимъ основнымъ принципамъ причинности и противорѣчія. Ея неумолимый судъ пощадить только единобожіе іудеевъ. богословіе христіанъ и священные документы Ветхаго и Новаго Завѣта. По мѣрѣ того, какъ челоѣкъ нашего времени, разубѣдившійся въ тѣхъ ложныхъ системахъ, которыя теперь въ такомъ почетѣ у него, перестанетъ считать ихъ мѣриломъ истины, онъ не будетъ болѣе вопрошать Канта, Спинозу, Гегеля, Вольтера и никого изъ подобныхъ преходящихъ учителей, онъ скорѣе поищетъ опоры въ началахъ разума, въ тѣхъ неоспоримыхъ истинахъ, которыя служатъ ему вѣчною основою, и воздастъ справедливость Тому, Кто пришелъ показать ему начало и цѣль жизни, дать Святой законъ, съ которымъ онъ долженъ сообразовать свою жизнь, силу повиноваться этому закону и словомъ все, что просвѣщаетъ и успокаиваетъ, влечетъ и радуется.

Умъ, вооруженный истинной критикой, есть самый неусыпный и неподкупный стражъ границъ исторіи. Онъ безжалостно удаляетъ всѣхъ, кто подъ видомъ истинныхъ событій, хотѣлъ бы ввести въ нее прихоть и мечты своей фантазіи; онъ изгоняетъ и разоблачаетъ обструкціонистовъ (obstructionistes), намѣреющихся исказить область дѣйствительности, опуская истинныя событія, потому только, что они не носятъ на себѣ клейма ихъ системы или значка ихъ партіи. Исторія въ нашъ вѣкъ есть спорная область. Не должно позволять узурпаторамъ вторгаться въ нее и селиться въ ней. Нѣкоторые желали бы даже предоставить ее въ удѣлъ атеизму, пантеизму и матеріализму; а обязанность критики ихъ оттолкнуть. Исторія должна принадлежать чистому разуму. Никакая роль не требуетъ большей широты и свободы духа, большаго безпристрастія и искренности.

И такъ, вотъ что критика должна спросить у себя во имя чистаго разума: «Сверхъ-естественныя событія Евангельскія, начало и рожденіе Іисуса, Его воспитаніе, видимое возрастаніе Его, Его челоѣческая и божественная природа, дѣла Его общественной жизни и ихъ связь между собою, Его великое служеніе, наставленіе, законы, чудеса, борьба, Его образъ

жизни и дѣйствія, Его смерть и Его воскресеніе, — есть ли все это подлинная, историческая дѣйствительность, которую слѣдуетъ рассказать и описать во всей правдѣ? Сначала не надо разбирать, какъ все это могло совершиться или согласуется ли все это болѣе или менѣе, по мѣркѣ нашего разума, съ нашими предразсудками и нашимъ развитіемъ. Надо узнать одно:—было ли все это? Разъ это будетъ рѣшено, разумъ можетъ тогда попытаться понять и объяснить все это и высказать все величіе и достовѣрность этого. Онъ не будетъ тогда имѣть права умалять ихъ достоинство, отрицать ихъ, передѣлывать и перетолковывать. Неподкупный историкъ не заботится о причудахъ разума, онъ совѣстливо отмѣчаетъ то, что находитъ вѣрнымъ и не спрашиваетъ себя чудесно-ли какое событіе или нѣтъ, сверхъ-естественно ли оно или натурально. Онъ его описываетъ такимъ, каково оно есть.

Все, чего мы вправѣ требовать отъ историка, это—быть совѣстливымъ, прямымъ и правдивымъ свидѣтелемъ и принимать сообщенія только отъ совѣстливыхъ, прямыхъ и правдивыхъ свидѣтелей. Онъ долженъ одинаково остерегаться и отъ легковѣрія, принимающаго все, даже пелѣности, даже басни, и отъ гордаго невѣрія, отвергающаго всякое свидѣтельство, какъ скоро оно не сходится съ его системой, его знаніемъ и развитіемъ.

Человѣкъ съ предубѣжденіемъ недостоинъ писать исторію: онъ непременно окажется поддѣльщикомъ.

VIII.

Что касается дѣйствительности пророчествъ, то прошу читателя обратить вниманіе на тотъ удивительный фактъ исполненія ихъ на Іисусѣ, который послужитъ предварительнымъ оправданіемъ пророческимъ рѣчамъ Его, не измѣняя высказаннаго мною въ этомъ трудѣ убѣжденія: Христось болѣе, чѣмъ пророкъ, Онъ—великій и еднныи предметъ всѣхъ пророчествъ. Прежде, чѣмъ Ему родиться, исторія Его уже была написана.

Просматривая книги Ветхаго Завѣта, древность и правди-

вость которыхъ не станетъ оспаривать никакая критика, мы читаемъ слѣдующія мѣста:

Сказалъ Господь Аврааму: въ семени твоёмъ благословятся всѣ народы. (Быт. XXII ст. 18).

Пророкъ Валаамъ, сынъ Веоровъ, сказалъ: звѣзда взойдетъ отъ Иакова и жезлъ возстанетъ отъ Израиля. (Чис. XXIV, 17).

И произойдетъ Отрасль отъ корня Иессея и вѣтвь произрастетъ отъ корня его. Духъ Господень почиетъ на Немъ. Въ тотъ день Отрасль Иессея будетъ выставлена знаменіемъ предъ очами всѣхъ народовъ, и племена приидутъ принести Ему мольбы. (Ис. XI. ст. 1 и слѣд.).

Небеса, посылайте съ высоты вашу росу и облака, да низведутъ, какъ дождь, Того, кто есть сама правда. Пусть раскроется земля и произведетъ Того, кто есть спасеніе, и да прозябнетъ правда. (Ис. XIV. ст. 8).

Господь Самъ дастъ вамъ знаменіе: — се Дѣва зачнетъ во чревѣ и родитъ Сына, и нарекутъ имя ему Еммануиль. (Ис. VII. 14).

И ты Виелеемъ Ефрава, ты не меньше прочихъ городовъ Иудеи, ибо изъ тебя родится Вождь, который поведетъ народъ Мой Израиля. (Мих. V. 1).

Младенецъ родился намъ; Сынъ данъ намъ; Онъ понесетъ на раменахъ знакъ Своего царственнаго достоинства. Онъ наречется Чудный Совѣтникъ, Богъ крѣпкій, Отецъ вѣчности, Князь міра. (Ис. IX. ст. 6).

Я слышу голосъ вопіющаго въ пустынѣ: приготовьте путь Господу, сдѣлайте прямыми въ пустынѣ стези Богу нашему. (Ис. XL. 3).

Духъ Господень на Мнѣ, ибо Иегова исполнилъ Меня Своимъ помазаніемъ. (Ис. LXI ст. 1).

Это Онъ построитъ домъ имени Моему, и Я сдѣлаю царство Его непоколебимымъ на вѣки. Я буду Ему Отцемъ, а Онъ будетъ Мнѣ Сыномъ. (II Царствъ VII. 13, 14).

Господь сказалъ: Ты Сынъ Мой, Я нынѣ родилъ Тебя. (Ис. II. ст. 7).

Я вышелъ изъ устъ Всевышняго, Я рожденъ прежде всякаго творенія (Екл. XXIV, 5).

Это Онъ, Который нашелъ всѣ пути истиннаго знанія и Который далъ его рабу Своему Иакову и возлюбленному Своему Израилю. Послѣ этого Онъ былъ видимъ на землѣ и Онъ бесѣдовалъ съ человѣками (Варух. III, 36, 37, 38).

Господь Богъ нашъ, сказалъ Моисей своему народу, пошлетъ тебѣ пророка, какъ я, изъ твоего племени и изъ среды братьевъ твоихъ. Это Его да послушаете вы; Я вложу Ему Мои слова въ уста, и Онъ имъ скажетъ все, что Я Ему повелю. Если же кто не захочетъ слушать словъ, которыя пророкъ сей произнесетъ во Имя Мое, Я отмщу за это. (Вт. XVIII, 15).

Поэтому народъ Мой познаетъ Имя Мое, поэтому онъ узнаетъ, что это Я, Который говорю, вотъ Я.

Какъ прекрасны на горѣ ноги Того, Кто приноситъ благую вѣсть, Который возвѣщаетъ миръ, Того, Кто приноситъ благія вѣсти, Который возвѣщаетъ Спасеніе, Того, Кто говоритъ Сіону: это Царствіе Твоего Бога. (Ис. LII, 6, 8).

Я отверзу мои уста въ притчахъ; Я предложу притчи, напоминая, что совершилось съ самаго начала. (Ис. LXXVII, 11).

Вотъ Мой рабъ, Котораго Я поддержу, Мой избранный, къ Которому Я благоволю. Я возложилъ Мой Духъ на Него. Онъ возвѣститъ правду племенамъ, Онъ не закричитъ, Онъ не возвыситъ голоса. Его не услышатъ на улицахъ. Онъ не переломитъ трости надломленной и не погаситъ свѣтильни, которая еще дымится. Онъ возвѣститъ Правду по истинѣ. Онъ не утомится и не оставитъ до тѣхъ поръ, пока не установитъ Правды на землѣ. (Исх. XIII, 1 и слѣд.).

Дщерь Сіона, исполняйся радости. дщерь Иерусалима, испускай крики веселія: Се Твой Царь грядетъ къ тебѣ... Онъ возсѣдитъ на ослицѣ и на жеребенкѣ ослицы. (Зах. IX, 9).

Онъ показался намъ презрѣннымъ, послѣднимъ изъ человѣковъ, человѣкомъ скорби, который знаетъ по опыту, что значить терпѣть. Мы отворачивались, чтобы не видать Его, мы презирали Его, мы ставили Его ни во-что. (Исх. LIII, 3).

Ты по-истинѣ Богъ, сокрывающій Себя, о, Богъ Израиля, единый Спаситель. (Ис. XLV, 15).

Мои братья обращались со Мною, какъ съ чужеземцемъ,

и дѣти матери Моей, какъ съ пезнакомцемъ, потому что ревность по домѣ твоемъ сжигаетъ Меня и потому что Я принимаю участіе во всѣхъ оскорбленіяхъ, которыми Тебя безчестятъ (Пс. LXVIII, 9).

Захватимъ Праведника въ сѣти наши, потому что Онъ беспокоитъ насъ, потому что Онъ возстаетъ противъ образа нашей жизни, потому что Онъ укоряетъ насъ насиліемъ закона и безчеститъ насъ, публично осуждая ошибки нашего поведенія. Онъ увѣряетъ, что имѣетъ познаніе Бога и называетъ Себя Сыномъ Божиимъ. Онъ сдѣлался пересудчикомъ даже мыслей нашихъ. Одинъ видъ Его невыносимъ намъ. Онъ удерживается отъ нашего обычая жизни, какъ отъ чего-то нечистаго. Онъ предпочитаетъ то, чего праведникъ ожидаетъ при смерти, и превозносится тѣмъ, что имѣетъ Отцомъ Бога. (Прем. 11 ст. 12 и слѣд.).

Тотъ самый, который тѣсно былъ соединенъ со Мною, и которому Я довѣрялся и который ѣлъ за Моимъ столомъ, возсталъ на Меня дерзко (Пс. XL, 10).

Поношеніе повергаетъ Меня въ уныніе, и огорченіе уничтожаетъ Меня. Я ждалъ, чтобы кто-нибудь принялъ участіе въ Моемъ страданіи, и никто этого не сдѣлалъ. Я искалъ утѣшеній и не нашелъ ихъ. Вмѣсто пищи они дали Миѣ желчь и вмѣсто питья въ Моей жаждѣ они дали Миѣ уксусъ. (Пс. LXIX, 21, 22).

Я въ смятеніи по причинѣ криковъ врага... Ужасы смерти объяли Меня. Страхъ и трепеть постигли Меня, и Я былъ покрытъ ужасами мрака. (Пс. LV, 4, 5, 6).

Они отвѣсили тогда тридцать сребренниковъ въ уплату за Меня. А Господь Миѣ сказалъ: ступай, брось горшечнику эту прекрасную сумму, какою они почитали Меня, когда цѣнили Меня. (Зах. XI, 12, 13).

О, мечъ, поднимись, говоритъ Господь воинствъ, иди противъ Моего Пастыря, противъ человѣка, наитѣспѣйше соединеннаго со Мною. Порази пастыря, и овцы будутъ разсеяны. (Зах. XIII, 7).

Не оставь Меня на злую волю тѣхъ, которые притѣсняютъ Меня. Лживые свидѣтели и люди, которые дышатъ только насиліемъ, возстали противъ Меня. (Пс. XXVI, 12).

У Него просили то, чего Онъ не былъ долженъ, и Онъ былъ въ уничиженіи, но Онъ не открылъ устъ. Онъ былъ веденъ на смерть, какъ агнецъ и какъ овца пѣмая передъ стригущимъ ее, совсѣмъ не открылъ устъ. (Ис. гл. LIII. 7).

Я предалъ тѣло Мое біющимъ Меня и ланиты Мои вырывающимъ ихъ. Я не отвратилъ Лица Моего отъ тѣхъ, которые покрывали меня плевками. (Ис. L. 6).

Испытаемъ Его оскорбленіями и мученіями, дабы попробовать, какова Его кротость и терпѣніе. Осудимъ Его на смерть, самую позорную. (Премуд. II, 19, 20).

Воспользуемся деревомъ, чтобы умертвить Его, искоренимъ Его изъ земли живыхъ, и чтобы Его Имя было вытерто изъ памяти людей. (Іерем. XI. 20).

Они пронзили руки Мои и ноги Мои; можно бы перечесть всѣ кости Мои. Они находятъ удовольствіе разсматривать Меня въ этомъ состояніи; они дѣлаютъ Мои одежды и о верхнемъ платьѣ Моемъ бросаютъ жребій. (Ис. XXI. 17, 18. 19).

Я дамъ въ удѣлъ Ему множество племенъ. Онъ распределитъ пожитки сильныхъ, потому что Онъ предалъ душу Свою и былъ причисленъ къ злодѣямъ. (Ис. LIII. 12).

Они бросили Меня въ яму и привалили камень, чтобы заключить Меня тамъ. (Плачь Іерем. III, ст. 53).

Плоть Моя упокоится въ упованіи, потому что Ты не оставишь души Моей во адѣ (Schéol) и не дозволишь, чтобы Святой Твой подвергся тлѣнію въ гробу. Ты откроешь Мнѣ пути жизни; Ты насытишь Меня радостію видѣть Лице Твое и Ты дашь Мнѣ вкусить одесную Тебя блаженство вѣчное. (Пс. XV, 9, 10, 11).

О смерть, Я — твоя смерть. О, адъ, Я буду твоимъ разрушеніемъ. (Ос. XIII, 14).

Въ то время отрасль Іессея будетъ возвышена, какъ знаменіе въ глазахъ всѣхъ народовъ. Племена придутъ принести Ему моленія свои, и гробъ Его будетъ прославленъ. (Пс. XI. 10).

Въ тотъ день человѣкъ обратитъ взоры свои къ Тому, Кто сотворилъ его и глаза къ Святому Израиля, и уже не будетъ обращать взоровъ къ жертвенникамъ, которые онъ сдѣлалъ руками своими. (Ис. XVII, 7, 8).

Возвышеніе человѣка будетъ унижено, высокоуміе великаго пострамлено. Господь Одинъ явится великимъ въ тотъ день. Онъ разрушитъ совершенно идоловъ его; идоловъ серебряныхъ и его статую изъ золота, которые онъ сдѣлалъ себѣ, чтобы боготворить ихъ. (Ис. II, 17, и слѣд.).

Да, въ тотъ день будетъ источникъ открытъ дому Давидову и жителямъ Іерусалима, чтобы въ немъ омытъ нечистоты грѣшника и женщины нечистой. и Я, говоритъ Господь, истреблю съ земли имя идоловъ, и о нихъ не будетъ болѣе воспоминанія. (Зах. XIII, 1. 2).

Слушайте острова, и вы, народы отдаленные, преклоните ухо. Господь воззвалъ Меня отъ утробы Матери Моей... И теперь Господь отвѣтилъ Мнѣ, Онъ, Который образовалъ Меня отъ чрева Матери Моей, чтобы быть рабомъ Ему, дабы Я привелъ Іакова къ Нему, ибо Израиль соединится съ Нимъ... Я буду прославленъ предъ очами Господа, и Богъ Мой будетъ Моею силою.

Господь сказалъ Мнѣ: это все (Я сдѣлалъ), дабы Ты послужилъ Мнѣ къ возстановленію останковъ Іакова и къ возобновленію развалинъ Израиля. Я поставилъ Тебя быть Свѣтомъ народовъ и Спасеніемъ, которое Я пошлю даже до предѣловъ земли. Поднимите очи, посмотрите вокругъ себя: все это великое множество народа идетъ отдаться Тебѣ. (Ис. гл. XLIX, ст. 1, 6, 18).

Племя, которое Я избралъ въ наслѣдіе Себѣ, стало для меня, какъ левъ въ лѣсу. оно возревѣло противъ Меня; почему и сдѣлалось ненавистно Мнѣ. (Іер. XII 7, 8).

Я открою безуміе ея предъ очами тѣхъ, которые любятъ ее, и не будетъ человѣка, который бы исторгнулъ ее изъ руки Моей. Я прекращу ея радостныя пѣсни, ея дни торжествъ, ея новомѣсячія, ея субботу и всѣ ея праздники. (Ос. II. 12, 13).

Христось будетъ преданъ смерти и народъ, который отречется отъ Него, не будетъ болѣе народомъ Его. Другой народъ, ведомый вождемъ, долженствующимъ придти, разрушитъ городъ и святилище. (Дан. IX. 26).

Если вы отвертитесь отъ Меня, вы и чада ваши... Я ис-

кореню поколѣніе ихъ съ земли, которую Я далъ имъ. Я отброшу далеко отъ себя этотъ храмъ, который Я посвятилъ имени Моему. Израиль содѣлается баснею и посмѣяніемъ для всѣхъ народовъ. Сей домъ будетъ ниспровергнутъ какъ примѣръ Моего Правосудія. Всякій, проходящій близъ мѣста, гдѣ онъ былъ, будетъ пораженъ удивленіемъ и поругается ему. (Царствъ III. 7, 8).

Я смотрѣлъ ночью видѣніе и видѣлъ какъ бы Сына Человѣческаго, приходящаго на облакахъ небесныхъ; Онъ приблизился даже до (Вѣтхаго деньми) и былъ представленъ Ему. И Онъ далъ Ему могущество, честь и царство, и всѣ народы, всѣ племена и всѣ языки послужили Ему. Могущество Его есть могущество вѣчное, которое не отнимется у Него, и царство Его не разрушится никогда. (Дан. VII. 13, 14)».

Прошу читателя замѣтить, что эти выписки, число которыхъ я могъ бы увеличить, я заимствовалъ изъ Библии, какою ее сохраняютъ евреи. Книги, составляющія эту Библию, были написаны за нѣсколько вѣковъ до Иисуса, и періодъ времени, употребленный на ихъ собраніе, равняется болѣе нежели четырнадцати вѣкамъ.

Эти мѣста представляютъ подробный и вѣрный образъ Мессіи, какъ бы начертанный самими Евангелистами, послѣ Его появленія.

Здѣсь собраны всѣ существенныя черты Его жизни: Его происхожденіе отъ Авраама; его родственная связь съ Іаковомъ и Давидомъ, Его зачатіе отъ Дѣвы, всеобщее чаяніе, котораго Онъ былъ предметомъ, Его рожденіе въ Виѣлеемѣ, Его предвѣчное начало въ лонѣ Бога, Его божественное Сыновство, Его Имя Еммануиль и Спаситель, бѣгство въ Египеть, пребываніе въ Назаретѣ, пришествіе Его предтечи; Его божественное помазаніе полнотою Духа; Его служеніе, какъ Пророка, Благовѣстника и Чудотворца; Его характеръ необычайной благодати и смиренія; таинственность, окружающая Его Божественную природу, неуспѣхъ Его посольства въ средѣ Его народа, гоненія и вражда противъ Него; всѣ подробности смерти, Его ожидающей, Его предсмертная агонія, предательство ученикомъ за тридцать сребренниковъ, оставленіе

Его учениками, Его крестное страданіе, погребеніе, Его воскресеніе и наконецъ Его поразительное торжество, провозглашенное по всей вселенной, при яркомъ свѣтѣ исторіи — уничтоженіемъ идолопоклонства, ужасающимъ наказаніемъ Его преслѣдователей, побѣдой надъ язычествомъ и основаніемъ царствія Его въ этомъ мірѣ, который самымъ гоненіемъ противъ Него свидѣтельствуешь о Его непреодолимомъ могуществѣ и вѣчности.

IX.

Всѣ эти свидѣтельства, разсѣяныя и указанныя по долгому протяженію вѣковъ, суть какъ бы камни огромнаго зданія, обтесанныя и обсѣченныя незнакомыми другъ съ другомъ работниками, но подъ управленіемъ невпдимаго зодчаго, намѣренія котораго не были открыты вполнѣ ни одному созданію.

Появленіе Христа было откровеніемъ, въ Его лицѣ, въ Его служеніи, въ ученіи и жизни Его, — тайны, сокрытой ото всѣхъ поколѣній. На Немъ исполнились одно за другимъ всѣ пророчества. Онъ осуществилъ Собою, до малѣйшей черты, все предвозвѣщенное пророками. Это Самъ Онъ объявлялъ всѣмъ и старался убѣдить въ этомъ Свой народъ.

Книжники отказались понимать Его. Они не сзумѣли ни проникнуть въ духовный смыслъ символическаго языка своихъ пророковъ, ни отказаться отъ гордости своею расою и религіей. Смущаемые страданіемъ, уничиженіемъ и смертью, этими отличительными признаками, характеризующими истиннаго Мессію, они не сзумѣли возвыситься до Его божественной природы и соединить въ смѣломъ синтезѣ двойственное таинство Божественности и страдающей человѣчности, совмѣщающихся въ Немъ. Они не хотѣли признать несовершенства своего закона, который долженъ былъ потерять силу передъ живымъ закономъ Христа; и не смотря на то, что ихъ упорное самоослѣпленіе касательно признанія Мессіи было также предсказано ихъ пророками, они не обратили никакого вниманія ни на свое упорство, ни на свое ослѣпленіе и разбились о краеугольный камень, долженствовавшій лечь въ основу всего великаго зданія Божія.

Только немногіе, лишь нѣкоторые избранные изъ невѣжественной и простой среды. самые презрѣнныя. одни были посвящены въ истину пришествія Мессіи. Въ общеніи съ Иисусомъ они узнали то, чего не могли видѣть ихъ мудрецы. Они исповѣдывали вѣрою, при свѣтѣ Духа, и божественное сыновство, и ужасающую тайну страданій Сына Человѣческаго. Они признавали въ Немъ и непобѣдимаго Льва Іудей, и Агнца Божія, позволяющаго вести Себя на закланіе. Имъ-то, этимъ простымъ людямъ, безъ развитія, обязаны мы познаніемъ Того, Кто, пребывая во образѣ Бога, Самъ уничижилъ Себя до образа творенія, повинувшись Отцу до смерти, даже до смерти крестной --- этой казни рабовъ. Отвергая Иисуса, упорствуя признать Его, Іудеи потеряли истинный смыслъ своей книги. Не смотря на это, они хранятъ ее и читаютъ, но не понимаютъ въ ней ничего. Она для нихъ закрытая и запечатанная книга. Въ идеѣ этой книги, въ ея Подвигоположникѣ и Его служеніи, какъ Мессіи, заключается связь, единство и жизнь ея, а это для нихъ непонятно, потому что безъ ученія и личности Христа и безъ Его великаго дѣла искупленія ничто въ ней не имѣетъ смысла.

Въ этомъ случаѣ исторія представляетъ намъ единственный феноменъ, на который мы позволимъ себѣ обратить вниманіе всѣхъ, отвергающихъ предсказаніе и пророчество.

Вся Библия говоритъ о Мессіи; изучая ея духъ, ея глубочайшій и истиннѣйшій смыслъ, нельзя не признать, что вся она имѣетъ предметомъ это грядущее Существо. Она обѣщаетъ и зоветъ Его, она описываетъ и представляетъ Его и приготовляетъ всѣхъ къ Его пришествію. Самые замѣчательные ученые между евреями, таргумисты I-го и II-го вѣка, Онкелосъ, Іовафанъ и Акиба, не колеблясь истолковывали въ этомъ смыслѣ Священную Книгу. Мѣста, приведенныя нами выше, не оставляли для нихъ въ этомъ ни малѣйшаго сомнѣнія, и, совсѣмъ тѣмъ. понимая ихъ такъ, какъ мы понимаемъ, они не подозрѣваютъ даже, что въ этихъ мѣстахъ заключается обличеніе и ихъ самихъ, ибо къ кому же, какъ не къ этому Пророку, осужденному Сенедріономъ, не къ этому Распятому, можно примѣнить замѣчательныя слова провидцевъ Израиля.

Новѣйшіе экзегеты, свидѣтели продолжающагося торжества Іисуса, не могли ничего иного сдѣлать, чтобы поколебать пророчество. какъ заподозрить подлинность Евангельской исторіи, или уничтожить своимъ узкимъ толкованіемъ пророчества относительно этой исторіи. Они порицали Библию, стараясь при истолкованіи ея не касаться мистическаго ея смысла и очень часто измѣняли для этого смыслъ буквальный. Напрасный трудъ. Безпристрастное изученіе Библии приводитъ къ заключенію, что слова пророческія ничѣмъ не оправдываются въ такомъ совершенствѣ, какъ самою исторіею Іисуса. Въ полнотѣ своего смысла оправдываются они лишь на Немъ. Пророки какъ бы мимоходомъ останавливаются на переднемъ планѣ того, что описываютъ, и открываютъ за нимъ господствующій надо всѣмъ образъ Мессіи и Его великое дѣло, уготованное Богомъ съ начала вѣковъ и вселенной по неисповѣдимымъ путямъ Провидѣнія.

Религія, проповѣдуемая Іисусомъ и въ Немъ осуществившаяся, обнимаетъ своей могущественной жизненностью все человѣчество. Она подобна большой исторической книгѣ въ два тома, изъ которыхъ первый содержитъ въ себѣ пророчество о томъ, что должно совершиться, а второй—разсказъ о совершившихся предсказаніяхъ. Только Духъ Божій могъ написать первый томъ; одинъ Онъ лишь могъ осуществить то, что содержится во второмъ, и дозволить людямъ понять и разсказать его содержаніе. Оба тома открыты каждому. Поддѣлать ихъ не властенъ никто. Если бы христіане покусились на это въ отношеніи къ первому, іудеи, съ четырехъ концовъ свѣта, поднялись бы на его защиту; если же бы еретики или язычники новѣйшаго времени покусились въ отношеніи ко второму, вся церковь, во всемъ человѣчествѣ, поднялась бы на охрану своихъ Евангелій.

Вотъ два великихъ свидѣтельства Самого Бога, Который является здѣсь властелиномъ времени, ибо всѣ эти событія Онъ предвозвѣстилъ задолго до ихъ совершенія и совершилъ такъ точно, какъ предсказалъ ихъ устами пророковъ.

Никакой критикѣ, никакой экзегетикѣ, никакой системѣ или невѣрію не одолѣть этого колосса. Богу, въ Его отноше-

ніяхъ къ человѣку, благоугодно обличить этимъ превозносящееся предъ Нимъ лжемудріе и выказывать презрѣніе къ тому ничтожному развитію, которое подъ именемъ науки и философіи съ ожесточеніемъ пытается разрушить Его великое дѣло. Дѣло Божіе стоитъ неуязвимымъ и все возрастаетъ, удивляя собою тѣхъ, которые разбиваются объ него, и привлекая къ своему свѣту, какъ людей простыхъ, страждущихъ, смиренныхъ, такъ и высокіе умы, когда они перестаютъ лжемудрствовать о Богѣ и начинаютъ любить Его.

Х.

Итакъ, если существуетъ пророчество—и мы видѣли уже, съ какимъ могуществомъ является оно уму, чуждому предубѣжденія — то почему же невозможно чудо? Если возможенъ предсказанный пророками Іисусъ, почему же невозможенъ Іисусъ чудотворящій?

Я предлагаю эти вопросы не пантеисту, не матеріалисту, не позитивисту, не скептику, не невѣрующему или вѣрующему,— я обращаюсь просто къ человѣку. Прежде чѣмъ присоединиться къ какой-либо системѣ или къ какому-либо вѣрованію, прежде чѣмъ начать принадлежать къ какой-либо школѣ или къ какому-либо вѣку, мы есьмы существа, принадлежащія къ одному разумному и свободному, стремящемуся къ истинѣ и добру роду. И вотъ по этому-то самому мы всѣ и чувствуемъ себя соединенными, не смотря ни на какое время и пространство, ни на какую цивилизацію и границы, раздѣляющія насъ.

Вопросъ: возможно ли чудо, или невозможно?

Оно невозможно. отвѣтятъ мнѣ. Всѣ чудеса — ничто иное, какъ легенды или миѣы, существующіе лишь въ воображеніи, въ суетвѣрии, или всѣ они просто — выдумка рассказчиковъ. Пророчества же, это — книги, составленныя послѣ совершившихся событій. Человѣчество не знаетъ ни предсказаній, ни чудесъ.

Это отвѣтъ пантеиста, матеріалиста или позитивиста. Съ точки зрѣнія этихъ системъ онъ логиченъ. Но это не отвѣтъ человѣка. Развѣ пантеизмъ всеобще доказанъ? Развѣ мате-

риализмъ признанъ за истину всѣми? Развѣ позитивизмъ считается непогрѣшимымъ всѣми? Если же системы эти ошибаются, если они въ заблужденіи, что очень не трудно предположить, какое же значеніе имѣеть ихъ отвѣтъ? Какую цѣну можетъ имѣть ихъ догматъ, недопускающій чуда, для тѣхъ, кто не держится ни одной изъ этихъ системъ?

Кромѣ того, во всѣхъ этихъ системахъ, вынужденныхъ считать обманщиками и глупцами всѣхъ, которые торжественно и серьезно заявляютъ о чудесахъ, видѣнныхъ ими, или о пророческихъ предсказаніяхъ, которыя они слышали сами, кроется жестокое оскорбленіе человѣческому достоинству и посягательство на уваженіе, принадлежащее каждому свидѣтелю.

Критика въ такомъ значеніи недостойна своего имени; она подобна невѣрнымъ вѣсамъ, которые обманываютъ всякаго, кто ихъ употребляетъ.

Теперь предлагаю вопросъ безпристрастной критикѣ чистаго разума.

Чудо есть событіе, совершающееся внѣ законовъ природы, посредствомъ дѣятельности силъ, превосходящихъ природу, и той самой Силы, которая, творя природу, сама опредѣлила ея законъ.

Можетъ ли разумъ доказать, что эта Сила не существуетъ? что эта Сила не разумна и не свободна? Если эта Сила существуетъ, можетъ ли разумъ доказать, что она не способна вмѣшаться въ нить событій человѣческой жизни или въ рядъ міровыхъ явленій, и сообщить разумнымъ существамъ познаніе будущаго?

Да будетъ же извѣстно, что никогда, ни въ какое время, никакой школой, никакой системой подобные выводы не были доказаны. Цѣлые вѣка люди ждутъ этого доказательства. Какъ и кѣмъ будетъ оно дано? — Но его нѣтъ. Величайшіе гении, возстающіе противъ Бога, отыскиваютъ его и, не находя, осуждены прибѣгнуть къ отрицанію, вытекающему изъ ихъ системъ; но то, что они такъ упорно отрицаютъ во имя своей системы, мы спокойно утверждаемъ во имя чистаго разума. Системы мѣняются, а чистый разумъ непоколебимъ.

Научная философія говоритъ о непреложности законовъ,

но она смѣшиваетъ правильность съ непреложностью. Если законы не непреложны, говоритъ она, то невозможна никакая наука, ибо всякая наука основывается именно на нихъ. Это софизмъ. Наука основывается на послѣдовательности явленій, слѣдовательно кратковременное вмѣшательство Высшаго Существа, подтверждаемое нашимъ опытомъ въ эту послѣдовательность, нисколько не нарушаетъ ихъ правильности. Такое вмѣшательство будетъ лишь новымъ элементомъ, приводящимся къ болѣе высшему единству, которое вмѣщаетъ въ свой необъятный кругъ и природу, и человѣка, и правящаго ими Бога.

Несостоятельность тезиса, пытающагося установить невозможность чуда и пророчества до того очевидна, даже для самыхъ его адептовъ, что, уличаемые слишкомъ сильно неумолимой логикой, они тотчасъ же ссылаются на несуществованіе сверхъестественныхъ явленій.

Чудеса не существуютъ, говорятъ они, потому что ихъ никогда никто не видалъ.

— Доказательства?

Наши научные опыты никогда ихъ не подтверждали.

Что же можетъ доказать научный опытъ какихъ-нибудь ученыхъ, въ продолженіи какихъ-нибудь нѣсколькихъ лѣтъ? Да если-бъ онъ былъ и точенъ, все же онъ остался бы безъ значенія для тѣхъ вѣковъ, которые были свидѣтелями того, чего болѣе уже нѣтъ. Никто вѣдь не видитъ теперь, какъ началась жизнь въ мірѣ, пока онъ не былъ оживленъ, а между тѣмъ, какой же опытъ даетъ намъ право оспаривать этотъ удивительный феноменъ. Никто вѣдь не видитъ теперь, какъ появился человѣкъ посреди немыслящей и неговорящей фауны. Даетъ ли же намъ право недостатокъ опыта въ этомъ случаѣ отрицать появленіе первой человѣческой четы? Никто вѣдь не видитъ теперь ни въ какомъ народѣ, ни въ какой странѣ появленія подобнаго Іисусу существа, однакоже Христосъ жилъ и открылъ Себя.

Предположеніе, что можно провѣрить какимъ-нибудь однодневнымъ или хотя бы вѣковымъ опытомъ (даже если бы опыты эти производились самыми непогрѣшимыми академіями наукъ,

чуждыми всякихъ предразсудковъ и враждебности), всѣ феномены, какими полна предшествующая продолженность бытія природы и человѣчества, — это предположеніе было бы такъ наивно или высокомѣрно, что не найдешь даже, какъ и отвѣчать на него съ соотвѣтствующею наивностью или высокомѣріемъ.

Пытались было подвести подъ одну категорію легенды, басней и миеовъ чудеса, приводимыя Евангельскими свидѣтельствами, и чудеса, о которыхъ пишется въ священныхъ книгахъ другихъ религій, а именно въ индійскихъ: Веда, Лалитавистора, Лотусъ Благого Закона и др., въ китайскихъ: Цари, и въ магометанскихъ: Коранъ. Такос смѣшеніе и несправедливо, и обидно.

Постараюсь его разсѣять.

Необходимо прежде установить существенное различіе между словами чудо и чудесное.

Первое есть постижимый фактъ, потому что само въ себѣ оно не заключаетъ никакого противорѣчія, ибо имѣетъ достаточную причину своего существованія и нравственную цѣль. Чудесное же, напротивъ, очель часто бываетъ нелѣпо, и сколько не ищи причину, произведшую его, ее не найдешь; что же касается цѣли, то она оказывается или пустой или безнравственной.

Пусть изслѣдуютъ одно по одному, въ подробности всѣ чудесныя событія, какими полна жизнь Иисуса и пусть сравнятъ ихъ съ тѣми, какія находятся въ священныхъ книгахъ Будды или Магомета, и даже съ чудесами апокрифическихъ Евангелій, и тогда увидятъ различіе между чудомъ, которое разумъ можетъ и долженъ допустить, если оно удостовѣряется достойными свидѣтелями, и между фантастическимъ чудеснымъ, которое разумъ неумолимо отказывается признать, еслибы его и утверждали мнимые свидѣтели. Противъ истины свидѣтелей быть не можетъ; она все подчинитъ себѣ, такъ что, если кто свидѣтельствуетъ противъ нея, то — одно изъ двухъ, — онъ или ошибается самъ или обманывается; въ этомъ нельзя колебаться; даже пролитая кровь свидѣтеля докажетъ только искренность иллюзіи мученика, и мы назовемъ его визионеромъ, ил-

люминатомъ или фанатикомъ, но ни въ какомъ случаѣ не обманщикомъ.

Всѣ чудеса Иисуса, о которыхъ говорится въ Евангеліяхъ, носятъ характеръ божественной силы, истины, простоты, гармоніи и благодати. Въ нихъ нѣтъ никакой странности, подобной тѣмъ, какія приписываются въ легендахъ Буддѣ и Магомету; нѣтъ ничего отзывающагося тщеславіемъ, желаніемъ удивить толпу и внушить страхъ. Постоянно всѣ они носятъ печать кротости и безконечнаго милосердія. Подобно Самому совершающему ихъ, они представляютъ величіе и могущество Его, скрывающееся подъ видомъ неизмѣнной кротости.

Причина, производящая ихъ, заключается въ Самомъ Богѣ, сокровенно живущемъ въ человѣчности Иисуса, а конечная цѣль ихъ—благо человѣковъ. И всѣ они имѣютъ цѣлю просвѣтить, тронуть, улучшить, внушить довѣріе и поселить добродѣтель. И такимъ образомъ, всѣ они освящены самой высокою нравственностью и совершенной святостью.

Чудеса же, какими изукрашены легенды нѣкоторыхъ извѣстныхъ людей, не составляютъ ничего общаго съ исторіею этихъ людей: всѣ ихъ можно выключить безъ малѣйшаго перерыва событій этой исторіи. Понять значеніе Магомета, его борьбу съ препятствіями, его предписанія, его усиѣхи и вліяніе его на арабовъ можно и не касаясь его чудесъ. Иисусъ же безъ чудесъ—вовсе необъяснимъ. Они—существенный элементъ Его миссіи; ими собственно онъ пріобрѣлъ вѣру Своихъ учениковъ; ими были убѣждены они въ Его призваніи, какъ Мессіи: посредствомъ ихъ онъ такъ могущественно дѣйствовалъ на народъ и могъ подтверждать и доказывать истину Своего ученія. Даже и послѣ своей смерти, продолжая жить въ мірѣ, Онъ равно остается чудеснымъ. Его великое дѣло Искупленія есть величайшее изъ чудесъ. Никакая историческая философія не объяснитъ, не допустивъ напередъ постояннаго вліянія Духа Божія, образованія этого громаднаго, нескончаемаго общества, которое всѣмъ и каждому возвѣщаетъ Распятаго Бога, возстаетъ противъ человѣческихъ страстей и пороковъ, противъ всякой власти, тираніи и рабства и проповѣдуетъ спасеніе чрезъ вѣру въ этого Распятаго Бога, по-

средствомъ смиренія и покаянія, любви и самопожертвованія. Такое ученіе и такія добродѣтели находятъ свою точку опоры, конечно, не въ природѣ или челоуѣчествѣ, которыя ведутъ противъ нихъ ожесточенную войну. Свыше же природы и челоуѣчества существуетъ одинъ Богъ, а слѣдовательно этого-то открытаго намъ въ Иисусѣ Бога и надо признать непоколебимой опорой вѣры и святости вѣрующаихъ.

Я отмѣчу еще одну поразительную, исключительно оригинальную черту, чудесъ Иисуса; всѣ они символическія и пророческія. Согласно подчеркнутому выраженію четвертаго Евангелія, они вполне заслуживаютъ названія *знаменій*. Они изображаютъ то изъ невидимыхъ дѣйствій божественнаго могущества, которое состоитъ въ спасеніи челоуѣчества и въ преобразованіи челоуѣческихъ сознаній. Всѣ они пророчествуютъ о томъ, что должна была въ послѣдовательности вѣковъ совершить эта божественная власть въ сокровенной глубинѣ душъ челоуѣческихъ и предъ лицомъ Церкви.

XI.

Всѣ критики, принимавшіе за точку отиравленія какую-либо частную систему, требовавшую отрицанія чуда, были вынуждены исключать всѣ чудесныя событія въ Евангельскихъ свидѣтельствахъ. Необходимо показать, въ чемъ состоитъ ихъ методъ.

Едва приходилось встрѣтить этой критикѣ какое-либо слово, означавшее будущее, его сейчасъ принимали за ошибочную вставку и говорили: «это вписано послѣ»; но вписчика или поддѣльщика не находили. «Его хотя нѣтъ», говорили они, «но онъ несомнѣненъ, потому что пророчествъ не существуетъ, и они невозможны». — Конечно невозможны для тѣхъ, кто не признаетъ Бога. Какъ будто они несомнѣнно доказали свою систему!

Способъ исключенія, примѣняемый къ чудеснымъ событіямъ, употреблялся очень многими. Мнѣнческая школа, возникшая пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ и уже покончившая свое существованіе, говорила, что всѣ эти событія, ничто иное, какъ

вымыслы первыхъ христіанъ: такъ какъ у нихъ въ умѣ былъ уже созданъ извѣстный типъ героя Мессіи, котораго они ожидали, то, когда высшее существо Іисусъ убѣдилъ ихъ, что Онъ есть этотъ самый герой, они и приписали Ему всѣ эти черты.

Но доказала-ли эта миѳическая школа чѣмъ нибудь вѣрнымъ и положительнымъ свое предположеніе о такомъ легендарномъ сочиненіи; представила ли она какія-либо извѣстныя свидѣтельства того, какимъ образомъ простой работникъ, плотникъ Іисусъ, могъ безо всякаго чуда оказать такое вліяніе на Своихъ учениковъ, до такой степени подчинивъ ихъ Себѣ, что даже могъ сдѣлать ихъ Своими апостолами, героями вѣрности и добродѣтели. Развѣ они изобличили въ обманѣ свидѣтелей, утверждавшихъ и увѣрявшихъ, что всѣ ихъ рассказы истинны? Значить, они лгали для прославленія Своего учителя? Послѣ этого и всю исторію можно счесть за обманъ.

Но не стану далѣе опровергать эту уже мертвую доктрину.

Старая школа нѣмецкихъ раціоналистовъ, чтобы отдѣлаться отъ признанія Евангельскихъ чудесъ, употребила литературную уловку. Вся жизнь Іисуса, по ихъ миѳію, была совершенно такая же жизнь, какъ и всѣхъ людей. Въ ней не было ничего удивительнаго, ничего чудеснаго. Самыя простыя происшествія облекались въ характеръ чудеснаго единственно изъ-за приемовъ рассказывавшихъ о нихъ писателей, которые поэтизируютъ и украшаютъ ихъ или принимаютъ оптической обманъ за дѣйствительность; такъ, на примѣръ, уснувшихъ считаютъ за мертвыхъ, сумашедшихъ или эпилептиковъ за одержимыхъ бѣсами. Невѣжество, суевѣріе, живость восточнаго воображенія, вотъ что придало жизни Іисуса этотъ легендарный, сверхъестественный характеръ, отъ котораго должна освободить ее истинная критическая наука.

Эти критическіе приемы, которыми такъ грубо злоупотребляли послѣдователи старо-нѣмецкой школы, какъ, на примѣръ, Землеръ и Паулусъ, скоро совсѣмъ уничтожились, будучи осмѣяны самой же миѳической школой.

Вотъ единственныя орудія критики, направленной противъ чудесъ, употребляемыя пантеистическими, матеріалистическими и аттеистическими системами.

Онѣ выработывались въ Германіи; во Франціи нашли подражателей, и такъ сказать оттачивались, обострялись и принимали болѣе легкое и гибкое направленіе. Но и они ничего не могли сдѣлать, чтобы разрушить непоколебимую скалу исторіи Иисуса.

Надо или признать эту исторію такъ, какъ она есть, или сполна ее отвергнуть. Если исключить изъ нея все умозрительное и всѣ чудеса, то это будетъ значить разрушить ее всю; не собственно ее конечно, она ничего не боится, но существованіе ея въ духѣ тѣхъ, которые старались очистить ее, какъ они говорятъ, ото всего сверхъестественнаго.

Вотъ вкратцѣ необходимые вопросы и прямыя отвѣты касательно жизни Иисуса, разсматриваемой по всѣмъ правиламъ исторіи, какіе предлагаетъ безпристрастная критика, основанная единственно на чистомъ разумѣ:

— Какіе документы свидѣтельствуютъ о событіяхъ жизни Иисуса?

— Четыре Евангелія.

Предлагаются ли свидѣтельства непосредственными свидѣтелями этихъ событій, или, по крайней мѣрѣ, людьми, слышавшими о нихъ отъ непосредственныхъ свидѣтелей?

-- Да.

Подтверждается ли убѣдительными доводами ихъ древность, а слѣдовательно ихъ подлинность?

— Это признается даже самыми невѣрующими критиками.

Удобопонятны ли и не противорѣчивы ли, не смотря на свою сверхъестественность и чудесность, рассказываемыя событія, если ихъ разсматривать въ подробностяхъ или если судить о нихъ въ общемъ?

— Они вполнѣ удобопонятны, гармонія ихъ неразрывна, и всѣ они представляютъ совершеннѣйшее единство. Причина ихъ скрывается въ безконечной силѣ Божіей, вспомоществовавшей человечеству Иисуса, которая при себѣ есть ея необходимое орудіе. Всѣ они имѣютъ цѣлю добродѣтель, наставленіе, святость и спасеніе людей и суть проявленія несказаннаго милосердія Божія.

— Можно ли отрицать свидѣтелей всѣхъ этихъ умозрительныхъ событій?

Нѣтъ, ихъ святая жизнь и ихъ мученичество удостовѣряютъ ихъ правоту. Они доказываютъ собственнымъ примѣромъ не только, что вѣруютъ сами въ то, что утверждаютъ, но также и то, что все утверждаемое ими есть несомнѣнная истина; ибо предметомъ ихъ утвержденія служатъ событія осязаемыя, доступныя внѣшнимъ чувствамъ, общеизвѣстныя, относительно которыхъ невозможно никакое заблужденіе.

XII.

Теперь, когда дѣло критики окончено, когда ею собраны и одобрены всѣ необходимые для нея матеріалы, исторія можетъ приступить къ своему дѣлу и начать свое зданіе.

Самые существенные элементы жизни Іисуса доставляются Евангеліями. Тотъ, кто испытываетъ ихъ съ безпристрастіемъ, при свѣтѣ критики, чуждой философскихъ идей, предшествующихъ всякому вѣрованію, критики, которая одна подъ этимъ именемъ имѣетъ право назваться безпристрастной критикой чистаго разума, тотъ, если и не принадлежитъ къ числу вѣрующихъ, не можетъ не принять ихъ во всей ихъ безусловной правотѣ, не измѣняя и не ослабляя ихъ, не исключая ни одного факта, ни одного слова.

Все въ нихъ исторія и правда, а тѣмъ болѣе чудесныя событія и возвышенныя слова Іисуса.

Такими именно я и принимаю ихъ въ моемъ трудѣ ¹⁾. Здѣсь они находятся слитыми въ полнѣйшей гармоніи. Если бы моя вѣра не ставила мнѣ въ священную обязанность принимать ихъ безусловно, то въ качествѣ безпристрастнаго историка, я не могъ бы этого не сдѣлать по предписанію собственнаго разума. Далекій отъ того, чтобы подводить чудесныя событія этой несравненной жизни и ученіе Христа, сливающимся съ этими событіями, подъ мѣрку моего индивидуальнаго разумѣнія, я старался возвыситься до предмета моего разсказа, и, такъ сказать, уничтожить себя передъ безконечной мудростью, наста-

¹⁾ Авторъ разумѣетъ новоизданный трудъ свой «*Jésus Christ*». Т. I, 11, Paris. *Ред.*

вленія которой осмѣливаюсь здѣсь воспроизводить. Такое настроеніе моего духа служить для меня ручательствомъ вѣрности; ибо самъ по себѣ всякій человѣкъ очень естественно склоненъ ставить свои собственныя ощущенія и свои собственныя идеи на мѣсто ощущеній и идей, которыя онъ намѣревается изложить. А между тѣмъ смѣшеніе новѣйшаго съ древнимъ всегда почти искажаетъ исторію.

Предметъ исторіи долженъ быть прежде всего доступенъ и описанію, и краскамъ. Исторія должна какъ бы живописать событія, воспроизводить ихъ въ оживленномъ и освѣщенномъ разсказѣ, который, не смотря на отдаленные вѣка, представлялъ бы ихъ глазамъ читателя такъ, чтобы они, какъ живыя являлись передъ нимъ, не смотря на давно постигшую ихъ смерть. Не думаю, чтобы какая либо книга могла въ этомъ отношеніи сравниться съ Евангеліями. Сцены, представляемыя ихъ повѣствованіями, ихъ картины или очерки, все это образцы эстетики. Всѣ они проникнуты простотою, величіемъ, святостию и полны выразительныхъ подробностей. Не заботясь нисколько о правилахъ искусства, съ которыми даже были незнакомы, заинтересованные единственно вѣрною передачею, на едва даже правильномъ языкѣ, событій жизни своего Учителя, преисполненные своими воспоминаніями, Евангельскіе писатели оставили намъ, въ смыслѣ апостольской исторіи, до совершенства законченный памятникъ.

Я выписывалъ ихъ разсказъ съ самой утонченной старательностью, и дабы какъ можно точнѣе передать ихъ, я съ уваженіемъ относился даже къ неправильностямъ языка, столь выразительнаго иногда по самой шереховатости. Мнѣ казалось, что я могу опрофанировать ихъ, прибавивъ или убавивъ что нибудь отъ себя. Это картины первоклассныхъ мастеровъ. Кто же осмѣлится исправлять такія образцовыя произведенія?

Что послѣ нихъ можно еще написать объ Іисусѣ? Евангелія совершенны, и ихъ вполне достаточно. Одно, что можно было бы еще сдѣлать, это развѣ составить къ нимъ указатель и перевести ихъ на новѣйшіе языки.

Но исторія не есть единственно повѣствованіе о событіяхъ. Если ея первая и главнѣйшая цѣль и состоитъ въ этомъ, то

на ея же обязанности лежитъ также и помѣщеніе въ приличную рамку этихъ событій, и постановка ихъ на должномъ мѣстѣ.

Всякое происшествіе подчинено законамъ времени и пространства. Разумъ не можетъ вполне понять какого-либо событія иначе, какъ перенося его на ту точку пространства, гдѣ оно совершилось, и къ той точкѣ времени, когда оно произошло. Точка пространства опредѣляется для насъ географіей, точка же времени всеобщей исторіей народовъ и человѣчества. Описаніе событія не будетъ полнымъ иначе, какъ при условіи видѣть его не только такимъ, каково оно само по себѣ, но и въ срединѣ этихъ двухъ, включающихъ его въ себѣ точекъ. Оно становится также часто непонятнымъ, какъ скоро мы отдѣлимъ его отъ его рамки.

Когда описываютъ современныя событія для современниковъ, то предполагаютъ, конечно, что имъ знакомъ географическій и историческій планъ этихъ событій, и предоставляютъ имъ самимъ, при разсказѣ фактовъ, размѣщать ихъ, гдѣ слѣдуетъ. Это самое дѣлали Евангелисты, описывая для первыхъ христіанъ жизнь своего Учителя. Кромѣ того, для нихъ достаточно было едва очерченнаго событія, которому непременно былъ присущъ какой либо вѣчный элементъ, не подходящій ни подъ какое время и пространство, и поэтому они, можетъ быть, преднамѣренно даже пренебрегали условіями времени и среды и поставляли Сына Человѣческаго въ безпредѣльности вѣковъ и превыше земли; и подлинно, предметъ ихъ описаній былъ достаточно великъ, чтобы отвѣтить всѣмъ вѣкамъ и всей вселенной.

Однакоже мы, не видѣвшіе, подобно имъ, Христа живущимъ, дѣйствующимъ и говорящимъ, мы, которые видимъ Его только въ томъ, что есть въ Немъ вѣчнаго, не можемъ ли мы позволить себѣ представить Его въ Его человѣческой земной рамкѣ, въ той самой Палестинѣ, на которой отпечатлѣвались слѣды Его божественныхъ ногъ и которая была свидѣтельницею Его жизни? Неужели намъ воспрещено будетъ представить Его снова въ той общественной іудейской средѣ, среди людей, которые были его согражданами, среди толпы, которая слѣдовала за Нимъ, передъ лицомъ того іудейскаго общества,

гнѣвъ котораго Онъ навлекъ на Себя, и упорство и ослѣплєніе котораго испыталъ на Себѣ?

Я не только считаю это дозволительнымъ, но даже и необходимымъ для того, чтобы уразумѣть жизнь Іисуса, Его поступки и дѣянія, Его скорби и образъ Его рѣчей.

Событіе мѣняется, будучи взято отдѣльно отъ своей среды. Какъ бы ни была хороша картина, она необходимо должна имѣть свою приличную ей и гармонирующую съ ней рамку для того, чтобы представить ее во всей прелести сочетанія красокъ и тѣней.

Я заботливо старался помѣстить жизнь Іисуса въ такъ называемую мною мѣстную (*pittoresque*) или географическую его среду, а также и въ среду іудейскую и общественную.

Два долгихъ пребыванія въ Палестинѣ дали мнѣ возможность близко познакомиться съ землей Іисуса.

Я не спѣша находилъ ее во всѣхъ направленіяхъ, слѣдуя по стопамъ Учителя, начиная съ Виелеема и Хеврона до предѣловъ Тира и Сидона и къ источникамъ Іордана ¹⁾. Я по долгу оставаясь на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ долѣе всего жилъ Іисусъ, гдѣ Онъ болѣе всего боролся и страдалъ, больше всего поучалъ и любилъ. Мнѣ хотѣлось бы видѣть ихъ такими же, какими они были назадъ тому 18-ть вѣковъ. Настоящее запустѣніе этихъ мѣстъ, нагроможденныя однѣ на другія развалины, постройки, воздвигнутыя благочестіемъ христіанъ, не оставили почти ничего изъ ихъ первоначальнаго существованія. Я справлялся съ достойными уваженія преданіями, обращался къ самымъ опытнымъ путешественникамъ и особенно старался изучить Евангелія, которыя, такъ сказать, пережили тамъ, на той самой землѣ, гдѣ совершалось то, о чемъ они рассказываютъ.

Вѣроятно всѣ, отрицающіе подлинность исторіи, никогда не видали Палестины. Если бы они стали изучать ее съ Евангеліемъ въ рукахъ, они поняли бы, что Евангелія выдумать нельзя.

---

¹⁾ Я чрезвычайно обязанъ моему превосходному и любезному проводнику (*drogmen*) Мелгельму Уарди изъ Бейрута за его преданность и опытность, оказавшихъ такую услугу моему дѣлу.

Никакая жизнь, въ сравненіи съ жизнью Христа, не представляетъ такой гармоніи въ той землѣ, гдѣ она развивалась. Какъ хорошо обрамляетъ Галилея съ своимъ Назаретомъ, съ своимъ Таверіадскимъ озеромъ, съ своимъ Өаворомъ, съ своими холмами и зелеными долинами Іисуса Христа, проживавшаго въ ней 30 лѣтъ въ неизвѣстности, проповѣдника и народнаго Учителя, возвѣщающаго Евангеліе Царствія, поучающаго въ притчахъ толпу, увлекающаго ее въ пустыню и открывающаго Своимъ ученикамъ на горѣ Своей вѣчную славу. Какъ хорошо гармонируетъ суровая, бесплодная Іудея, съ своими скалистыми горами и Іерусалимъ съ своей долиною Кедрона, затемненной гробницами, съ непризнаннымъ, отвергнутымъ, позорно осужденнымъ и умирающимъ на крестѣ Пророкомъ.

Это глубокое пониманіе мною Евангельскихъ событій, ихъ истинности, подлинности, красоты, я заимствовалъ, мнѣ кажется, отъ соприкосновенія съ Палестиной, съ ея развалинами, съ священными воспоминаніями, которыми она такъ полна. Эти событія нераздѣлимы съ этой землей. Она можетъ сдѣлаться еще печальнѣе, еще пустыннѣе, еще мертвѣе. но все же она будетъ всегда обрамлять ихъ своимъ свѣтомъ, своими долинами, своими волнообразными холмами и своими тропинками, по которымъ проходилъ Іисусъ и по которымъ послѣ Него, безъ счета, идутъ и проходятъ поколѣнія.

Возстановленіе общественной среды, въ которой жилъ Іисусъ, трудное описаніе мѣстъ, предназначенныхъ для Его дѣйствій, — это самая сложная и самая трудная работа исторіи ¹⁾. Можно еще надѣяться сдѣлать удачный портретъ какого-либо человѣка, въ какой-либо опредѣленный моментъ его существо-

¹⁾ Самыя драгоцѣнныя пособія для знакомства съ іудейскимъ обществомъ времени Іисуса, которыя можно назвать источниками свѣдѣній, это суть: Книги Новаго и Ветхаго Завѣта, Ветхозавѣтные апокрифы, нѣкоторые трактаты Филона, Талмудъ, «Книга древностей» и «Война за независимость» Іосифа Флавія, Сивильскія книги, Полная классическая исторія Рима, Светоній, Тацитъ, Плиній Младшій, Діонъ, Кассій и др.

Новѣйшіе труды, особливо въ Германіи, очень многочисленны, и нельзя не признать всей ихъ важности. Но насколько экзегетика была слаба въ этой странѣ, потому что постоянно почти была подчинена какому-либо направленію, между тѣмъ какъ собственно исторія *временъ христіанскихъ* была хорошо разработана.

ванія, но не портретъ людей цѣлаго вѣка, цѣлаго періода времени, цѣлой цивилизаціи. И однако мы никогда вполне не можемъ понять человѣка, особливо человѣка общественнаго, если мы не изучимъ его въ самомъ томъ обществѣ, къ которому онъ принадлежитъ. А такъ какъ общество состоитъ изъ тысячи элементовъ, то и невозможно, не смотря на всѣ усилія и на всѣ самыя разнообразныя и точныя справки, воспроизвести эти элементы во всей ихъ сложности, подвижности и жизненности. Все, чего можетъ добиться, искренній историкъ, это—описать религіозную и политическую организацію народа, назвать и объяснить волновавшіяся партіи этой организаціи, отмѣтить философскія доктрины, вѣрованія, предрасудки, привычки жизни, права, традиціонные обычаи и политическія и религіозныя страсти.

Какъ бы несовершенно ни было это возстановленіе, все же оно проливаетъ большой свѣтъ на жизнь человѣка. Многія слова Іисуса, многія событія Его жизни разъясняются сами собою, безъ коментаріевъ, однимъ тѣмъ уже, что какъ тѣ, такъ и другія являються въ настоящей своей средѣ.

Поставивъ такимъ образомъ событія какой-либо человѣческой жизни въ ихъ естественную рамку, историкъ достигаетъ конца описаній: но ему предстоитъ еще рѣшеніе не менѣе необходимой задачи, а именно сгруппировать всѣ эти событія въ ихъ хронологическомъ порядкѣ.

Послѣдовательное описаніе событій есть сама исторія. Единство какой-либо жизни не понятно безъ этой цѣли событій. Одна изъ самыхъ трудныхъ задачъ относительно жизни Іисуса состоитъ въ томъ, чтобы точно опредѣлить послѣдовательность событій, о которыхъ повѣствуютъ документы и которыя составляютъ Его общественную жизнь. Хронологическія данныя, представляемыя третьимъ и четвертымъ Евангелиемъ и нѣкоторыми свѣтскими историками, освѣщаются при этомъ тщательнымъ изученіемъ и свѣркою астрономіи и нумизматики, дали намъ возможность придти къ слѣдующему доказанному заключенію. Читатель найдетъ въ приложеніяхъ къ моему труду указаніе на причины, побудившія меня означить время рожденія Іисуса 747—748 годомъ, крещеніе 27—28, время слу-

женія въ Галилеѣ 28 -29, а смерть Его—30 годомъ. Я знаю, какъ многочисленны несогласія на счетъ этого пункта между хронологами и историками жизни Іисуса, но думаю, что эти несогласія, не превышающія какихъ-нибудь семи лѣтъ относительно времени рожденія и смерти и ограничивающіяся однимъ годомъ относительно продолжительности Его общественной жизни, не имѣютъ большаго значенія съ точки зрѣнія сущности самой исторіи. Во всякомъ случаѣ оно даетъ историку свободу, если, принимая заключеніе, оно представляется ему достаточно доказаннымъ.

Нѣкоторые авторы предполагали, что общественная жизнь Іисуса продолжалась семь лѣтъ. Чтобы признать это предположеніе, необходимо, чтобы оно основывалось на Евангельскихъ свидѣтельствахъ, а не на послѣдующихъ авторитетахъ. На основаніи Евангелій мы никакъ не можемъ рѣшить... три или четыре Пасхи было въ продолженіи служенія Іисуса, но во всякомъ случаѣ мы не смѣемъ себѣ позволить допустить ни одной больше, или меньше этого числа.

Но какой бы системѣ мы ни слѣдовали, исторія Іисуса всецѣло включается между двумя опредѣленными и неоспоримыми числами. Онъ родился прежде смерти Ирода, которая случилась весною 750 или 751 года, а умеръ вѣроятно прежде, нежели Пилать оставилъ Іудею, т. е. прежде 36 года принятой эры.

Послѣ описанія и классификаціи событій согласно вѣрной хронологіи, историку предстоитъ еще самая трудная и щекотливая задача, а именно объяснить эти событія, показать ихъ природу, ихъ важность, ихъ глубокую связь между собою, ихъ причины и послѣдствія, нисколько при томъ не измѣняя ихъ, не уменьшая ихъ достоинства и не переиначивая ихъ.

Съ безконечнымъ уваженіемъ передъ такой жизнью, какъ жизнь Іисуса, принялся я за этотъ трудъ. Каждое изъ Его словъ, каждое изъ Его дѣяній казалось мнѣ брилліантомъ, драгоценнымъ перломъ. Я довольствовался подражаніемъ работѣ ювелира, разбиралъ и вставлялъ эти драгоценные камни, отшлифованные Божественною рукою; я старался объ одномъ, какъ бы рельефнѣе выказать всю ихъ красоту и ихъ блескъ.

Чтобы понять дѣйствія Христа и Его ученіе, недостаточно однѣхъ вспомогательныхъ наукъ, каковы, на примѣръ, исторія, психологія, мораль, философія, теодицея, соціологія и антропологія. Иисусъ стоитъ выше ихъ. Ни одна изъ нихъ не можетъ Его вмѣстить, Его жизнь ежеминутно ставитъ въ тупикъ то, что мы называемъ нашей психологіей, нашей соціологіей, нашей антропологіей и нашей слабой и боязливой теодицеей.

А потому, обращаясь къ этимъ наукамъ, насколько онѣ мнѣ извѣстны, я никогда не осмѣливался возвышать ихъ до Иисуса и никогда не пытался ограничить Его въ нихъ. Возносясь надъ ними, Онъ не разрушаетъ, а освѣщаетъ ихъ.

Величайшій изъ памятниковъ, воздвигнутыхъ богословіемъ во славу Иисуса, есть твореніе св. Тома Аквинскаго: «Трактатъ объ Искупленіи». Ни одинъ геній не объяснилъ, въ такомъ могущественномъ синтезѣ, болѣе разумно и съ болѣе точнымъ психологическимъ пониманіемъ тайну Христа. Чтобы настолько понять ученіе Его, надо быть всецѣло проникнутымъ Его жизнію. Относительно христіанской философіи я обязанъ этому учителю лучшею частію того, чего старался достигнуть, начиная исторію Иисуса Христа.

ХІІІ.

Принимаясь за мою работу, я очень хорошо сознавалъ, какую великую и трудную задачу беру на себя. Трудность все увеличивалась по мѣрѣ того, какъ я ее продолжалъ. Теперь, видя ее оконченной, я признаю ея пробѣлы и ея недостаточность, но не въ моей власти сдѣлать ее менѣе недостойной Того, Чью исторію я изложилъ.

Меня поддерживало только то глубокое убѣжденіе, что Христость, живущій и дѣйствующій въ Своей Церкви посредствомъ Своего Духа, есть спасеніе человѣчества и повѣйшихъ народовъ. Привлечь къ Нему сознаніе какой-либо страны или какого-либо вѣка -- или хотя попытаться только этого достигнуть -- и это будетъ уже большимъ благодѣяніемъ этому вѣку и этой странѣ.

Новѣйшая цивилизація съ своими пламенными стремленіями ко всему справедливому, къ освобожденію и улучшенію жизни людей низшаго класса, къ любви и къ миру, идетъ отъ Іисуса. Если Онъ далъ ей жизнь, кто же кромѣ Него можетъ сохранить эту жизнь: укротить эгоизмъ, обуздать насилие, сдержать безумныя, пожирающія насъ страсти? Всѣ эти тайны совершаются Имъ въ глубинѣ сердець. Отъ насъ единственно зависитъ допустить Его совершить ихъ въ нашей странѣ.

Борьба раздирающая насъ, такъ сказать, до корня, это борьба на смерть между старымъ, упорствующимъ язычествомъ и новымъ царствіемъ Евангелія. Я захотѣлъ потрудиться для этого новаго царствія, которое есть духовное царство церкви, царство человека, свободнаго отъ всякаго человѣческаго рабства и отъ самаго ужаснаго изъ всѣхъ внутренняго рабства злу, невѣжеству и пороку.

Іисусъ взывалъ къ совѣсти болѣе, нежели къ наукѣ, потому что обращался ко всѣмъ. И моя книга, старающаяся вызвать Его предъ лице нашего вѣка, обращается къ совѣсти моихъ современниковъ, не пренебрегая въ то же время и наукой.

Самый распространенный предрассудокъ нашего времени, это предположеніе, что разладъ между наукой и вѣрою окончателенъ и непоправимъ. Цѣлую жизнь боролся я противъ этого предрассудка съ противоположнымъ убѣжденіемъ, которое опытъ сдѣлалъ еще тверже, я буду бороться съ нимъ до послѣдняго издыханія и не перестану стараться привести въ гармонию мою безконечную вѣру съ моимъ новѣйшимъ развитіемъ. Ни въ политикѣ, ни въ исторіи, ни въ наукахъ естественныхъ, ни въ философіи не было еще отмѣчено ни одного извѣстнаго факта, ни одного какого-либо закона, доказанныхъ до очевидности, которые были бы въ противорѣчій съ непоколебимымъ, неизмѣннымъ словомъ Іисуса, какимъ сохраняетъ его церковь. Испытаніе длится цѣлые вѣка: но слово Іисуса должно восторжествовать: потому что слово это, равно какъ и поколѣніе людей, приѣмлющихъ его,—не говорю въ чистотѣ совѣсти, — но съ независимымъ и живымъ разумомъ, горячо принимающимъ всякую новую истину и смѣло

борющимся съ предразсудками времени, какимъ бы уваженіемъ они не пользовались,— пребываетъ и непрерывно будетъ пребывать.

Я знаю, что между Христомъ вѣрующихъ и Христомъ развитыхъ умовъ нашего вѣка существуетъ множество недоразумѣній, изъ которыхъ нѣкоторыя можетъ быть и разсѣяться предлагаемой мною книгой. Книга эта написана въ тишинѣ и уединеніи, вдали отъ всего, что раздѣляетъ людей, плодъ долгаго и упорнаго труда, могу сказать, труда цѣлой жизни; она не есть произведеніе возбужденной полемики, но спокойный трудъ исторіи, трудъ вѣры. Описывая жизнь Учителя, я надѣялся, что Его благость и кротость, Его мудрость и святость, Его любовь, Его божественность, просвѣчивающая сквозь всѣ Его слова. и наконецъ Его дѣйствія и скорби защитятъ Его лучше всѣхъ нашихъ доказательствъ и нашего напраснаго гнѣва. Я хотѣлъ, чтобъ хотя что-нибудь отъ Него, хотя малѣйшая частица дыханія Его души и Его сердца перешли въ эти страницы. Я хотѣлъ подѣлиться со всѣми тѣмъ, что Онъ мнѣ даровалъ.

Вопреки всему, Иисусъ остается величайшею небесною Личностію для всѣхъ христіанскихъ народовъ. Справедливость, одушевленная любовью, какую Онъ разумѣлъ, сдѣлалась господствующимъ закономъ на землѣ. Онъ владѣеть сознаниемъ всѣхъ, и даже люди, потерявшіе вѣру во Христа, сохраняютъ нравственный законъ Его, забывая, что законъ этотъ идетъ отъ Него. Могущество жертво-приношенія,—эта закваска, вложенная Иисусомъ въ руки Своихъ учениковъ, не оскудѣетъ никогда. Истинно вѣрующіе всегда готовы отдать жизнь, лишь бы избавить человѣчество, въ лицѣ даже малѣйшаго члена его, отъ зла, невѣжества, страданія и смерти.

Къ этому-то Христу, какимъ исповѣдуетъ Его церковь, желаю я обратить взоры нашего поколѣнія. Оно считается больнымъ, — Христосъ исцѣлитъ его; оно считается устарѣвшимъ и разочарованнымъ, — Онъ возвратитъ ему юность и горячія стремленія, ибо ученпкъ Христа преисполненъ надеждою. Современное поколѣніе обвиняютъ въ крайней положительности, въ невѣріи ничему, кромѣ осязаемаго и видимаго, выгоднаго и

пріятнаго, — Христось научить его видѣть невидимое, вкусить сладость духовнаго и понять, что самый полезный челоуѣкъ себѣ и другимъ, отечеству и челоуѣчеству есть тотъ, кто умѣетъ жертвовать собою, что изъ всѣхъ благъ лучшее для усовершенствованнаго духа есть самопожертвованіе. Современное поколѣніе считаютъ жаднымъ до удовольствій и сребролюбивымъ. Очень вѣроятно это и есть признакъ его упадка, ибо удовольствіе убиваетъ духъ, а сребролюбіе ведетъ ко всякому злу: — Христось научить его не пристращаться къ удовольствіямъ и благотворить, ибо богатство возрастаетъ по мѣрѣ благоразумнаго употребленія его.

Какъ бы то ни было, но міръ постоянно остается добычею всевозможныхъ скорбей, несчастій и лишеній. Тѣ, которые восхваляютъ радость бытія хорошо знаютъ, какъ ненадежна она на землѣ, и что чѣмъ счастливѣе была жизнь, тѣмъ ужаснѣе разбиивающая ее смерть. Христось одинъ научаетъ радости терпѣнія и вливаетъ въ душу божественную жизнь Свою, которую никакое горе не можетъ заглушать, которая укрѣпляетъ испытаніемъ, и полная надеждъ, безъ страха глядитъ въ глаза смерти.

Если бы я смѣлъ заимствовать слова величайшаго изъ Евангелистовъ, я бы сказалъ: «Все сіе написалъ я вамъ, дабы вы вѣровали, что Исусъ есть Сынъ Божій, и, вѣруя, имѣли жизнь во-имя Его. Такова вѣра каеолическая, и я исповѣдую ее всею полнотою моего разума и моей свободы.

Ж.

ИЗЪ ЧТЕНІЙ ПО КОСМОЛОГІИ.

(Окончаніе *).

ПРОИСХОЖДЕНІЕ МІРА.

Вопросъ о началѣ міра есть больной пунктъ, Ахиллесова пята матеріализма. Это чувствуютъ сами матеріалисты и потому не любятъ долго останавливаться на этомъ вопросѣ, ограничиваясь наборомъ общихъ фразъ о всемогуществѣ матеріи и силы, о ихъ безначальности, «безсмертіи» и т. п. За неудачу перваго шага они надѣются вознаградить себя въ послѣдствіи, при дальнѣйшемъ раскрытіи процесса мірообразованія, «безъ вмѣшательства чуждой силы», по однимъ естественнымъ законамъ. Нѣкогда Архимедъ въ гордомъ сознаніи силы механики говорилъ: дайте мнѣ только мѣсто, гдѣ бы стать, и я при помощи механики однимъ давленіемъ моей руки сдвину съ мѣста весь міръ. Матеріалисты готовы сказать: дайте намъ только твердую точку опоры, — самобытную матерію и силу механическаго движенія и мы создадимъ міръ. Не спрашивайте насъ только откуда возникла матерія съ присущею ей силою законосообразнаго движенія — и мы легко объяснимъ затѣмъ дальнѣйшій процессъ образованія вселенной.

Очевидно, мы переходимъ теперь отъ вопроса о первомъ или абсолютномъ *началѣ* міра къ вопросу о его *происхожденіи* въ тѣсномъ смыслѣ или образованія. Сдѣлаемъ требуе-

---

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ», № 22-й, 1890 г.

мую матеріализмомъ уступку. Не станемъ спрашивать, откуда и какъ началось мірообразовательное движеніе атомовъ; положимъ оно началось. Возникаетъ дальнѣйшій вопросъ: достаточно ли этого движенія для объясненія тѣхъ безконечно разнообразныхъ формъ бытія, какія мы теперь видимъ? Не нужно ли и здѣсь, въ дальнѣйшемъ процессѣ міроразвитія, точно такъ же, какъ и въ его началѣ, допустить дѣйствіе высшей, независимой отъ вещества, Силы? Нужно ли представлять себѣ гепесизъ міра такимъ образомъ, что эта Сила только начала мірообразовательное движеніе, дала ему, такъ сказать, первый толчекъ, а затѣмъ все пошло само собою, или такъ, что эта же Сила принимала участіе и въ дальнѣйшемъ образованіи природы?

Рѣшеніе этого вопроса въ философіи имѣетъ значеніе уже не въ отношеніи только къ матеріализму, но и къ дуализму и деизму, съ родственнымъ ему натурализмомъ. То направленіе древняго дуализма, представителями котораго можно считать Анаксагора и Аристотеля, вело къ мысли, что мірообразующая дѣятельность верховнаго Ума или перваго Двигателя ограничивается только первымъ моментомъ начала міра. — сообщеніемъ матеріи толчка или движенія; какъ скоро движеніе началось, міръ началъ образовываться самъ собою. Деизмъ прошлаго столѣтія, въ лицѣ англійскихъ философовъ этого направленія и болѣе умѣренныхъ представителей французскаго энциклопедизма, въ желаніи согласить признаніе Божества съ независимостію природы, какъ по ея настоящему положенію, такъ и по происхожденію, ограничивалъ дѣятельность Его въ образованіи міра, такъ называемое, твореніе, только созданіемъ матеріи съ ея коренными свойствами; какъ скоро она была создана, то въ силу данныхъ ей законовъ, она сама собою образовала міръ; Божество оказывалось ненужнымъ и отходило на задній планъ. Тоже значеніе имѣетъ и «неизвѣстная трансцедентная причина міра» въ новѣйшемъ, естествознательномъ натурализмѣ.

Очевидно, что различіе между всѣми этими направленіями состоитъ только въ принципахъ, взятыхъ для объясненія *начала* міра; что касается до его образованія или *происхожденія*,

то всё они одинаково объясняютъ его изъ естественнаго дѣйствія силъ природы. Тогда какъ матеріализмъ первую причину міра видитъ въ матеріи и имманентной ей силѣ, дуализмъ, деизмъ и натурализмъ ищутъ абсолютнаго начала міра въ Богѣ или неизвѣстной трансцендентной силѣ; но затѣмъ, какъ матеріализмъ, такъ и послѣднія направленія одинаково допускаютъ самостоятельное образованіе вселенной.

Главнымъ, можно сказать, единственнымъ доказательствомъ въ пользу такого, вполне самостоятельнаго образованія міра, какъ для матеріализма, такъ и для еднотысленныхъ съ нимъ въ этомъ отношеніи философскихъ направленій, служатъ естественно-научныя гипотезы происхожденія вселенной. Въ самомъ дѣлѣ, раскройте любое сочиненіе, написанное съ матеріалистической точки зрѣнія, въ которомъ говорится о происхожденіи міра. О чемъ собственно идетъ рѣчь? Сначала говорится о вѣчной матеріи и имманентныхъ ей силахъ; затѣмъ, болѣе или менѣе согласно съ наиболѣе распространенными въ данное время естествознательными гипотезами, слѣдуетъ теорія образованія планетныхъ массъ при помощи центробѣжной и центростремительной силъ; далѣе идетъ процессъ образованія земнаго шара, начиная съ того момента, когда наша земля находилась въ парообразномъ состояніи и кончая тою эпохою, когда вслѣдствіе ряда геологическихъ переворотовъ она получила наконецъ ту форму, при которой стала способною къ появленію на ней существъ органическихъ; далѣе слѣдуетъ исторія послѣдовательнаго возникновенія растительныхъ и животныхъ организмовъ, начиная палеонтологическими и кончая нынѣ существующими, завершеніемъ которыхъ является человѣкъ.

На первый взглядъ можетъ представиться, что подобный, эмпирической методъ доказательства матеріалистическаго ученія о происхожденіи міра вполне удовлетворителенъ и предполагая, что естествознательныя теоріи мірообразованія вездѣ и во всемъ безукоризненны, вполне достигаетъ своей цѣли. Но такъ ли на самомъ дѣлѣ? Дѣйствительно ли эмпирическія гипотезы образованія вселенной могутъ служить надежными доказательствами въ пользу того или другаго фило-

софскаго міросозерцанія, — матеріализма въ частности? Матеріализмъ на этотъ вопросъ, конечно, отвѣчаетъ утвердительно. По его мнѣнію, однимъ изложеніемъ этихъ гипотезъ уже доказывается именно его ученіе о происхожденіи міра, такъ какъ здѣсь на основаніи научныхъ данныхъ представляется самый способъ образованія вселенной безъ вмѣшательства какой-либо высшей силы, единственно по законамъ природы намъ извѣстнымъ и нынѣ дѣйствующимъ. Не очень дальновидные противники матеріализма, пожалуй, согласятся съ нимъ, почитая всякаго рода попытки изобразить исторію мірообразованія ведущими прямо къ атеизму. Отсюда подозрительные взгляды на всякаго рода естествознательныя теоріи образованія вселенной; отсюда полемика противъ частностей той или другой теоріи, — и такъ какъ наука не выработала еще здѣсь окончательныхъ и вполнѣ твердыхъ результатовъ, такъ какъ теорія образованія звѣздныхъ и планетныхъ массъ, геологія и палеонтологія во многихъ пунктахъ представляютъ только гипотезы и разногласныя, неустановившіяся мнѣнія, то удачное иногда указаніе нетвердости различныхъ теорій и противорѣчія различныхъ мнѣній принимается иногда за опроверженіе самаго матеріализма. Но изъ этого ничего не выходитъ; съ движеніемъ эмпирической науки недостаточныя теоріи исправляются; пробѣлы пополняются; возникаютъ новыя теоріи, которыя, конечно, ожидаютъ таже участь исправленія; критика ихъ обѣщаетъ затянуться въ безконечность безъ всякаго рѣшительнаго результата. Матеріализмъ всегда можетъ отвѣтить на самую основательную критику такъ, какъ онъ отвѣчаетъ часто и теперь: положимъ, въ теоріи естественнаго мірообразованія въ настоящее время есть по мѣстамъ пробѣлы и она не въ силахъ отвѣтить на многіе частныя вопросы; но эти пробѣлы, устранимыя съ дальнѣйшимъ движеніемъ науки, нисколько не опровергають общей основы и коренной идеи этой теоріи, — что міръ образовался естественно, законосообразнымъ путемъ.

Отсюда видно, что для оцѣнки ученія матеріализма о происхожденіи міра важно не столько указаніе недостатковъ той или другой естествознательной теоріи мірообразованія, какою

онъ пользуется, сколько вообще опредѣленіе степени логической силы и доказательности самихъ этихъ теорій при рѣшеніи даннаго вопроса. Но въ такомъ доказательномъ ихъ значеніи, заставляетъ насъ прежде всего усомниться тотъ фактъ, что однѣ и тѣже естествознательныя гипотезы могутъ быть приводимы и приводятся въ связь съ совершенно различными міросозерцаніями, такъ что никакъ нельзя сказать, чтобы онѣ исключительно служили къ подтвержденію одного какого-либо изъ нихъ и матеріализмъ, только по какому то недоразумѣнію, считаетъ ихъ своею собственностію. Такъ напр. мы видимъ, что философы идеалисты (напр. Шеллингъ, Гегель) въ своемъ изложеніи процесса развитія абсолютнаго начала въ формѣ природы (инобытія духа) не уклоняются отъ данныхъ естествознанія своего времени и доускаютъ иногда гипотезы, признаваемыя спеціально матеріалистическими; Окенъ, на примѣръ, раздѣляетъ теорію произвольнаго зарожденія организмовъ и при томъ въ примѣненіи ея къ происхожденію не только низшихъ, но и высшихъ организмовъ, — самого человѣка. Такъ, мы встрѣчаемъ опыты изложенія исторіи міра на основаніи астрономическихъ, геологическихъ, палеонтологическихъ данныхъ у ученыхъ и признающихъ бытіе высочайшаго Творца міра и участіе Его въ дѣлѣ мірообразованія (напр. Букландъ), и эти опыты вполне согласны съ ихъ теистическою точкою зрѣнія. Еще болѣе, — въ области богословія мы встрѣчаемъ не мало попытокъ согласовать современныя естествознательныя теоріи образованія вселенной (напр. Канто-Лапласовскую гипотезу) съ библейскимъ ученіемъ о твореніи міра; удовлетворительны ли эти попытки или нѣтъ съ богословской точки зрѣнія, другой вопросъ; но несомнѣнно то, что эти гипотезы вполне могутъ быть примирены съ понятіемъ о Богѣ, какъ Творцѣ міра.

Отчего происходитъ это явленіе, которое одно и само по себѣ значительно обезсиливаетъ матеріализмъ, потому что могутъ ли служить надежнымъ доказательствомъ въ пользу какой либо теоріи факты, которые съ равнымъ правомъ могутъ быть приведены и въ пользу другой, противополож-

ной? Причина этого явления въ томъ, что естествознательныя теоріи мірообразования, если онѣ держатся строго эмпирической почвы и индуктивнаго метода, изображаютъ предъ нами только преемственность фактовъ въ процессѣ развитія міра, но ничего не говорятъ и не могутъ сказать о глубочайшихъ, внутреннихъ причинахъ и условіяхъ этого процесса. Для рѣшенія послѣдняго вопроса мы должны изъ области опыта перейти въ область умозрѣнія,—философія. Вотъ почему, при различіи, даже противоположности философскихъ направленій, одинъ и тотъ же послѣдовательный рядъ фактовъ, связанныхъ закопомъ эмпирической причинности, можетъ получить различное освѣщеніе и истолкованіе, что касается до ея внутренняго смысла и глубочайшаго основанія; самое же эмпирическое изложеніе процесса мірообразования, какъ позволяетъ судить о немъ естествознаніе, можетъ быть однимъ и тѣмъ же и для матеріалиста, и для пантеиста, и для теиста. Различіе будетъ не въ фактическомъ изложеніи дѣла, а только въ различной философской подкладкѣ его и въ различномъ пониманіи сущности и смысла міроваго процесса. Такъ, по теоріи матеріализма, этотъ процессъ будетъ самообразованиемъ міра, т. е. самостоятельнымъ преобразованиемъ матеріи въ различныя формы. По теоріи идеализма, этотъ процессъ будетъ процессомъ жизни самого абсолютнаго, раскрывающагося въ многоразличіи явленій. По теоріи теизма, этотъ процессъ будетъ выполненіемъ божественнаго плана, осуществленіемъ воли Божества чрезъ посредство вызванныхъ Имъ изъ небытія въ бытіе элементовъ, силъ и законовъ природы. Но самый процессъ съ своей эмпирической стороны отъ этого не измѣнится; таже физика, астрономія, геологія, палеонтологія останутся и для теиста и для атеиста. Эмпирическіе факты сами по себѣ равнодушны къ тому или другому изъясненію ихъ, которое можетъ быть дано не опытомъ, а философскимъ или религіознымъ воззрѣніемъ на нихъ.

Все это показываетъ, что естественно - научныя гипотезы происхожденія вселенной, если только сами онѣ не носятъ тенденціознаго характера и не состоятъ подъ вліяніемъ матеріалистическаго міросозерцанія, истолковывая и освѣщая

Факты съ точки зрѣнія этой философіи, сами по себѣ не могутъ служить въ пользу матеріалистическаго ученія о происхожденіи міра, такъ какъ изображаютъ послѣдовательный ходъ образованія вселенной при предположеніи данныхъ, уже существующихъ условій этого образованія. Но существенное значеніе для философіи имѣютъ, какъ мы видѣли, не эти спеціальныя гипотезы, а именно вопросъ о происхожденіи самыхъ этихъ предполагаемыхъ условій образованія вселенной, въ частности, по отношенію къ матеріализму,—вопросъ: могутъ ли эти условія быть выведены и объяснены изъ основнаго матеріалистическаго принципа, — матерія съ имманентною ей силою?

Въ основѣ всякаго рода естествознательныхъ гипотезъ о происхожденіи вселенной лежитъ предположеніе о разнообразіи *веществъ, силъ и законовъ*, дѣйствующихъ въ вселенной, и своими комбинаціями и взаимоотношеніемъ производящихъ чрезвычайное разнообразіе предметовъ и явленій природы. Обратимъ вниманіе на каждое изъ этихъ предположеній порознь и посмотримъ, можно ли объяснить это разнообразіе съ матеріалистической точки зрѣнія?

а) Обратимся сначала къ разнообразію веществъ, входящихъ въ составъ предметовъ природы и производящимъ то различіе ихъ, которое можно назвать качественнымъ или химическимъ. Такъ какъ предметы природы въ этомъ отношеніи очень разнообразны, а матерія (атомы), какъ первое начало бытія, должна быть чѣмъ-то простымъ и однороднымъ, то кажется довольно труднымъ понять, какимъ образомъ изъ этого однороднаго вещества сами собою могли образоваться столь различныя тѣла, отъ чего атомы въ одномъ случаѣ являются намъ камнемъ, въ другомъ водою, воздухомъ и солнцемъ и пр.

Для разрѣшенія этого затрудненія возможны два предположенія: или атомы сами по себѣ первоначально не однородны, но различны и при томъ это различіе есть или качественное (химическое) или формальное; или они совершенно однородны, а различіе, происшедшихъ изъ нихъ предметовъ, зависитъ отъ относительнаго ихъ положенія другъ къ другу.

При настоящемъ положеніи природы различіе состава тѣлъ зависитъ отъ качественного различія первоначальныхъ ихъ элементовъ. Число такихъ элементовъ, иначе называемыхъ простыми тѣлами, постоянно измѣняется съ успѣхами химіи. Въ настоящее время ихъ насчитываютъ до 67, при чемъ химія оставляетъ открытымъ вопросъ: ограничивается ли этими простыми тѣлами, наблюдаемыми на нашей землѣ и отчасти въ нашей солнечной системѣ (путемъ спектральнаго анализа) вся совокупность первичныхъ элементовъ природы, или могутъ на другихъ планетахъ и за предѣлами нашей солнечной системы, существовать какіе либо другіе элементы, намъ неизвѣстные. Но какъ бы то ни было, матеріализмъ для облегченія объясненія разнообразія природы, едва ли рѣшится допустить, чтобы матерія абсолютно и искони существовала въ видѣ качественно различныхъ атомовъ, по числу простыхъ элементовъ химіи, что искони существуютъ не атомы вообще, но атомы напр. кислорода, азота, золота, сѣры и т. п. ¹⁾ Такое предположеніе не допустимо ни съ эмпирической, ни съ философской точки зрѣнія. Съ первой, какъ потому, что для такого мнѣнія опытъ не можетъ представить никакихъ основаній, такъ и потому, что факты разложенія нѣкоторыхъ, считавшихся прежде простыми, веществъ. ведутъ къ предположенію, что неразложимость и другихъ простыхъ тѣлъ есть

1) Мнѣніе о разнокачественности состава первобытной матеріи въ древности мы встрѣчаемъ исключительно у Анаксагора Матерію, по его ученію, нельзя представлять себѣ однородной массой, ни даже смѣшеніемъ такихъ простыхъ первовеществъ, каковы элементы Емпедокла или атомы Левкиппа. Напротивъ, она состоитъ изъ смѣси безчисленныхъ, непроеисшедшихъ, неуничтожимыхъ и неизмѣнныхъ, по своей малости недоступныхъ зрѣнію, недѣлимыхъ частичекъ (*спέρματα, χρίματα, όμοιομερή*) съ специфическими качествами: частичекъ напр. золота, плоти, костей и т. п. У новѣйшихъ матеріалистовъ нѣтъ рѣшительныхъ указаній на то, признаютъ ли они свою матерію первоначально разнокачественною или однородною. Философское требованіе единства принципа должно вести ихъ къ послѣднему воззрѣнію; но въ тоже время у нихъ проскальзываютъ мысли, заставляющія предполагать, что имъ не чуждо и первое. Такъ напр. Мошеттъ говоритъ, что «азоту, кислороду, водороду, сѣрѣ и фосфору ихъ свойства присущи отъ вѣка», что «свойства основныхъ веществъ отъ вѣка неизмѣнны». (*Kreislauf d. Lebens.* 347, 362). Подобнаго рода выраженія, предполагающія вѣчность опредѣленныхъ химическихъ элементовъ, встрѣчаются и у Бюхнера.

не абсолютная, а относительная, зависящая отъ недостатка въ настоящее время химическихъ способовъ разложенія. Что касается до философіи, то такое предположеніе противорѣчило бы идеѣ первоначальнаго единства матеріи. Самъ матеріализмъ, какъ философская система, не можетъ допустить такого предположенія о первоначальномъ качественномъ различіи атомовъ, потому что тогда, вмѣсто желаемого имъ единства принципа, получится множество самостоятельныхъ началъ бытія; вмѣсто единой матеріи онъ долженъ будетъ допустить множество самобытныхъ матерій, по числу простыхъ тѣлъ природы. Но съ такимъ признаніемъ тѣмъ ярче выступитъ его несостоятельность, потому что, если трудно признать самобытность простой, безформенной матеріи, то еще труднѣе признать, чтобы само собою могло искони существовать нѣсколько, качественно различныхъ матерій. Такое различіе необходимо вызывало бы вопросъ о причинѣ точнаго различія въ составѣ самой матеріи.

Древніе атомисты (Левкиппъ, Демокритъ, Эпикуръ) коренной причины разнообразія предметовъ природы искали въ первоначальномъ различіи не качествъ, а формы, слагающихъ тѣла, атомовъ; по ихъ мнѣнію одни изъ нихъ больше, другіе меньше; одни круглы, другіе имѣютъ видъ куба, призмы и пр.; различная комбинація этихъ, различныхъ по формѣ, атомовъ и производитъ различныя тѣла. Такое воззрѣніе, повидимому, находитъ себѣ нѣкоторое подтвержденіе въ современной химіи. Такъ, она предполагаетъ, для объясненія нѣкоторыхъ химическихъ явленій (эквивалентности простыхъ тѣлъ), что атомы имѣютъ различный вѣсъ¹⁾. Но различный вѣсъ атомовъ можетъ зависѣть только отъ ихъ величины,—и вотъ... химія предполагаетъ первоначальную различную величину атомовъ, что и служитъ для нея къ объясненію явленій, такъ называемаго изоморфизма. Далѣе, когда она говоритъ о явленіяхъ кристаллизаціи и объясняетъ, почему однѣ тѣла кристаллизуются вмѣстѣ, другія нѣтъ, то предполагаетъ что, атомы имѣ-

---

1) Хотя она для объясненія другаго рода явленій допускаетъ въ тоже время существованіе иныхъ невѣсомыхъ атомовъ.

иуть первоначально различную форму или фигуру ¹⁾). Но что касается до данныхъ химіи, то матеріализмъ едвали можетъ воспользоваться ими для своихъ цѣлей, такъ какъ химія говоритъ о величинѣ, вѣсѣ, фигурѣ атомовъ въ настоящее время и при данномъ положеніи природы, а вовсе не касается вопроса о самой сущности и первоначальномъ видѣ матеріи; она ничего не говоритъ, да и сказать не можетъ, принадлежитъ ли это различіе къ самому существу матеріи или есть явленіе, вызванное дѣйствіемъ на матерію какой либо силы, сформировавшей ее въ тѣ или иныя первоначальныя очертанія. Что касается до матеріализма, то утверждать именно первое, опъ не имѣетъ никакого основанія. Эмпирически рѣшить вопросъ о первоначальной фигурѣ атомовъ, конечно, нельзя, а признавать а priori абсолютное формальное ихъ различіе, значить допускать не философскую мысль о множественности началъ бытія въ видѣ множества абсолютно первыхъ формъ, что также противорѣчитъ единству принципа объясненія природы, какъ и признаніе абсолютнаго качественного различія матерій.

Повидимому болѣе философскій характеръ носитъ воззрѣніе тѣхъ матеріалистовъ, которые причину разнообразія предметовъ по ихъ составу полагаютъ единственно въ различномъ положеніи атомовъ относительно другъ друга. Атомы сами по себѣ однородны и тождественны; различіе же состава тѣлъ происходитъ отъ того, ближе ли, дальше ли отстоятъ между собою атомы. Такъ какъ степени такого разстоянія могутъ быть бесконечно разнообразны, то очевидно здѣсь находится

¹⁾ Известно, что нѣкоторые вещества смѣшиваются при кристаллизаціи, нѣкоторые — нѣтъ. Такъ напр. поваренная соль и сѣра, если смѣшать ихъ растворы, кристаллизуются изъ этой смѣси каждое вещество отдѣльно и каждое особеннымъ образомъ. Напротивъ, горькая соль и цинковый купоросъ, если ихъ смѣшать, кристаллизуются вмѣстѣ и частицы того и другаго вещества не выдѣляются въ видѣ особыхъ кристалловъ. Вѣроятную причину этого явленія химія находятъ въ томъ, что сѣра и поваренная соль состоятъ изъ имѣющихъ различный видъ и форму первоначальныхъ частичекъ (атомовъ), которые поэтому и не могутъ слгаться смѣшанно; напротивъ того, горькая соль и цинковый купоросъ состоятъ изъ атомовъ одинаковой формы, которые поэтому при кристаллизаціи могутъ смѣшиваться и наслаяться одинъ на другой.

достаточное основаніе къ объясненію чрезвычайнаго разнообразія предметовъ. Данное количество атомовъ при извѣстной степени сближенія будетъ давать извѣстное простое тѣло, напр. кислородъ; то же или большее количество ихъ при двойномъ сближеніи даетъ другое тѣло и т. д. Эти первоначально образовавшіяся тѣла, какъ цѣлости, въ свою очередь могутъ вступать въ новыя, разнообразныя сочетанія съ другими и производить дальнѣйшее различіе тѣлъ ¹⁾.

Очевидно, такое предположеніе о причинѣ качественнаго разнообразія тѣлъ удовлетворительнѣе прежнихъ, какъ по своей простотѣ, такъ и потому, что при немъ выдерживается единство матеріалистическаго принципа и сохраняется субстанціальная однородность основы физическаго бытія, матеріи. Но въ сущности здѣсь затрудненіе объяснить разнообразіе предметовъ нисколько не устраняется, а только переносится на другой принципъ міроваго бытія, силу. Атомы сами по себѣ ничего не значатъ; они однородная инертная матерія. Все различіе состава тѣлъ зависитъ отъ силы, которая такъ или иначе расположила атомы, поставила ихъ въ такое или иное взаимное отношеніе. Но мы уже видѣли невозможность изъ понятія имманентной матеріи, силы механическаго движенія вывести все разнообразіе направленій и степеней интенсивности этой силы, необходимыхъ для законосообразнаго сочетанія атомовъ. Въ самомъ дѣлѣ, если качественное разнообразіе простыхъ и сложныхъ тѣлъ зависитъ исключительно отъ положенія атомовъ относительно другъ друга (ихъ

1) Къ такому мнѣнію склоняется знаменитый основатель новѣйшей химіи— Берцеліусъ. «Съ полнѣйшею вѣроятностію», говоритъ онъ, «мы имѣемъ право считать элементарныя атомы *сфероидальными*, потому что пленно сферическую форму принимаетъ матерія, когда она не подвержена вліянію постороннихъ силъ». При этомъ возможно, что элементарныя атомы имѣютъ различную величину; но возможно также и то, что они равны по величинѣ. Напротивъ, форма и величина сложныхъ атомовъ (молекулъ) должна быть далеко не одинакова, смотря по количеству составляющихъ ихъ элементарныхъ атомовъ. Форма ихъ зависитъ отъ числа и взаимнаго положенія этихъ элементарныхъ атомовъ; очевидно, что атомъ сложный изъ $a+2b$, долженъ занимать большее пространство, чѣмъ сложный изъ $a+b$. Большинство химиковъ доселѣ согласны съ этимъ воззрѣніемъ Берцеліуса. Ulrici. Gott und Natur. 1862. I p. 57, 58.

сравнительной близости или отдаленности), то является неразрѣшимый вопросъ: отъ чего возникло первоначально это относительное положеніе атомовъ, основанія для котораго во все не дано въ понятіи простаго движенія? Но что всего важнѣе, въ понятіи движенія, результатомъ котораго могутъ быть различныя степени сближенія и отдаленія атомовъ, во все не дано ни малѣйшаго указанія на качественное (химическое) различіе тѣлъ. Атомы, однородные по существу, не могутъ измѣниться качественно отъ одной перемѣны относительнаго положенія; отсюда можетъ быть объяснено различіе величины, формы, вѣса тѣлъ, но не ихъ химическія отличія. Даже рѣшительные защитники динамизма (Кантъ) признавали невозможнымъ изъ понятій силы и движенія вывести эти отличія.

Изъ сказаннаго нами видно, что какое бы изъ трехъ, указанныхъ нами предположеній матеріализмъ ни принялъ для объясненія качественного разнообразія природы, ни при одномъ изъ нихъ онъ не въ состояніи сколько нибудь рационально объяснить происхожденіе этого разнообразія, безъ признанія высшей независимой отъ матеріи и имманентной ей силы механическаго движенія, разумной Силы. При первыхъ двухъ предположеніяхъ онъ долженъ допустить совершенно нераціональное мнѣніе объ абсолютномъ, первоначальномъ различіи матеріи по качеству или по формѣ, — не одну матерію, а нѣсколько ихъ. При послѣднемъ, онъ долженъ допустить безпричинное распаденіе единой механической силы, движенія на безчисленное множество отдѣльныхъ самостоятельныхъ дѣйствій, различныхъ по интенсивности и направленію, въ различныхъ пунктахъ наполненнаго атомами пространства.

б) Но для объясненія разнообразія предметовъ и явленій природы и ихъ законосообразной смѣны недостаточно одного химическаго различія въ составѣ тѣлъ и дѣйствія одной силы механическаго движенія, проявившей себя первоначально въ простомъ сближеніи и отталкиваніи атомовъ. Для объясненія дальнѣйшаго процесса мірообразованія нужно предположить, что одновременно съ силою химическаго средства и

механическаго движенія или мало по малу, послѣдовательно выступали на сцену исторіи міра и другія силы, отличныя отъ этихъ, напр. сила тяготѣнія, свѣта, тепла и другія, не говоря объ органической и психической. Чѣмъ объяснить происхожденіе этихъ частныхъ силъ? Источника ихъ матеріализмъ очевидно можетъ искать только въ какомъ либо одномъ изъ двухъ принциповъ, полагаемыхъ имъ въ основу міробытія,—матеріи или силъ. Прежде всего, онъ можетъ сказать, что эти силы суть различныя свойства матеріи, или точнѣе, такъ какъ матерія представляется въ видѣ атомовъ,—свойства, принадлежащія самимъ атомамъ, но только постепенно выступавшія въ процессѣ мірообразованія. Но такое представленіе должно быть отвергнуто, въ виду уже сказаннаго нами, что сила не можетъ быть существенно принадлежащимъ матеріи свойствомъ. Но если невозможно, какъ мы видѣли, считать принадлежностью матеріи простую силу механическаго движенія, то тѣмъ болѣе кажется чрезвычайно затруднительнымъ приписать ей разнородныя силы природы, какими онѣ являются теперь въ дѣйствительности. Еще труднѣе объяснить, почему эти силы не обнаружались всѣ вдругъ и одновременно, но постепенно одна за другою возникали въ исторіи міра. Такое явленіе рѣшительно противорѣчитъ основному принципу матеріализма, который не допускаетъ ни какихъ потаенныхъ силъ, которыя въ началѣ не дѣйствовали, а потомъ начали проявлять себя ¹⁾. При томъ, если мы допустимъ такое постепенное проявленіе атомами присущихъ имъ отъ вѣка силъ, то атомы матеріализма существенно измѣнятъ свой характеръ; вмѣсто простыхъ частицъ безкачественной матеріи мы получимъ какія-то живыя монады, обладающія *in potentia* множествомъ силъ и свойствъ, проявляемыхъ по мѣрѣ надобности.

Итакъ матеріализму остается искать причины разнообразія силъ природы не въ матеріи, какъ таковой, а въ какой-либо

---

1) «Сила, которая не обнаруживаетъ себя», говоритъ Бюхнеръ, «н существовать не можетъ; такую силу никоимъ образомъ нельзя принимать въ расчетъ въ нашемъ мышленіи». *Kraft und Stoff*. p. 6.

имманентной ей силѣ, въ частности, въ силѣ механическаго движенія, которую, какъ мы видѣли, онъ и признаетъ первоначальною и коренною сплюю матеріи. Такъ и поступаетъ матеріализмъ,—и въ этомъ случаѣ, по его мнѣнію, полнѣйшую и несокрушимую поддержку ему оказываетъ современное естествознаніе, своимъ ученіемъ о единствѣ силъ природы и о превращеніи ихъ одна въ другую. Сущность этого ученія состоитъ въ слѣдующемъ.

Въ прежнее, сравнительно недавнее время, многіе естествоиспытатели смотрѣли на физическія силы, какъ на какія-то особыя, тонкія, невѣсомыя жидкости своего рода; принимали, на примѣръ, существованіе особой теплородной матеріи, особой электрической жидкости и т. п. Но съ теченіемъ времени, съ развитіемъ естествознанія, стала выясняться, съ одной стороны неудовлетворительность такого воззрѣнія, съ другой, тѣсная связь различныхъ физическихъ силъ между собою и особенно,—соотношенія ихъ съ движеніемъ. Движеніе при различныхъ обстоятельствахъ производитъ теплоту, электричество, магнетизмъ и свѣтъ. Отъ согрѣванія рукъ потираемъ ихъ одна о другую и до раскаленія вагоннаго тормоза, вслѣдствіе сильнаго тренія, отъ взрыва гремучаго пороха вслѣдствіе сотрясенія и до воспламененія куска дерева отъ нѣсколькихъ ударовъ пароваго молота, намъ представляются обильные примѣры того, какъ съ прекращеніемъ движенія возникаетъ теплота. Примѣры же порожденія электричества движеніемъ, представляются намъ опытомъ съ сургучемъ, точно также, какъ и обыкновенной электрической машиной и аппаратомъ для возбужденія электричества посредствомъ освобожденія паровъ. Гдѣ есть треніе между разнородными тѣлами, тамъ однимъ изъ слѣдствій его бываетъ электрическое разряженіе. Магнетизмъ можно получить изъ движенія, или непосредственно, на примѣръ путемъ тренія, или же посредственно, на примѣръ при помощи электрическихъ токовъ, добытыхъ передъ тѣмъ черезъ движеніе. Точно также движеніе можетъ произвести свѣтъ, или прямо, какъ мы это видимъ, на мелкихъ раскаленныхъ осколкахъ, отскакивающихъ отъ тѣлъ при сильныхъ столкновеніяхъ, или же

косвенно: напримѣръ, посредствомъ электрической искры. Тотъ видъ силы, который мы называемъ теплотой, признается въ настоящее время всѣми физиками также за молекулярное движеніе. За однимъ или двумя исключеніями, нагрѣтыя тѣла расширяются; расширение же можно объяснить только какъ движеніе единицъ массы во взаимныхъ отношеніяхъ между собою. Такъ называемое лучеиспусканіе, посредствомъ котораго тѣло высшей температуры, нежели окружающіе предметы, сообщаетъ теплоту этимъ послѣднимъ, есть очевидно извѣстный родъ движенія. А что молекулярное движеніе, которое мы называемъ теплотою, можетъ перейти въ видимое движеніе, наглядное доказательство этому представляетъ паровая машина, въ которой поршень и всѣ связанныя съ нимъ массы матеріи приводятся въ движеніе молекулярнымъ расширеніемъ водяныхъ паровъ. Превращеніе теплоты въ электричество проявляется, когда различные металлы, примыкающіе одинъ къ другому, будутъ нагрѣты въ точкѣ соприкосновенія, такимъ образомъ возбуждаются электрическіе токи. Твердое несгораемое вещество, будучи введено въ нагрѣтый газъ, напримѣръ, известъ въ пламень гремучаго газа, становится раскаленнымъ, и такимъ путемъ представляетъ примѣръ перехода теплоты въ свѣтъ. Если нельзя доказать, чтобы теплота непосредственно производила магнетизмъ, то, во всякомъ случаѣ, можно доказать, что это имѣетъ мѣсто при посредствѣ электричества. При помощи этого же самаго посредника можно установить соотношеніе между теплотой и химическимъ сродствомъ, — соотношеніе, которое уже предполагается тѣмъ рѣзкимъ вліяніемъ, какое теплота оказываетъ на химическія соединенія и разложенія. Многочисленные и разнообразныя опыты показываютъ затѣмъ тѣсную связь между собою всѣхъ указанныхъ нами силъ природы и переходы ихъ одна въ другую. Такъ, намагничиваніе тѣла измѣняетъ его внутреннее строеніе, и на оборотъ, измѣненіе внутренняго строенія въ тѣлѣ, напр.—подъ вліяніемъ механическаго сжатія, сказывается и на его магнитномъ состояніи. Солнечный лучъ измѣняетъ расположеніе атомовъ нѣкоторыхъ кристалловъ. Нѣкоторые смѣшанные газы, не соединяющіеся при другихъ

условіяхъ, соединяются подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей; а въ нѣкоторыхъ химическихъ соединеніяхъ свѣтъ производитъ разложеніе. Обычный спутникъ химическаго соединенія есть теплота, а если сродство сильно, то, при извѣстныхъ условіяхъ, производится также и свѣтъ. Химическія измѣненія, которыми обуславливаются измѣненія и объема тѣлъ, производятъ измѣненія какъ въ элементахъ, соединяющихся между собою, такъ и въ прилегающихъ къ нимъ массахъ матеріи; примѣръ этаго представляетъ выталкиваніе пули расширеніемъ пороха. Въ гальванической батарее мы видимъ возникновеніе электричества изъ химическаго сочетанія и разложенія; а чрезъ посредство электричества, химическое дѣйствіе порождаетъ магнетизмъ.—Всѣ эти и подобныя факты показываютъ, что каждая сила можетъ прямо или косвенно преобразовываться въ другія. Въ каждой переменѣ сила испытываетъ превращеніе; при этомъ изъ новой формы, или изъ нѣсколькихъ новыхъ формъ, которыя она принимаетъ, могутъ въ свою очередь получиться въ безконечномъ разнообразіи порядка и сочетаній, либо прежняя ея форма, либо какая нибудь изъ остальныхъ формъ. Очевидно кромѣ того, что физическія силы состоятъ не просто только въ качественномъ соотношеніи между собою, но и въ количественномъ: это и есть законъ эквивалентности силъ. Силы, обнаруживающіяся на той или другой степени развитія, должны вытекать изъ такихъ же или иныхъ силъ, существовавшихъ прежде; изъ силъ же, происшедшихъ подобнымъ образомъ, должны вытекать въ свою очередь, другія, болѣе или менѣе, преобразованныя силы.

Въ число этихъ, болѣе или менѣе, преобразованныхъ силъ, материалисты и натуралисты включаютъ и силы, органическую и психическую. Положеніе, что силы, обнаруживающіяся въ жазненной дѣятельности, растительной и животной, производятся тѣмъ же путемъ дальнѣйшаго превращенія силъ физическихъ, представляетъ очевидную дедукцію изъ фактовъ органической химіи. Вся растительная жизнь прямо или косвенно зависитъ отъ солнечнаго свѣта и теплоты, посредствомъ которыхъ растенія извлекаютъ матеріалы для своихъ тканей

изъ окружающихъ неорганическихъ соединеній; силы, при помощи которыхъ онѣ растутъ и поддерживаютъ свои отправления, суть силы существовавшія прежде въ видѣ солнечныхъ лучей. Что затѣмъ животная жизнь зависитъ посредственно или непосредственно отъ жизни растительной, это истина, знакомая каждому. Движенія животныхъ, внутреннія и внѣшнія, суть не что иное, какъ проявленія въ новыхъ формахъ той силы, которая была поглощена растеніями въ видѣ свѣта и теплоты. Вообще, всѣ дѣйствія животнаго организма можно свести къ дѣйствию космическихъ силъ безъ ничего не объясняющаго признанія какой то особой, жизненной силы. Далѣе силы, извѣстныя намъ, подъ именемъ духовныхъ, подходятъ подъ тоже самое обобщеніе; фактовъ оправдывающихъ, или лучше, дѣлающихъ его неизбѣжнымъ, множество, и всѣ они неоспоримы (эти факты—обычныя явленія, такъ называемой зависимости души отъ тѣла и обратно). «Всѣ эти разнообразныя классы фактовъ», говоритъ Спенсеръ, «сходятся въ доказательствѣ того, что законъ превращенія, дѣйствующій въ сферѣ физическихъ силъ, равнымъ образомъ имѣетъ мѣсто и относительно ихъ связи съ умственными силами. Тѣ виды непознаваемаго (абсолютнаго), которые мы называемъ движеніемъ, теплотою, свѣтомъ, химическимъ средствомъ и проч., одинаково способны преобразовываться другъ въ друга точно также, какъ и въ тѣ виды непознаваемаго (абсолютнаго), которымъ мы даемъ названія ощущенія, душевнаго волненія, мысли. Послѣднія, въ свою очередь могутъ снова, прямо или косвенно, преобразоваться въ первоначальныя формы. Что идея или чувство возникаетъ не иначе, какъ въ видѣ результата нѣкоторой физической силы, затраченной на ихъ произведеніе, это въ скоромъ времени станетъ общимъ мѣстомъ въ наукѣ, и всякій, кто взвѣситъ надлежащимъ образомъ доказательства, увидитъ, что непринятіе этого убѣжденія можно объяснить не инымъ чѣмъ, какъ только подавляющимъ предразсудкомъ въ пользу предвзятой теоріи ¹⁾».

¹⁾ Ученіе о единствѣ физическихъ силъ изложено нами по Спенсеру. Les premiers principes. Éd. S. Trad. p. Cazelles. 1888. p. 178. et. sq.

Прежде всего должно замѣтить, что философы, производящіе всю совокупность дѣйствующихъ въ природѣ силъ изъ силы механическаго движенія или изъ нѣкоторой непознаваемой въ существѣ физической силы (какъ Спенсеръ), рѣшительно злоупотребляютъ данными естествознанія и позволяютъ себѣ дѣлать выводы и обобщенія, на которые вовсе не уполномочиваетъ насъ наука въ лицѣ наиболее компетентныхъ защитниковъ ученія о единствѣ силъ природы, каковы напримѣръ, Фарадей, Гельмгольцъ, Секки. Законъ эквивалентности силъ у нихъ имѣетъ исключительное примѣненіе только къ области физическихъ силъ неорганической природы, и переносить его за предѣлы этой природы, значить, по ихъ мнѣнію, выходить за границы точной науки. Съ особенною рѣшительностію возстаетъ противъ такого злоупотребленія ученіемъ о единствѣ силъ природы Секки, голосъ котораго, какъ наиболее блестящаго защитника этого ученія, имѣетъ особенное значеніе. «Великое открытіе единства силъ природы», говоритъ онъ, «ужаснуло философовъ старыхъ школъ; они долго стояли въ недоумѣніи, принять ли имъ этотъ выводъ или отвергнуть. Но поелику основанія въ его пользу были неоспоримы, то рѣшились не только принять его, но нашлись между ними люди, которые вслѣдствіе нѣкотораго рода преувеличенной реакціи, перескочили гораздо дальше намѣченной цѣли и подобно необузданнымъ конямъ, понесли въ самыя ужасныя пропасти. Они захотѣли въ фактахъ единства силъ природы видѣть побѣду чистой матеріи надъ духомъ, —вообразили, что въ простыхъ естественныхъ силахъ открыли происхожденіе жизни, даже мысли. Они сочли себя вправѣ отказаться отъ первой Причины и смѣшали продуктъ машины съ самою машиною, точно также, какъ машину съ машинистомъ».

«Подлинная наука держится далеко отъ подобныхъ заблужденій. Руководимая здравымъ смысломъ, она никогда не позволяетъ себѣ уклоняться отъ прямой дороги. Она, конечно, достаточно взвѣсивши всѣ обстоятельства, воспользовалась этимъ открытіемъ для улучшенія физиологіи; но она строго отдѣлила то, что составляетъ простую функцію естественной

силы; отъ тѣхъ явленій, источникомъ которыхъ служить высшій принципъ; она не обращаетъ вниманія на тѣхъ, которые ищутъ мысли въ фосфорѣ или въ сокращеніяхъ нервныхъ волоконъ; она признаетъ необходимымъ для объясненія дѣятельности духа принять отличное отъ свойствъ неразумной матеріи начало, хотя и допускаетъ, что вещество доставляетъ органъ и механизмъ, посредствомъ котораго это начало обнаруживается во внѣ свои вещественныя, тѣлесныя функціи¹⁾.

Еще болѣе злоупотребляетъ матеріализмъ ученіемъ о единствѣ силъ природы, когда независимо отъ отождествленія органической и психической силы съ физическими, позволяетъ себѣ дѣлать общій выводъ въ пользу своего ученія и происхожденіе міра, почитая эту всеединую силу, лежащую въ основѣ физическихъ силъ, простымъ продуктомъ или свойствомъ матеріи. Такъ въ извѣстной книгѣ Секки: «Единство физическихъ силъ», не только не дается ни малѣйшаго повода къ такому выводу, но напротивъ, всѣ изслѣдованія ея автора ведутъ къ необходимому признанію высочайшей, духовной причины міра. Въ самомъ дѣлѣ, если физическія силы сводятся къ движенію, если движеніе не можетъ само собою возникать безъ предшествующаго движенія, то необходимо является вопросъ: откуда же произошло движеніе въ началѣ? Единственный правильный отвѣтъ на этотъ вопросъ, по мнѣнію Секки, открывается ищущему истины уму въ ученіи о Творцѣ міра. Творецъ, вызвавшій отъ небытія къ бытію вещество, сообщилъ ему и движеніе силою Своего всемогущества. Эту первоначальную истину Секки беретъ въ основаніе своихъ изслѣдованій, неоднократно говоритъ о ней въ своей книгѣ и съ особенною опредѣленностію выражаетъ ее въ окончательномъ заключеніи. «Энергія, сообщенная движенію первоначально Первымъ Движателемъ, сохраняется на основаніи

---

¹⁾ А. Secci. Die Grösse der Schöpfung. Übers v. c. Güttler. 1883. p. 12. 13. Болѣе подробный разборъ ученія тѣхъ философовъ (Спенсера и др.), которые на основаніи ученія о единствѣ силъ природы считаютъ и самую душу съ ея психическими явленіями результатомъ взаимоотношенія и превращенія этихъ силъ, принадлежатъ рациональной психологіи.

того же самаго принципа, который обезпечиваетъ сохраненіе матеріи. Если отъ насъ потребуютъ сказать, какимъ могуществомъ произведено первоначальное движеніе, то мы не колеблясь скажемъ: *Это могущество есть Богъ* ¹⁾.

Говоря о неправильности выводовъ матеріализма изъ ученія о единствѣ силъ природы, мы предположили полную научную состоятельность этаго ученія. Но таково ли оно на самомъ дѣлѣ? Что первые защитники этаго ученія, въ понятномъ увлеченіи новымъ открытіемъ старались дать ему возможно широкое примѣненіе и распространить его на всѣ дѣйствующія силы природы, это явленіе вполне естественное. Но болѣе внимательная критика не замедлила открыть въ этомъ ученіи многіе пробѣлы и слабыя стороны; она нашла, что дѣйствительно явленія движенія, свѣта и теплоты находятся между собою въ тѣснѣйшемъ соотношеніи и удачно объясняются закономъ эквивалентности этихъ силъ, но что другія силы природы далеко не могутъ быть сведены къ силѣ механическаго движенія; что существующіе факты связи различныхъ силъ природы именно указываютъ только на ихъ связь и взаимоотношеніе, но не доказываютъ еще ихъ тождества и дѣйствительнаго превращенія одной въ другую. ²⁾ Не входя здѣсь въ критику ученія о единствѣ силъ природы съ естествознавательной точки зрѣнія, ограничимся, имѣющимъ полное значеніе и для настоящаго времени, заключеніемъ Ульрици, къ которому привело его внимательное изученіе естествознавательныхъ гипотезъ о силахъ природы и ихъ соотношеніи. «Окончательный выводъ изъ изслѣдованія о физическихъ и химическихъ силахъ будетъ», говоритъ онъ, «такой: всѣ эти силы, начиная съ силы тяжести и *vis inertiae* и оканчивая магнетизмомъ и электричествомъ,— всѣ онѣ въ ихъ сущности еще совершенно не познаны. Естествознаніе только прослѣ-

¹⁾ Брош. Д. О. Голубинскаго: «Книга Секки: единство физическихъ силъ и тенденція Вятскаго изданія ея на русскомъ языкѣ». М. 1875. стр. 9, 10.

²⁾ Обстоятельный разборъ ученія о единствѣ силъ природы (преимущественно ученія Секки) можно найти у Преосв. Никанора въ его книгѣ: «Позитивная философія и сверхчувственное бытіе» 1886. Т. III. стр. 448—477. Ср. также Т. II 253—330.

дѣло множество различныхъ, по видимости, явленій до того, что имѣетъ право принимать ихъ за дѣйствія извѣстныхъ общихъ причинъ, т. е. извѣстныхъ силъ, одинаково дѣйствующихъ во всѣхъ областяхъ природы. Оно обозначило эти силы болѣе или менѣе приличными названіями: сопротивленія, инерціи или силы устойчивости, силы притяженія и отталкиванія, силы тяжести, упругости, силы сдѣвленія и прилипанія, химическаго сродства, свѣта, тепла, магнетизма и электричества. Судя по ихъ образу дѣйствія и по ихъ отношенію къ такъ называемому веществу, оно подвело ихъ подъ различныя родовыя понятія, сообразно съ этимъ установило также различіе между силами физическими и химическими, динамическими и механическими, молекулярными и силами массъ. Оно настолько узнало образъ ихъ дѣйствій, что могло опредѣлить хотя небольшое число законовъ, которое выражаетъ общую форму ихъ дѣйствія, т. е. при тѣхъ же условіяхъ, объясняютъ постоянно повторяющіяся, а при перемѣнѣ условій идущія рука объ руку свойства и величину ихъ дѣйствій. Наконецъ естествознаніе доказало, что различныя силы находятся въ опредѣленномъ взаимномъ отношеніи между собою, мѣра и пропорціональность котораго можетъ быть подведена подъ законъ и, благодаря которымъ, одна сила можетъ посредственно производить дѣйствія другой (законъ эквивалентности силъ). Но—все таки наука до сихъ поръ не въ состояніи удовлетворительнымъ образомъ опредѣлить ни понятія о силѣ вообще, ни отношенія ея къ такъ называемой матеріи. Всѣ сдѣланныя ею до сихъ поръ попытки—свести различныя силы на простыя элементарныя силы атомовъ (атомовъ тѣлъ и эфирныхъ), на силу притяженія и отталкиванія, или на другую какую-нибудь *единичную* основную силу,—эти попытки нужно считать неудачными. И до сихъ поръ приходится еще говорить только о *множествѣ силъ* ¹⁾.

1) Г. Ульрвигъ: «Богъ и природа». Т. I. Казань. 1867. стр. 145. Какъ шатко еще въ частностяхъ ученіе о единствѣ силъ, видно изъ того, что въ повѣйшее время извѣстными физиками отрицается значеніе тѣхъ фактовъ, которые недавно еще приводились какъ несомнѣнное доказательство превращенія одной силы въ другую. Такъ напр. Клаузіусъ, на основаніи научныхъ данныхъ, опровергаетъ воз-

заннымъ съ нею (имманентнымъ) принципомъ бытія. Съ другою, съ признаніемъ такой всеобщей первосилы, матеріализмъ принужденъ будетъ зайти въ такую область, которая совершенно чужда ему. Въ самомъ дѣлѣ, какъ понять такую силу природы, которая сама собою, по мѣрѣ необходимости, становится то силою движенія, то силою тяготѣнія, химическаго сродства, то свѣтомъ, то магнетизмомъ, которая является живою въ существахъ органическихъ, сознательною въ существахъ разумныхъ, которая въ силу этихъ чудесныхъ метаморфозъ, изъ инертной и безформенной матеріи производитъ весь міръ съ его разнообразіемъ, за тѣмъ жизнь, сознание, общественность, науку, религію? Такая необычайная сила будетъ только другимъ названіемъ для того начала, которое у философовъ именовалось иногда то творящею, пластическою силою природы, то душею міра, то божествомъ. Съ такою силою мы получимъ не матеріализмъ, а гилозозмъ или дуализмъ древнихъ философовъ. Міръ будетъ представляться намъ какъ цѣлое, условливаемое въ своемъ существованіи двумя принципами: матеріею и имманентною ей силою, —силою разумною, способною видоизмѣняться въ различныя силы природы и чрезъ то производить всѣ явленія міра.

в) Говоря о матеріи и имманентной ей силѣ, какъ принципахъ мірообразования, матеріалисты совершенно упускаютъ изъ виду третье, чрезвычайно важное космологическое понятіе, — *закона*, по которому дѣйствуютъ силы природы. Будемъ ли мы допускать нѣсколько различныхъ силъ въ природѣ или одну какую либо (напр. механическаго движенія) путемъ трансформации переходящую съ другія силы, во всякомъ случаѣ мы должны признать, что эти силы дѣйствуютъ по строгимъ, неизмѣннымъ законамъ, открытіе и изученіе которыхъ составляетъ главное дѣло естествознанія, предъ которымъ отступаютъ на задній планъ болѣе или менѣе общія и абстрактныя попытки опредѣлить сущность матеріи и силъ природы. Понятіе закона имѣетъ столь важное и неоспоримое значеніе, что какъ въ естествознаніи, такъ и въ философіи (Кюши, Фехнеръ и др.) встрѣчаются попытки совершенно замѣнить этимъ понятіемъ излишнее будто-бы представленіе о

силахъ природы и понять весь ходъ міровой жизни какъ движеніе матеріи по опредѣленнымъ законамъ, безъ посредства загадочныхъ силъ. Хотя подобное отождествленіе силы и закона едва ли можетъ быть допущено ¹⁾, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что сама ли матерія непосредственно, силы ли природы, движущія матеріи, подчинены опредѣленнымъ законамъ ихъ дѣйствія, — законамъ очень различнымъ, по различію силъ дѣйствующихъ и веществъ, въ которыхъ они дѣйствуютъ. Естествознаніе принимаетъ эти законы какъ данные, не пытаясь объяснить, откуда они произошли и почему они таковы, а не инаковы. Но отъ философіи, которая выставляетъ вопросъ о происхожденіи міра вообще, мы вправѣ требовать удовлетворительнаго для разума отвѣта на вопросъ о происхожденіи этихъ законовъ. Но можетъ ли дать такой отвѣтъ матеріалистическая философія? Можетъ ли она сказать, какъ и почему матерія дала себѣ такіе, а не иные спеціальныя законы своего обнаруженія? Возьмемъ напр. законъ тяготѣнія. Онъ состоитъ въ томъ, что сила притяженія дѣйствуетъ въ прямомъ отношеніи къ величинѣ массъ и въ обратномъ квадратовъ разстоянія. Но почему сила тяжести дѣйствуетъ именно такъ, и не иначе? Химія говоритъ, что столько то атомовъ или паевъ такого то вещества съ даннымъ количествомъ паевъ другаго вещества производятъ такое то тѣло. Но почему для химическаго соединенія нужно столько то паевъ, ни больше ни меньше, и почему это соединеніе образуетъ именно такое, а не другое тѣло, она сказать не можетъ. Очевидно, если не приписывать эти и подобныя явленія чистой случайности, то мы должны признать, какую то высшую матерію и физическихъ силъ, законоположную Силу, которая и начертала опредѣленные законы для дѣйствія силъ природы.

Непризнавая такой Силы и вмѣстѣ съ тѣмъ будучи не въ состояніи объяснить происхожденіе законовъ, дѣйствующихъ во вселенной, матеріализмъ думаетъ уклониться отъ рѣше-

¹⁾ О необходимости различать понятія *силы* и *закона* природы, см. Н. Ulrici, *Gott und Natur*. 1862. p. 36—42. Frohschammer, *Ueber die Aufgabe der Naturphilosophie* p. 181—185.

ніа этого вопроса простою ссылкой на *необходимость* этихъ законовъ. «Міръ», говоритъ Бюхнеръ, «не управляется кѣмъ либо, но движенія вещества повинуются совершенной, и въ нихъ самихъ основанной, натуральной необходимости» ¹⁾. «Вслѣдствіе неизмѣнности законовъ природы, существуетъ въ ней, простирающаяся до извѣстной степени (?) необходимость, которая не терпитъ никакого исключенія» ²⁾ Къ понятію необходимости, какъ къ послѣднему объясненію законовъ природы, обыкновенно прибѣгаютъ и другіе матеріалисты. Но очевидно, говоря о необходимости, всеобщности, неизмѣнности этихъ законовъ, матеріализмъ въ сущности утверждаетъ только существующій фактъ, но нисколько не объясняетъ причинъ этого факта. Что законы природы дѣйствуютъ съ недопускающею никакихъ исключеній (путемъ естественнымъ) необходимостью, это извѣстно каждому и никѣмъ не оспаривается. Но отъ чего происходитъ такая особенность этихъ законовъ? Если матеріализмъ полагаетъ, что въ самомъ понятіи необходимости заключается уже и отвѣтъ на этотъ вопросъ, то онъ нисколько не уходитъ дальше тѣхъ древнихъ философовъ, которые послѣднею причиною происхожденія міра и его законовъ, признавали неизбѣжный рокъ или судьбу, которая ничѣмъ не отличается отъ случая; потому что въ сущности совершенно одинаково, будемъ ли мы считать міръ дѣломъ слѣпаго случая или столь же слѣпой необходимости.

Матеріализмъ имѣлъ бы нѣкоторое право говорить о естественной необходимости, какъ источникѣ законовъ природы, лишь въ томъ случаѣ, еслибы онъ доказалъ, что эти законы вытекаютъ изъ самаго существа матеріи или какой либо физической силы, составляютъ неизбѣжное логическое слѣдствіе этихъ принциповъ. Но этого онъ не дѣлаетъ и сдѣлать не можетъ, потому что ни въ понятіи матеріи, ни въ понятіи силы не дано ни малѣйшаго указанія на то, что законы природы должны быть таковы, а не инаковы. Напротивъ, внима-

---

1) Kraft und Stoff. p. 5.

2) Kraft und Stoff. p. 101.

тельный анализъ существующихъ даже основныхъ законовъ природы приводитъ къ мысли, что въ самыхъ этихъ законахъ нѣтъ никакой «натуральной необходимости», по которой они неизбежно, подъ опасеніемъ логическаго противорѣчія, должны быть мыслимы именно такими, какъ они существуютъ. Если необходимымъ называютъ обыкновенно то, противоположное чему не мыслимо, то очевидно законы природы не обладаютъ такою необходимостію и въ этомъ отношеніи они могутъ быть названы случайными, то есть такими, вмѣсто которыхъ безъ противорѣчія разуму могли-бы быть мыслимы и иные законы существованія вещей ¹⁾.

Но если таковы законы природы, то причина, почему они существуютъ и притомъ въ той, а не въ иной формѣ, должна заключаться не въ нихъ самихъ, въ ихъ натуральной необходимости, но въ какой либо внѣ ихъ лежащей причинѣ, которая изъ возможно мыслимыхъ законовъ бытія вещей избрала и установила именно тѣ, а не иные законы. А такъ какъ эти законы, какъ показываетъ опытъ, вполне обезпечиваютъ существованіе того порядка вещей, какой мы видимъ, то очевидно, основаніемъ для выбора этихъ законовъ, цѣлію ихъ установленія, могло быть только осуществленіе идеи вселенной, какъ единого въ разнообразіи, стройнаго цѣлаго. Это прямо ведетъ къ мысли о свободной, разумной и всемогущей Причинѣ этихъ законовъ. Изъ понятія о такой Причинѣ естественно, вытекаетъ и *необходимость* этихъ законовъ, какъ наиболѣе, можно сказать единственно цѣлесообразныхъ для осуществленія и сохраненія міроваго строя, ибо высочайше разумная Сила необходи-

---

1) Само собою разумѣется, что называя законы природы *случайными*, мы употребляемъ это выраженіе въ логическомъ и метафизическомъ, а не объективномъ смыслѣ. Это выраженіе вовсе не значитъ того, чтобы законы природы возникли случайно, безъ всякаго основанія и причины, а лишь то, что они не имѣютъ абсолютно необходимаго бытія. Въ этомъ смыслѣ мы можемъ напр. вопреки детерминизму назвать акты свободной воли человѣка случайными, такъ какъ они не опредѣляются таковою необходимостію, но могли бы быть таковы и инаковы. Въ этомъ же смыслѣ космологическое доказательство бытія Божія называли иногда *argumentum a contingentia mundi*, хотя этимъ вовсе не утверждалось того, чтобы все въ мірѣ происходило по случаю.

мо должна была дать природѣ такого рода законы. Необходимость этихъ законовъ поэтому есть не натуральная, а идеальная или метафизическая; она объясняется не изъ понятій неразумной матеріи и силы, но изъ понятія высочайшаго Разума, дѣйствующаго по цѣли ¹⁾.

Въ понятіи идеальной необходимости законовъ природы заключается уже отвѣтъ и на то, повторяемое еще отъ времени Лейбница (Фонтенель) возраженіе, будто признавая эти законы по существу случайными и зависящими отъ воли Творца, мы тѣмъ самымъ уничтожаемъ понятіе объ ихъ всеобщности и неизмѣнности. Въ самомъ дѣлѣ, если послѣднимъ источникамъ законовъ природы служить воля Творца, то что ручается, что въ тѣхъ областяхъ вселенной, которыя не доступны нашему наблюденію, при томъ же матеріаль-

---

¹⁾ Мысль объ относительной случайности («безразличіи») законовъ природы и о необходимости для объясненія ихъ происхожденія признать существованіе высочайше разумнаго Виновника ихъ, съ особенною ясностью раскрыта Лейбницемъ,—главнымъ образомъ въ примѣненіи къ законамъ механическаго движенія. «Высочайшая мудрость Божія», говоритъ онъ, «преимущественно выразилась въ томъ, что Богъ избралъ законы движенія наилучшимъ образомъ приравновѣсненіе и наиболѣе соответствующіе причинамъ абстрактнымъ или метафизическимъ... И особенно удивительно то, что посредствомъ одного разсмотрѣнія причинъ дѣйствующихъ или матеріальныхъ нельзя дать отчета въ этихъ законахъ движенія, открытыхъ въ наше время, и часть которыхъ открыта мною самимъ. Я нашелъ, что для объясненія ихъ должно прибѣгнуть къ причинамъ конечнымъ и что эти законы не зависятъ отъ начала необходимости,... но отъ начала приличія или соответствія цѣли (*du principe de la convenance*), какъ отъ выбора мудрости. И это служитъ однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ и самыхъ ощутительныхъ доказательствъ бытія Божія для тѣхъ, кои способны углубляться въ эти предметы» (*Principes de la nature et de la grace*. p. II. Op. L. edit. Dutens). И въ другомъ мѣстѣ: «Я, конечно, соглашаюсь, что всѣ частныя явленія природы могутъ быть изъясняемы по законамъ механики, если онѣ достаточно изслѣдованы и что иначе нельзя понять причинъ вещей матеріальныхъ. Но я снова и снова утверждаю то, что самыя механическія начала и всеобщіе законы природы должны происходить (*nasci*) изъ высшихъ началъ и не могутъ быть изъяснены изъ разсмотрѣнія одного количества или понятій геометрическихъ; что напротивъ въ нихъ заключается нѣчто метафизическое... Сила дѣйствія, присущая матеріи, «имѣетъ свои законы, выводимые не изъ принциповъ грубой (*brutae*) необходимости, но изъ принципа совершеннаго разума». (*Animadv od. Cartesium* p. 64). Другія, сходныя по содержанію мѣста, собраны у Жана, въ его: «*Les causes finales* 1876». p. 647—651.

номъ составѣ тѣлѣ, не дѣйствуютъ иныя законы, не похожіе на наши? Но что важнѣе—можемъ ли мы ручаться при этомъ условіи за неизмѣнность этихъ законовъ, даже въ сферѣ бытія намъ доступнаго? Волею Творца они могутъ быть ежеминутно измѣнены, дѣйствіе ихъ приостановлено, могутъ совершаться явленія, имъ не подчиненныя. Но при такомъ понятіи о міровыхъ законахъ возможно ли будетъ какое бы то ни было точное научное познаніе ихъ, которое все и вполнѣ держится на мысли объ ихъ всеобщности и неизмѣнности?

Но очевидно, что въ волѣ Творца заключается несравненно больше гарантіи всеобщности и неизмѣнности законовъ природы, чѣмъ въ признаніи ихъ случайнымъ продуктомъ матеріи и слѣпо дѣйствующихъ ея силъ. Въ самомъ дѣлѣ, если источникомъ этихъ законовъ служить высочайшій Разумъ, то уже въ самомъ понятіи такого Разума содержится и та мысль, что эти законы будутъ такъ цѣлесообразны и совершенны, что для иныхъ какихъ либо, дѣйствующихъ въ другихъ частяхъ вселенной, не будетъ нужды ¹⁾. Точно также изъ понятія о высочайшемъ Разумѣ вытекаетъ и мысль объ ихъ неизмѣнности (необходимости), потому что служило бы признакомъ несовершенства и ограниченности этого разума, если бы законы имъ начертанные были неустойчивы, подвергались бы перемѣнамъ и поправкамъ, какъ оказавшіеся на дѣлѣ недостаточными. Поэтому наука въ высочайше разумной и неизмѣнной волѣ Творца можетъ найти полное метафизическое оправданіе для той всеобщности и неизмѣнности законовъ природы, къ индуктивному предположенію которой приводитъ ее наблюденіе надъ фактической ихъ неизмѣнностью въ тѣхъ предѣлахъ времени и пространства, какіе доступны этому наблюденію. Правда, эта неизмѣнность касается только естественнаго теченія вещей въ мірѣ. Какъ скоро источникомъ законовъ, нынѣ дѣйствующихъ во вселенной признается воля Творца, но не исключается совершенно абстрактная воз-

¹⁾ Впрочемъ въ самой наукѣ не единогласно еще рѣшается вопросъ, дѣйствующіе въ нашей солнечной системѣ законы (напр. законъ тяготѣнія) простираются ли и на тѣ области вселенной, которыя лежатъ и за предѣлами ея и нѣтъ ли тамъ иныхъ законовъ, условливаемыхъ какимъ-либо особеннымъ строеніемъ матеріи.

возможность измененія этихъ законовъ тою же волей, и осуществленіе этой возможности въ тѣхъ сверхъестественныхъ дѣйствіяхъ этой воли, которыя мы называемъ чудесами. Возможность такихъ дѣйствій въ сущности и есть сокровенная причина, почему не только матеріализмъ, но и состоящее подъ его вліяніемъ естествознаніе съ такимъ упорствомъ старается устранить мысль о верховномъ Законодателѣ природы и предпочитаетъ искать ручательства неизмѣнности ея законовъ, или въ естественной необходимости, или въ свойствахъ самой матеріи. Но не касаясь здѣсь вопроса о возможности или невозможности дѣйствій Промысла, называемыхъ чудесами, замѣтимъ только, что состоятельность и твердость научнаго знанія нисколько не можетъ колебаться отъ того, что будутъ допущены нѣкоторые случаи сверхъестественнаго нарушенія законовъ природы. Наука имѣетъ въ виду естественный, а не сверхъестественный порядокъ вещей въ мірѣ,—и для этого обычнаго порядка законы природы дѣйствительно всеобщы, неизмѣнны, необходимы. Частныя же и сравнительно немногочисленныя исключенія изъ этихъ законовъ для науки могутъ имѣть значенія не больше того, какъ, на примѣръ, въ грамматикѣ исключенія изъ общаго правила, которыя не уничтожаютъ силы этого правила. Состоятельность нашего познанія о природѣ нисколько не пострадаетъ отъ того, что среди естественныхъ явленій, совершающихся по неизмѣннымъ законамъ природы, встрѣтятся нѣкоторыя изъ нихъ необъяснимыя и свойства которыхъ указываютъ на высшую, сверхъестественную причину. Существованіе такихъ явленій будетъ служить лишь болѣе явнымъ доказательствомъ того, что жизнь міра подчинена не однимъ только естественнымъ законамъ, но и высшему закону божественнаго міроуправленія, при чемъ перваго рода законы могутъ подчиняться послѣднимъ для высшихъ цѣлей ¹⁾.

Такимъ образомъ самое существованіе законовъ природы, ихъ всеобщность и необходимость для естественнаго теченія вещей, рѣшительно опровергаютъ матеріалистическое ученіе

1) Объ этомъ предметѣ см. нашу статью: «О промыслѣ», въ Приб. къ изданію твореній св. отцовъ 1871. Томъ XXIV, стр. 38—64.

о происхожденіи міра. Совершенно немислимо и невѣроятно, чтобы безчисленное множество самостоятельныхъ и отдѣленныхъ другъ отъ друга атомовъ могло само собою образовать какой-либо общій законъ для своего движенія и взаимодѣйствія. Трудность еще болѣе увеличивается, когда обратимъ вниманіе на то, что дѣйствительный порядокъ вещей зависитъ не отъ одного какого-либо единичнаго, общаго закона, (напр. закона тяготѣнія), но отъ многихъ, первоначально различныхъ, свести которые къ единству или вывести изъ какого-либо одного принципіальнаго закона и не пытается наука, подобно тому, какъ она пытается свести разнообразіе силъ природы къ одной первоначальной. Потому что, даже допуская объединеніе всѣхъ силъ природы въ одной первоначальной, мы нисколько не объяснимъ еще отсюда происхожденія спеціальныхъ законовъ, по которымъ дѣйствуетъ эта сила при дальнѣйшемъ своемъ видоизмѣненіи и переходѣ въ другія силы. Если вспомнимъ при этомъ, что многоразличные законы природы вполне согласованы между собою для достиженія единой цѣли, — сохраненія даннаго строя и единства вселенной, что понятіе единства и гармоніи міра вовсе не вытекаетъ ни изъ понятія о матеріи, ни изъ понятія каждой физической силы въ отдѣльности, то должны будемъ придти къ заключенію, что причина этого явленія должна заключаться не въ самомъ мірѣ, а внѣ его, въ какой-либо единой и разумной Силѣ, все расположившей мѣрою, числомъ и вѣсомъ (Прем. 11, 21), по одному плану. Законы природы предполагаютъ Законодателя; ихъ цѣлесообразность и гармоническая связь — Художника и Творца міра. Между тѣмъ, по ученію матеріализма, отрицающаго этого Законодателя и Художника, но въ то же время признающаго законосообразность міра, вопреки здравому смыслу выходитъ, что міръ есть какая то фантастическая машина, находящаяся въ вѣчномъ движеніи безъ начала и конца, машина, которая къ тому же изобрѣла сама себя, сама себя привела въ движеніе, и сама же установила законы этого движенія.

В. Кудрявцевъ-Платоновъ.

О БЛАГОДѢЯНІЯХЪ

(«De Beneficiis»).

Л. Аннея Сенеки къ Эбуцію Либералію.

(Продолженіе *).

КНИГА V

Глава 6.

Царь Александръ Македонскій имѣлъ обыкновеніе хвалиться, что онъ никѣмъ не былъ побѣжденъ въ благодѣяніяхъ. Этотъ высокомерный человѣкъ не обращалъ вниманія на Македонянъ, Грековъ, Карійцевъ, Персовъ и народы, покоренные безъ (помощи) войска ¹⁾; онъ не думалъ о томъ, что они доставили ему царство, простиравшееся отъ угла Фракіи до берега неизвѣстнаго моря! Тѣмъ же самымъ могъ хвалиться и Сократъ, и Діогенъ, которымъ тотъ (Александръ), во всякомъ случаѣ, былъ побѣжденъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не былъ онъ побѣжденъ въ тотъ день, когда, возносясь выше мѣры человѣческой гордости, увидалъ одного человѣка, которому ничего не могъ дать и у котораго ничего не могъ отнять? ²⁾—Царь

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1890 г. № 21.

1) «Безъ войска» — «*sine exercitu*», т. е. при помощи одного страха и славы своихъ воинскихъ подвиговъ. Липсіусъ предлагаетъ чтеніе: „*suo exercitu*“; Гроновій: *nationes, descriptas in exercitu*“. По мнѣнію Рихкорта данное мѣсто не требуетъ никакой поправки въ чтеніи. Мысль этого мѣста довольно ясна. Гордый Александръ не хотѣлъ знать того, что перечисленные народы доставили ему громадное царство, подъявшись силѣ его оружія или будучи привлечены его славой и тѣмъ ужасомъ, который онъ внушалъ, и, такимъ образомъ, какъ бы оказали ему благодѣяніе.

2) Здѣсь имѣется въ виду извѣстный философъ—циникъ Діогенъ. Основные принципы Стоической морали, какъ мы знаемъ, были заимствованы у Цинической

Архелай ¹⁾ просилъ Сократа придти къ себѣ. Сократъ, какъ передаютъ, сказалъ, что не желаетъ идти къ тому, отъ котораго сталъ бы принимать благодареніе, не имѣя возможности воздать ему равныхъ.

Но, во-первыхъ въ его собственной власти было не принимать; затѣмъ (въ случаѣ прихода) онъ самъ первымъ началъ бы оказывать благодаренія, такъ какъ пришелъ бы по просьбѣ и даровалъ (такимъ образомъ) то, чего тотъ (Архелай), во всякомъ случаѣ, не могъ воздать Сократу. Далѣе,—Архелай намѣренъ былъ дать золота и серебра и въ отвѣтъ (имѣлъ) получить презрѣніе къ золоту и серебру. Итакъ ужели Сократъ не могъ воздать благодарности Архелаю?

И что бы такое могъ онъ (Сократъ) получить равнаго тому, что давалъ самъ, еслибы показалъ (въ лицѣ своемъ) человѣка, опытнаго въ (познаніи о) жизни и смерти, обладающаго (вѣдѣніемъ) цѣлей той и другой; еслибы далъ возможность царю, (слѣпо) блуждавшему среди свѣта ²⁾, познать природу вещей, относительно которой тотъ до такой степени былъ не свѣдущимъ, что въ тотъ день, когда было затмѣніе солнца, онъ заперъ дворецъ и остригъ своего сына,—что было въ обычаѣ дѣлать во время скорби и несчастія? ³⁾

школы. Презрѣніе къ матеріальнымъ благамъ, равнодушное отношеніе ко всему, что не принадлежало ко внутреннему, духовному міру человѣка, составляло, между прочимъ, однородную характерную черту какъ Цинической, такъ и Стоической морали. Отсюда понятно, почему наиболѣе замѣчательные представители Цинической школы, Антисѣенъ, Діогенъ и др., пользовались высокимъ уваженіемъ Стоиковъ и ставились ими въ примѣръ. Сенека въ особенности восхищается Діогеномъ: его образомъ жизни, его истинно философскимъ отношеніемъ ко всему внѣшнему, безразличному для духовной жизни человѣка (*ἀδιάφορα*). Ср. *De tranq. ani.* III 8, 4; *Ep.*: 90, 14 и много другихъ мѣстъ.

¹⁾ *Архелай*, сынъ Пердикки II, царя Македонскаго, вступилъ на престолъ отца въ 413 году до Р. X.—Въ послѣдній періодъ Пелопонезской войны онъ былъ другомъ Аѳинявъ. Покровительствомъ распространенію греческихъ правовъ и греческаго образованія, проложешемъ дорогъ и основаніемъ городовъ, онъ оказалъ большія услуги своему государству. При дворѣ его жили такіе представители греческой цивилизаціи, какъ Еврипидъ, Зевксисъ и др. Скончался онъ въ 399 году, т. е. въ тотъ же годъ, когда скончался Сократъ. (*Diód Sic.* XIV, 37). Относительно презрѣнія Сократа къ приглашеніямъ и подаркамъ знатныхъ людей и между прочимъ, Архелая Македонскаго—кратко упоминаетъ Діогенъ Лаэрт. II, 25; Аристотель *Rhet* II, 23 и друг.

²⁾ Здѣсь разумѣется то просвѣщеніе, которое уже распространилось почти по всей Греціи и, тѣмъ не менѣе, еще не коснулось Архелая.

³⁾ Стриженіе волосъ въ знакъ печали было въ обычаѣ у Грековъ, но не у

Какое благодѣяніе оказалъ бы онъ (Сократъ), если бы извлекъ испуганнаго человѣка изъ его темноты и убѣдилъ сохранять бодрость духа, говоря: «это не ущербъ солнца, но сближеніе двухъ свѣтилъ, когда луна, совершая свое теченіе ниже (солнца), помѣстила свой дискъ подъ самымъ солнцемъ и закрыла это послѣднее положеніемъ (своего тѣла). Она закрываетъ то малую часть его, если задѣла слегка, то закрываетъ бѣльшее пространство, — если противопоставила бѣльшую часть свою, то совершенно не даетъ возможности его видѣть, если стала прямо по срединѣ между небомъ и землею!»

«Но эти свѣтила разойдутся въ разныя стороны благодаря своей быстротѣ, на землѣ снова будетъ день, и такой порядокъ пойдетъ на вѣчныя времена, въ которыхъ есть опредѣленные, извѣстные дни. когда солнце, вслѣдствіе прохожденія луны, лишается возможности посылать всѣ свои лучи (сполна)».

«Подожди немного: вотъ оно выплыветъ. вотъ оно покинетъ это, какъ бы облако, вотъ, освободившись отъ препятствій, оно свободно станетъ посылать свѣтъ свой!»

Ужели Сократъ не могъ бы воздать Архелая соотвѣтственной благодарности даже и въ томъ случаѣ, еслибы научилъ его царствовать?

Не важное же благодѣяніе, значить, получилъ бы (Архелай) отъ Сократа, еслибы имѣлъ возможность что-нибудь даровать Сократу!

Итакъ, — зачѣмъ же Сократъ сказалъ это?

Какъ человѣкъ остроумный, рѣчь котораго, обыкновенно, была образною, смѣявшійся надъ свѣми, — особенно надъ людьми сильными, онъ предпочелъ отказать лучше съ насмѣшкою чѣмъ съ обидою и презрѣніемъ. Онъ сказалъ, что не желаетъ принимать благодѣянія отъ того, кому не можетъ воздать равнаго: быть можетъ онъ боялся оказаться вынужденнымъ принять то, чего не желалъ, боялся принять что-нибудь недостойное Сократа.

Ктонибудь скажетъ: «онъ бы отказалъ, если не хотѣлъ».

Но (въ такомъ случаѣ) онъ раздражилъ бы противъ себя высокоумнаго государя, который желалъ, чтобы все, принад-

---

Римлянъ (Suet. Calig. 5) Откуда взять этотъ разсказъ про Архелая, неизвѣстно. Ruhkopf.

лежащее ему, цѣнилось высоко. Все равно—не желаешь ты дать чего-нибудь царю или принять отъ него: и на тотъ, и на другой отказъ онъ смотритъ одинаково. Для гордаго человѣка—обиднѣе подвергаться униженію, чѣмъ не внушать страха.

Ты хочешь знать, чего дѣйствительно не хотѣлось Сократу?

На вольное рабство не хотѣлось идти тому, чьей свободы не могло сносить свободное государство! ¹⁾

Глава 7.

Я полагаю, что мы достаточно рассуждали относительно той стороны предмета, (гдѣ рѣшается вопросъ:) позорно ли быть побѣждаемымъ благодѣянiями? Кто занимается изслѣдованіемъ этого вопроса, тотъ знаетъ, что люди не имѣютъ обыкновенiя дѣлать самимъ себѣ добра, такъ какъ (въ противномъ случаѣ)—было бы очевидно доказано, что нѣтъ стыда быть побѣждаемымъ самимъ собою. Тѣмъ не менѣе у нѣкоторыхъ стойковъ ²⁾ идетъ споръ и о томъ, можетъ ли кто-нибудь самому себѣ оказывать благодѣяніе? Слѣдуетъ ли самому себѣ дѣлать воздаяніе за него?

Чтобы этотъ вопросъ казался заслуживающимъ надлежащаго обсужденiя, они поставили дѣло такимъ образомъ: мы имѣемъ обыкновеніе.--указываютъ они,—говорить: «я приношу благодарность самому себѣ»; я ни на кого не могу жаловаться, какъ только на самого себя»;— «я негодую на себя» и: «я предамъ себя наказанію»;— «я ненавижу себя» и много, сверхъ этого, подобнаго же рода выраженiй, въ которыхъ каждый говоритъ о себѣ, какъ о другомъ лицѣ. «Но если,—говорятъ они,—я могу себѣ вредить, то почему не могу оказывать себѣ и благодѣянiя?»

«Кромѣ того—почему, если я оказалъ что-нибудь другому,—это называется благодѣянiемъ, а если самому себѣ,—нѣтъ; почему, если я получилъ отъ другаго, то бываю долженъ, а если далъ самому себѣ, то—нѣтъ? Почему я бываю въ отношенiи къ себѣ неблагодарнымъ,—что не менѣе постыдно, чѣмъ

¹⁾ Разумѣется—свободы въ обличенiи и порицанiи, за которую Сократъ платился жизнью.

²⁾ Неизвѣстно, кто были эти Стойки и въ какихъ сочиненiяхъ приводились такіе разсужденiя.—Ruhkopf.

быть въ отношеніи къ себѣ скупымъ, суровымъ, жестокимъ и небрежно относящимся? Торгующій чужимъ тѣломъ пользуется такою же дурною славою, какъ и торгующій своимъ собственнымъ. Вѣдь льстецъ и потакающій чужимъ словамъ, панегиристъ, готовый лгать,—подвергается порицанію; не менѣе подвергается порицанію и самоугодникъ, и себялюбецъ, и человѣкъ, такъ сказать, льстящій самому себѣ. Пороки ненавистны не только тогда, когда въ нихъ заключается грѣхъ въ отношеніи къ другимъ (foris), но и тогда, когда они направляются на самого себя. На кого станешь болѣе дивиться, какъ не на того, кто повелѣваетъ самимъ собою, кто самого себя держитъ въ подчиненіи. Легче управлять варварскими народами, не терпящими чужой власти, чѣмъ обуздывать и предавать во власть себѣ свою душу¹⁾.

Платонъ,—говорять,—благодарить Сократа за то, что научился отъ него: почему же Сократу не благодарить себя за то, что онъ самъ научилъ себя?—М. Катонъ говоритъ: «чего у тебя не хватаетъ, занимай у самого себя».—Почему же я не могу дарить себѣ, если могу давать себѣ въ долгъ? Есть безчисленное множество случаевъ, когда обычная рѣчь раздѣляетъ насъ (*ни два лица*).—Мы имѣемъ обыкновеніе говорить: «позволь, я поговорю съ собою» и: «я подержаю себя (для памяти) за ухо»²⁾.

1) Подобнаго рода мысли весьма часто встрѣчаются у древнихъ. Такъ еще въ Иліадѣ Одиссей говоритъ Пеллду:

«Другъ! не тебѣ ли родитель, Пелей заповѣдывалъ старецъ,
Въ день, какъ изъ Фтии тебя послалъ къ Атрееву сыну?
«Доблесть, мой сынъ, даровать и Аониа и Гера богиня
«Могутъ, когда соизволятъ; но ты лишь въ персяхъ горячихъ
«Гордую душу обуздавай; кротость любезная лучше»....
«Такъ заповѣдывалъ старецъ.

(Ил. п. XI. 252—259).

Ср. также *Horat. Serm. II, 7. 83.*

У Стоииковъ—самообладаніе (*σωφροσύνη*) было возведено на степень одной изъ главныхъ добродѣтелей еще Зенономъ (*Plut. virt. mor. c. 2*). Добродѣтель эта опредѣлялась ими, какъ знаніе того, что надобно избирать, чего избѣгать и къ чему относиться безразлично (*Stob. 202*). Подавленіе аффектовъ, т. е. движеній души, выходящихъ изъ разумныхъ предѣловъ, должно было составлять важнѣйшую задачу Стоическаго мудреца. (См. «Вѣра и Разумъ» 1890 г. Филос. отд. стр. 388, примѣч. 2-е).

2) Обычный юридическій терминъ.

Если это вѣрно, то подобно тому, какъ надобно бываетъ на себя гнѣваться, такъ надобно бываетъ и воздавать себѣ благодарность; какъ можно бываетъ порицать себя, такъ и хвалить, какъ быть себѣ въ ущербъ, такъ и въ пользу.

Обида и благодареніе—противоположны. Если мы о комънибудь говоримъ: «онъ причинилъ себѣ обиду», то будемъ имѣть возможность и говорить: «онъ оказалъ себѣ благодареніе».

Глава 8.

Естественно ли человѣку быть въ долгу у самого себя? Естественно прежде всего то, чтобы ктонибудь былъ должникомъ, за тѣмъ,—чтобы (этотъ должникъ) совершалъ уплату; но должника не бываетъ безъ кредитора, точно также какъ мужа безъ жены, или отца безъ сына. Ктонибудь одинъ долженъ давать, чтобы другой принималъ: переложить изъ лѣвой руки въ правую—не значитъ ни давать, ни принимать.

Подобно тому, какъ никто не носитъ себя, хотя бы двигалъ и переносилъ свое тѣло; подобно тому, какъ ни о комъ не говорятъ, что онъ помогъ себѣ, ¹⁾ хотя бы и произнесъ за себя рѣчь:—я никто не воздвигаетъ самому себѣ статуи ²⁾ какъ своему патрону; подобно тому, какъ больной, выздоровѣвшій, благодаря своему собственному попеченію, не требуетъ отъ себя награды;—такъ и во всякомъ дѣлѣ: человѣкъ не бываетъ обязанъ дѣлать самому себѣ воздаянія даже и въ томъ случаѣ, когда принесъ какую-нибудь пользу, не обязанъ потому, что не будетъ имѣть лица, которому бы могъ сдѣлать это воздаяніе.

1) «*Affuisse*»—судебный терминъ—защищать кого-нибудь въ качествѣ патрона или адвоката. Въ республиканскія времена адвокатами называли въ Римѣ тѣхъ лицъ, которыхъ та или другая изъ тяжущихся сторонъ, приглашала себѣ на помощь, и которые не только дома подавали совѣты, но являлись и въ судъ, чтобы своимъ присутствіемъ придать большій вѣсъ притязаніямъ той стороны за которую они стояли. Совершенно отличны отъ нихъ были патроны,—судебные ораторы. Во времена императоровъ различіе между адвокатами и патронами совершенно исчезло. (Словарь Любкера, стр. 20). Патронами также назывались богатые и знатныя лица въ отношеніи въ покровительствуемымъ ими людямъ—кліентамъ. Между патронами и кліентами въ нѣкоторыхъ случаяхъ существовали особая, строго формулированная закономъ, отношенія, нарушеніе которыхъ наказывалось «*sacratione capitis*». Такой патронъ долженъ былъ, между прочимъ, защищать своего кліента и давать ему совѣтъ въ судебныхъ дѣлахъ.

2) Подобнаго рода статуи, по замѣчанію Липсіуса, нерѣдко ставили своимъ патронамъ въ кліенты и вольноотпущенники.

Положимъ, я соглашусь, что кто нибудь оказываетъ самому себѣ благодѣяніе,—но вѣдь когда оказываетъ, онъ въ то же время и принимаетъ его обратно; соглашусь, что кто нибудь принимаетъ отъ самого себя благодѣяніе, но, вѣдь, въ то же время, когда принимаетъ, онъ и воздаетъ его. Въ этомъ случаѣ засмъ ¹⁾ совершается, что называется, дома, и названіе (дѣйствующаго лица) изъ одного немедленно переходитъ въ другое, какъ въ игрѣ, ²⁾ потому что даетъ не какое нибудь другое лицо, отличное отъ того, которое принимаетъ, а одно и то же. Выраженіе «быть должнымъ» нигдѣ не можетъ имѣть мѣста, какъ только въ отношеніяхъ между двумя лицами: какимъ же образомъ оно можетъ прилагаться къ одному лицу, которое, обязывая самого себя, въ то же время освобождаетъ себя отъ обязательства?

Какъ въ кругѣ и шарѣ нѣтъ ни низа, ни верха, ни конца, ни начала, потому что порядокъ расположенія измѣняется вслѣдствіе движенія, и слѣдовавшее послѣ становится на первое мѣсто, а приходившее къ концу, — снова получаетъ начало, и все, какъ бы ни шло, возвращается къ одному и тому же; такъ, самъ посуди, бываетъ и въ человѣкѣ: хотя бы ты сталъ измѣнять его въ многоразличныя лица, онъ, тѣмъ не менѣе, остается однимъ.

Онъ порѣзалъ себя: нѣтъ лица, противъ кого бы сталъ вести процессъ за нанесеніе обиды. Онъ связалъ и заключилъ себя: его не задерживаютъ за причиненіе насилія. Онъ оказалъ себѣ благодѣяніе, но одновременно и возвратилъ его дающему.

Относительно природы говорятъ, что она ничего не теряетъ, такъ какъ все, что у нея берется, къ ней же и возвращается, и ничего въ ней не можетъ погибнуть, потому что не имѣетъ мѣста, куда упасть, но возвращается туда же, откуда вышло ³⁾.

1) «*Versura*» — оборотъ, состоящій въ перемѣнѣ кредиторомъ и должникомъ процентовъ. *Ruhkopf*.

2) Т. е. подобно тому, какъ напр. въ игрѣ въ мячъ — посылающій его тотчасъ же становится принимающимъ, и обратно.

3) Стойки, какъ извѣстно, учили, что сумма матеріи, какъ цѣлаго, остается неизмѣнною. Она не уменьшается и не увеличивается. Матерія прибываетъ или убываетъ только въ отдѣльныхъ вещахъ. «Все только измѣняется, но не уничтожается» (Sen. ep. 36, 10). Послѣ того, какъ настоящій міръ перестанетъ существовать,

«Что сходнаго, говорятъ, имѣеть этотъ примѣръ съ предложеннымъ нами вопросомъ?».

Скажу. Представь себѣ, что ты не благодаренъ (раз. въ отношеніи къ самому себѣ): благодареніе не пропадетъ:—оно у того, кто оказалъ его. Представь, что ты не желаешь принять его обратно: оно у тебя находится прежде, чѣмъ тебѣ его возвращаютъ. Ты ничего не можешь потерять, такъ какъ отнимаемое у тебя тебѣ же и достается. Въ тебѣ совершается круговое движеніе: получая, ты даешь; давая,—получаешь.

Глава 9.

«Надлежитъ, говорятъ, оказывать себѣ благодаренія, — слѣдовательно надлежитъ и дѣлать за нихъ воздаяніе».

Ложно первое положеніе, отъ котораго зависитъ послѣдующее, потому что никто не оказываетъ самому себѣ благодаренія, но повинуется своей природѣ, создавшей его склоннымъ любить себя, вслѣдствіе чего онъ и заботится всего болѣе избѣгать вреднаго и стремиться къ полезному¹⁾. Такимъ образомъ не щедръ тотъ, кто даритъ самому себѣ, не кротокъ тотъ, кто себѣ прощаетъ, не милосердъ, кого трогаютъ его собственные бѣды: что оказывать другимъ считается щедростью, кротостию, милосердіемъ,—то оказывать самому себѣ есть потребность природы. Благодареніе—дѣло добровольное, а самопомощь—необходимое. Чѣмъ болѣе кто сдѣлалъ благодарній, тѣмъ болѣе благодарѣтельнымъ тотъ признается: но кого хвалили когда нибудь за то, что онъ помогъ самому себѣ,

все обратится въ первосущность всѣхъ вещей—«огневидный эфиръ», изъ котораго по истеченіи нѣкотораго времени произойдутъ снова тѣже самые предметы и лица, какіе существовали въ предшествующемъ мірѣ и т. д. до безконечности. (Zeller Philos. d. Griech. III, S. 155).

¹⁾ Указаніе на то, что самое первое, врожденное каждому живому существу, стремленіе (*prima naturae*) направлено къ его самосохраненію и самозащитѣ, играло очень важную роль въ этической доктринѣ Стоиковъ. (Diog. Laert. VII, 85; Cic. De offic. 1, 4 и др.). Отсюда непосредственно выводилось, что каждое существо, по природѣ своей, стремится къ тому, что сообразно съ его натурою (Cic. Tin. III, 5, 17, 6, 20) и что, слѣдовательно, высшее благо и высшая цѣль или счастье можетъ заключаться только въ жизни, сообразной съ природою (Stob. II, 134, 138 и др.). Но для сознательно разумнаго существа, каковъ человѣкъ, сообразною съ природою дѣятельностию можетъ быть только та, которая будетъ исходить изъ познанія законовъ природы и своего собственного существа, какъ части этой природы, міроваго разума. (Stob. 134 и др.). Такъ обосновывалось Стоическое ученіе о высшемъ принципѣ человѣческой дѣятельности.

—за то, что избавилъ самаго себя отъ разбойниковъ? Никто не оказываетъ самому себѣ благодареній, точно также какъ и гостепріимства; никто не даетъ себѣ даровъ, точно также какъ и не вѣрить въ долгъ.

Если каждый человѣкъ, оказываетъ самому себѣ благодаренія, то оказываетъ ихъ постоянно, неопустительно, — ему нельзя и перечислить своихъ благодареній. Когда же, слѣдовательно, онъ можетъ дѣлать воздаяніе, если чрезъ то самое, что воздаетъ, онъ уже оказываетъ благодареніе? Какимъ же образомъ онъ будетъ въ состояніи различать: оказываетъ ли самому себѣ благодареніе или возвращаетъ его, какъ скоро дѣло дѣлается внутри одного и того же человѣка?

Я избавилъ себя отъ опасности, т. е. оказалъ себѣ благодареніе; избавляю себя отъ опасности въ другой разъ: спрашивается, — оказываю ли я этимъ благодареніе или воздаю его?

Затѣмъ, — допустимъ, я соглашусь съ первымъ положеніемъ, именно, что мы оказываемъ себѣ благодаренія, но что выводятъ изъ этого, съ тѣмъ не соглашусь, такъ какъ мы хотя и даемъ самимъ себѣ, но, тѣмъ не менѣе, въ долгу не бываемъ. Почему? Потому что одновременно принимаемъ благодареніе обратно. Вѣдь сначала надобно бываетъ принять благодареніе, затѣмъ, — сознавать долгъ, потомъ, — возвращать его: но (въ настоящемъ случаѣ) для долга нѣтъ никакого мѣста, такъ какъ мы безо всякаго промедленія получаемъ его.

Всякій даетъ — только другому лицу, бываетъ долженъ — также другому лицу, возвращаетъ назадъ — другому; того, что столько разъ требуетъ взаимоотношенія двухъ лицъ, не можетъ совершаться внутри одного человѣка.

Глава 10.

Благодареніе заключается въ томъ, чтобы доставить что-нибудь на пользу. Но слово: «доставить» ¹⁾ имѣетъ въ виду другихъ. Не безумнымъ ли покажется тотъ, кто станетъ говорить, что продалъ что нибудь самому себѣ, коль скоро продажа заключается въ отчужденіи и перенесеніи своей собственной вещи и своего права на нее къ другому лицу? — Но

¹⁾ *Praestitisse* отъ *praestare*, глагола, употреблявшагося въ юридическомъ языкѣ относительно поручительства, договоровъ и прочихъ дѣйствій, предполагающихъ известное отношеніе къ другому лицу.

вѣдь какъ продавать, такъ и давать что нибудь значить удалять отъ себя и передавать во владѣнiе другому лицу то, чѣмъ обладалъ самъ: если это такъ, то никто не оказывалъ самому себѣ благодѣянiя, потому что никто не дѣлаетъ даянiй самому себѣ: въ противномъ случаѣ соединяются въ одно двѣ противоположности, такъ что давать и принимать становится однимъ и тѣмъ-же.

Далѣе, — существуетъ большая разница между даянiемъ и принятiемъ. Развѣ это не такъ, коль скоро слова эти выражаютъ противоположныя понятiя?

Напротивъ, — если кто нибудь оказываетъ самому себѣ благодѣянiе, то нѣтъ (значить) никакого различiя между даянiемъ и принятiемъ.

Немного ранѣе я говорилъ, что иныя понятiя употребляются для обозначенiя нашихъ отношенiй къ другимъ и образованы такимъ образомъ, что все значенiе ихъ указываетъ на удаленiе отъ насъ. Я братъ, — но братъ другого, потому-что никто не бываетъ своимъ собственнымъ братомъ. Я равенъ, но равенъ другому, потому-что кто же бываетъ равенъ самому себѣ? Чтò подвергается сравненiю, то не можетъ быть мыслимо безъ другаго; чтò присоединяется, то равнымъ образомъ не бываетъ безъ другаго. Такимъ образомъ и то, чтò дается, не бываетъ безъ другаго, — слѣдовательно, не бываетъ безъ другаго и благодѣянiя.

Тоже видно и изъ самаго слова, въ которомъ содержится это понятiе — «благотворить» (*benefecisse*). Никто не благотворитъ себѣ, точно также какъ не покровительствуетъ себѣ, не держитъ своей стороны.

Можно изслѣдовать это болѣе продолжительное время и на большемъ количествѣ примѣровъ. Развѣ не можетъ быть этого, коль-скоро благодѣянiе надобно полагать въ числѣ того, чтò требуетъ (участiя) втораго лица? Иное хотя и бываетъ благородно, прекрасно, въ высшей степени добродѣтельно, но тѣмъ не менѣе можетъ имѣть мѣсто только въ отношенiи къ другому лицу. Такъ — восхваляется и почитается какъ одно изъ величайшихъ благъ рода человѣческаго вѣрность, поговорятъ ли про кого-нибудь, что онъ оказалъ довѣрiе самому себѣ?

ГЛАВА 11.

Перехожу теперь къ послѣдней части. Кто совершаетъ воздаяніе, тотъ долженъ нѣчто израсходовать подобно тому, какъ уплачивающій деньги: но кто совершаетъ это воздаяніе самому себѣ, тотъ ничего не расходуетъ, точно также какъ ничего не приобретаешь тотъ, кто получилъ благодѣяніе отъ самого себя. Благодѣяніе и вознагражденіе за него должны переходить съ одного мѣста на другое, но внутри одного чловѣка такого обмѣна быть не можетъ. Итакъ, кто дѣлаетъ воздаяніе, тотъ приноситъ, въ свою очередь, пользу тому, отъ кого что-нибудь получилъ; но кому приносить пользу тотъ, кто самому себѣ дѣлаетъ это воздаяніе? Самому себѣ! Да и кто не представляетъ себѣ того, что вознагражденіе за благодѣянія должно находиться въ одномъ мѣстѣ, а самое благодѣяніе — въ другомъ. Кто дѣлаетъ самому себѣ воздаяніе, тотъ самому себѣ и приноситъ пользу. Но какой же неблагодарный когда-нибудь не желалъ сдѣлать этого? Лучше сказать: какой благодарный дѣлалъ это?

«Если, говорятъ, мы должны благодарить самихъ себя, то должны дѣлать себѣ и воздаяніе». — Говоримъ же мы: «я благодаренъ себѣ за то, что не захотѣлъ жениться на той женщинѣ и не заключилъ союзъ съ тѣмъ челевѣкомъ».

Но когда мы говоримъ это, то хвалимъ самихъ себя, и чтобы одобрить свой поступокъ, злоупотребляемъ словами благодарящихъ.

Благодѣяніе есть то, что можетъ не возвращаться обратно и въ томъ случаѣ, когда дано: но кто оказываетъ благодѣяніе самому себѣ, тотъ не можетъ не принимать назадъ того, что дано, слѣдовательно—здѣсь нѣтъ благодѣянія.

Благодѣяніе—въ одно время получается, а въ другое—воздается. Въ немъ и заслуживаетъ одобренія и уваженія именно то, что кто-нибудь для оказанія помощи другому предель забвенію свою собственную пользу, далъ другому, зная, что этимъ отниметъ у самого себя. Этого не дѣлаетъ тотъ, кто оказываетъ благодѣяніе самому себѣ. Оказывать благодѣяніе—есть дѣло общенія: оно кого-нибудь привлекаетъ, обязываетъ. Давать самому себѣ — не есть дѣло общенія: оно никого не привлекаетъ, никого не обязываетъ, ни кого не приводитъ къ

надеждѣ, такъ чтобы онъ сказалъ: «этому человѣку надобно оказывать почтеніе,—онъ оказалъ благодѣяніе тому, окажетъ и мнѣ».

Благодѣяніе заключается въ томъ, что кто-нибудь даетъ не ради самаго себя, но—ради того, кому даетъ. Кто оказываетъ благодѣяніе самому себѣ, тотъ оказываетъ ради самаго себя: слѣдовательно,—здѣсь нѣтъ благодѣянія.

Глава 12.

Тебѣ кажется, что въ настоящемъ случаѣ я не оправдалъ того, что говорилъ въ началѣ. Ты говоришь, что я не дѣлаю серьезнаго дѣла и даже добровольно теряю весь трудъ? ¹⁾ Подожди: ты назовешь это (разумѣется, выше приведенное разсужденіе) даже болѣе разумнымъ, какъ скоро я приведу тебя къ такимъ хитростямъ, выйдя изъ которыхъ ничего болѣе не достигнешь кромѣ того, что избѣжишь трудностей, въ которыя можно было не впадать.—Въ самомъ дѣлѣ, что хорошаго—старательно распутывать тѣ узлы, которые самъ дѣлаешь для того только, чтобы ихъ распутывать? Но подобно тому, какъ иногда для потѣхи и шутки завязываютъ узлы такимъ образомъ, что для неопытнаго бываетъ трудно развязать ихъ, но завязавшій безо всякаго труда и развязываетъ, такъ какъ знаетъ связи и препятствія;—и тѣмъ не менѣе—это имѣетъ нѣкоторую пріятность, потому что испытываетъ остроуміе и внимательность души: ²⁾ такъ и то, что представляется хитрымъ и загадочнымъ,—удаляетъ безпечность и лѣность ума отъ такихъ людей, для которыхъ надобно бываетъ то уравнивать поле, въ которомъ они блуждаютъ, то—подкладывать что нибудь неизвѣстное и неровное, дабы они пробирались ползкомъ и осторожно ступали чрезъ это.

Говорятъ, что никто не бываетъ неблагодарнымъ.—Это выводится слѣдующимъ образомъ.

«Благодѣяніе есть то, что доставляетъ пользу, ³⁾ но никто

¹⁾ Здѣсь содержится узаканіе на то мѣсто 1-й главы настоящей книги, гдѣ авторъ, предполагая разсуждать относительно предметовъ второстепенной важности, между прочимъ замѣчаетъ, что хотя этимъ онъ не сдѣлаетъ важнаго дѣла, но, тѣмъ не менѣе, не потратитъ даромъ и труда.

²⁾ Авторъ, очевидно, имѣетъ въ виду разнообразныя виды загадокъ и остроумныхъ игръ, бывшихъ въ ходу въ его время. Ср. Athenaei, Deipn. X. Ruhkopf.

³⁾ Иногда благо опредѣляемо было Стоиками, по примѣру Сократа, какъ по-

не можетъ доставлять пользы дурному человѣку, какъ это утверждаете вы, Стоики; слѣдовательно, дурной человѣкъ не получаетъ благодѣянія: такимъ образомъ онъ не бываетъ и не благодарнымъ. — Далѣе, — благодѣяніе есть дѣло добродѣтельное или похвальное. У дурнаго человѣка нѣтъ мѣста никакому добродѣтельному или похвальному дѣлу, слѣдовательно — нѣтъ мѣста и благодѣянію, котораго, если нельзя бываетъ получить, то нельзя и возратить: и поэтому онъ не бываетъ неблагодарнымъ».

Далѣе, — добродѣтельный человѣкъ, какъ вы говорите, во всемъ поступаетъ правильно, но если онъ во всемъ поступаетъ правильно, то не можетъ быть неблагодарнымъ».

«Такимъ образомъ человѣкъ добродѣтельный возвращаетъ благодѣяніе, а дурной — не принимаетъ его; если же это такъ, то ни одинъ добродѣтельный, ни дурной человѣкъ не бываетъ неблагодарнымъ, и такимъ образомъ, въ существѣ дѣла, никто не бываетъ неблагодарнымъ»¹⁾.

лезное (ὠφέλημα) (Stob. II, 78; Cic. Fin. III, 10 и др.). Тогда они учили, что только добродѣтель полезна, но что, напротивъ, дурнымъ людямъ ничто не можетъ доставлять пользы, такъ какъ для разумаго существа благо и зло полагаются исключительно въ его дѣятельности. (Stob. II, 188; M. Aurel. IX, 16). Такимъ образомъ благо и польза совершенно совпадаютъ съ добродѣтельною, т. е. разумною дѣятельностью. (Zeller. Philol. Griech. III. s. 213).

¹⁾ «*Honesta et probabilis res est*», т. е. истинно благое и само по себѣ обладающее абсолютнымъ достоинствомъ и цѣпностью (ἀγαθὸν καθ' ἑαυτὸν καὶ ἐπιμένον). Подъ такимъ названіемъ добродѣтельныхъ дѣйствій, какъ блага въ собственномъ смыслѣ, отличались Стоиками, отъ благъ условныхъ (προηγμένα), т. е. такихъ, которые будучи сами по себѣ въ нравственномъ отношеніи безразличными (ἀδιάφορα) представлялись имѣющимъ относительную цѣпность только потому, что могли отвѣчать требованіямъ человѣческой природы, или служить вспомогательнымъ средствомъ для нравственной и разумной жизни, или тѣмъ и другимъ имѣть. Такими благами считались, напр., способности души, тѣлесныя преимущества, сама жизнь, матеріальныя блага, богатство, честь и проч.

Сообразно этому различію и раздѣленію благъ, различались и обязанности въ отношеніи къ нимъ. Обязанность нравственнаго усовершенствованія, — стремленія къ добру (τὰ ἀεὶ καθήκοντα) различалась отъ такъ называемыхъ «среднихъ» обязанностей (μέσα καθήκοντα), т. е. обязанностей стремиться къ благамъ условнымъ и удалиться отъ противоположныхъ имъ золь.

Это ученіе объ условныхъ, второстепенныхъ благахъ и «среднихъ» обязанностяхъ вызвано было необходимостію смягчить первоначальный ригоризмъ и парадоксальность Стоической морали, доходившей въ своей крайности до протіворѣчія законамъ требованіямъ человѣческой природы. Такимъ образомъ, уступая этимъ требованіямъ, Стоики были вынуждены признать благами, хотя и второ-

Но это разсужденіе пустое. У насъ есть одно благо — добродѣтель; оно не можетъ приходить къ дурному человѣку, потому что онъ перестаетъ быть дурнымъ, коль скоро въ него вселяется добродѣтель. Пока же онъ остается дурнымъ, никто не можетъ ему оказывать благодѣянія, потому что добро и зло различны одно отъ другаго и не могутъ приходить къ единству. Никто ему не доставляетъ пользы потому что все доставляемое ему онъ портитъ дурнымъ употребленіемъ. Подобно тому, какъ поврежденный болѣзною желудокъ, въ которомъ скопляется желчь, подвергаетъ измѣненію всякую пищу, какую бы онъ ни принялъ, и всякое питаніе обращаетъ въ причину болѣзни, такъ и ослѣпленный духъ дѣлаетъ для себя бременемъ, пагубою и причиною несчастія все, что бы ты ему ни далъ. Такимъ образомъ, людямъ, находящимся на самой высшей степени благополучія и богатства, больше всего бываетъ присуща страсть къ пріобрѣтенію, и они находятъ себя тѣмъ менѣе достаточными, чѣмъ болѣе выпадаетъ на ихъ долю матеріала, которымъ они могутъ пользоваться съ избыткомъ. — Слѣдовательно дурнымъ людямъ не можетъ доставаться ничего такого, что могло бы имъ приносить пользу, — болѣе того, — даже ничего такого, что не приносило бы имъ вреда. Ибо все, что бы имъ ни досталось, они уподобляютъ своей природѣ и то, что бываетъ въ высшей степени прекраснымъ и полезнымъ, какъ скоро доставляется лучшему человѣку, — для нихъ оказывается вредоноснымъ. Они не могутъ и оказывать

степенными, такія вещи, которыя въ нравственномъ отношеніи считались ими за безразличныя. Но ихъ уступки этимъ еще не ограничились. Они должны были умирить до нѣкоторой степени и свои требованія «апатівъ», допустить существованіе въ душѣ мудреца движеній, довольно близкихъ къ аффектамъ. Далѣе, — они должны были закрыть и ту пропасть, которую полагали между мудрецами и невѣждами. Не только ихъ противники указывали на то, что въ дѣйствительности нельзя найти ни одного мудреца, вполне осуществившаго стоическій идеалъ, но они и сами почти соглашались съ этимъ. (Напр. Sen: tranq. ap. 7, 4 и др.) Взвѣсивъ дѣйствительной мудрости, они допускали существованіе особаго состоянія, близкаго къ мудрости, почти тождественнаго съ нею. Люди, находящіеся въ такомъ состояніи, почти ничѣмъ не отличались отъ совершенныхъ мудрецовъ, существовавшихъ только въ воображеніи Стоиковъ. Къ разряду такихъ людей представителю Стоицизма относили тѣхъ философовъ и прославленныхъ исторіей лицъ, которые наиболѣе удовлетворяли ихъ нравственному идеалу. На все же остальное человѣчество они смотрѣли, какъ на массу невѣждъ, которымъ доступно лишь обладаніе благами низшаго рода, исполненіе лишь такъ называемыхъ «среднихъ обязанностей».

благодѣяній по той причинѣ, что никто не можетъ давать того, чего самъ не имѣетъ: такой человѣкъ бываетъ лишень желанія благотворить.

Глава 13.

Но хотя это такъ, однако и дурной человѣкъ можетъ принимать нѣчто такое, что бываетъ похоже на благодѣяніе; не возвративъ этого, онъ будетъ неблагодарнымъ.—Бываютъ блага духовныя, блага тѣлесныя и блага фортуны. Духовныя блага не доступны для глупаго и дурнаго человѣка; ему доступны блага послѣдняго рода, которые онъ можетъ принимать и должнъ возвращать обратно, и если ихъ не возвращаетъ, то бываетъ неблагодаренъ.—И это не по нашему только ученію. Подобнымъ образомъ и Перипатетики, которые полагаютъ пространныя и широкіе предѣлы человѣческаго счастья, говорятъ, что маловажныя благодѣянія могутъ доставаться и дурнымъ людямъ;—кто не возвращаетъ ихъ,—тотъ неблагодаренъ.

Такимъ образомъ, намъ не желательно считать благодѣяніемъ то, что не можетъ сдѣлать душу лучшею; однако мы не отрицаемъ, что это послѣднее.—выгодно и должно служить предметомъ нашихъ стремленій.—Это и дурной человѣкъ можетъ дать добродѣтельному и принять отъ него, какъ на примѣръ: деньги, одежду почести и жизнь. Кто не возвратитъ этого, тотъ получитъ прозваніе неблагодарнаго.

«Но какимъ образомъ ты называешь человѣка неблагодарнымъ за не возвращеніе того, чего не считаешь благодѣяніемъ (въ соб. смыслѣ)?»

Иное хотя и не бываетъ въ дѣйствительности (тѣмъ, чѣмъ его называютъ), но по причинѣ сходства обозначается тѣмъ же названіемъ. Такъ мы называемъ *«pyxis»*¹⁾ и серебряный и золотой сосудъ; такъ называемъ необразованнымъ (*illiteratus*) не совершенно невѣжественнаго человѣка, но недоведеннаго до изученія высшихъ наукъ. Такъ, кто видитъ плохо одѣтаго и оборваннаго человѣка, тотъ говоритъ, что видѣлъ нагого.—(Подобнымъ образомъ) и все вышеупомянутое не есть благодѣяніе: тѣмъ не мсвѣе—имѣетъ видъ благодѣянія.

(Намъ возражаютъ:) подобно тому, какъ это есть только

1) *«Pyxis»*—въ соб. смыслѣ,—сосудъ изъ буюаго дерева.

«какъ-бы» благодареніе, такъ и этотъ человѣкъ только «какъ бы» неблагодаренъ, но не (въ дѣйствительности) неблагодаренъ».

Не правда,—такъ какъ и дающій и припимающій называютъ это благодареніемъ. Такимъ образомъ и тотъ, кто обманулъ подобіемъ истиннаго благодаренія, бываетъ неблагодарнымъ также, какъ отравителемъ бываетъ тотъ, кто подмѣшалъ снотворнаго средства, будучи увѣренъ, что это—ядъ.

Глава 14.

Клеопеъ ведетъ дѣло энергичнѣе. «Пусть, говоритъ онъ, полученное не будетъ благодареніемъ, тѣмъ не менѣе самъ получившій остается неблагодарнымъ потому, что не желалъ возвратить, хотя получилъ. Такъ разбойникъ бываетъ такимъ еще прежде, чѣмъ осквернить руки, потому-что онъ уже вооружился на убійство и имѣетъ желаніе грабить и убивать. Въ поступкѣ порокъ только находитъ свое примѣненіе и проявленіе, а не начало. Само то, что получено,— не было благодареніемъ, но называлось этимъ именемъ. Святотатцы несутъ наказанія, хотя никто не можетъ коснуться руками самихъ боговъ».

«Какимъ образомъ, возражаютъ (намъ), можетъ быть ктонибудь неблагодарнымъ въ отношеніи къ дурному человѣку, когда этому послѣднему нельзя оказать благодаренія (въ собственномъ смыслѣ)?».

Онъ можетъ быть неблагодарнымъ потому, что получилъ отъ того нѣчто изъ почитаемаго невѣждами за блага; если дурные люди обладаютъ этими послѣдними въ изобиліи, то и самъ (получившій) долженъ будетъ воздавать благодарность подобнымъ же матеріаломъ и каковы бы они (эти так. наз. блага) ни были, но какъ скоро онъ получилъ ихъ за (дѣйствительныя) блага, то за таковыя же блага долженъ и возвращать. Имѣющимъ долгъ одинаково называется какъ тотъ, кто долженъ золотыми монетами, такъ и тотъ, кто долженъ кожею, на которой оттиснуть государственнй штемпель,—какая была въ ходу у Лакедемонянъ, замѣняя монету.

Чѣмъ задолжалъ, тѣмъ и уплачивай долгъ.

* * *

(Продолженіе будетъ).

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

31 Декабря № 24. 1890 года.

Содержаніе. Отчетъ Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1889—90 учебный годъ (продолженіе).—Отъ правленія Харьковскаго Епархіальнаго свѣчнаго завода.—Отъ правленія Харьковской духовной семинаріи.—Списокъ лицъ духовнаго и свѣтскаго званія, коимъ, за заслуги и пожертвованія по духовному вѣдомству, опредѣленіемъ отъ 3 и 11 октября 1890 года за № 2278 преподано благословеніе Святѣйшаго Синода.—Отъ Харьковскаго Епархіальнаго попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1889—90 учебный годъ.

(Продолженіе *).

Г) Распредѣленіе письменныхъ упражненій и степень достигаемыхъ ими успѣховъ.

По примѣру прошлыхъ лѣтъ, совѣтъ училища и въ отчетномъ году обращалъ особенное вниманіе на письменныя упражненія воспитанницъ. Упражненія эти назначались такъ часто, какъ только позволяла возможность, начинались съ приготовительнаго класса и продолжались во всѣхъ остальныхъ классахъ до VI-го включительно, причемъ соблюдалась надлежащая постепенность въ переходѣ отъ упражненій легкихъ къ болѣе труднымъ, наконецъ, баллы, полученные воспитанницами на письменныхъ упражненіяхъ, оказывали большое, и часто рѣшающее, вліяніе при общей оцѣнкѣ успѣховъ учащихъся.

Письменныя упражненія состояли: а) изъ списыванія съ книги и диктовки, которыми въ приготовительномъ классѣ занималась учительница, а въ четырехъ штатныхъ классахъ воспитательницы этихъ классовъ,

---

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» № 23 за 1890 г.

подъ руководствомъ преподавателей русскаго языка, по диктантамъ Смирновскаго и Тихомирова, въ назначенные для этого росписаніемъ уроковъ часы; б) *грамматическихъ упражненій*, классныхъ и домашнихъ, которыя велъ учителями русскаго языка параллельно съ уроками грамматики; в) *сочиненій*, классныхъ и домашнихъ, которыя въ первыхъ трехъ штатныхъ классахъ назначались исключительно учителями русскаго языка, а въ остальныхъ классахъ, кромѣ того, и преподавателями нѣкоторыхъ другихъ предметовъ, именно: Закона Божія, гражданской исторіи, географіи и дидактики. Сочиненія эти въ I, II и отчасти III-мъ классахъ состояли изъ рассказовъ и описаній по даннымъ статьямъ, во второе полугодіе въ III и въ IV-мъ классахъ изъ рассказовъ и описаній самостоятельныхъ, въ V и VI-мъ классахъ изъ такихъ же самостоятельныхъ разсужденій. Каждое сочиненіе сопровождалось кратко изложеннымъ планомъ, который въ низшихъ классахъ вырабатывался предварительно въ классѣ воспитанницами при помощи преподавателя, а въ IV, V и VI-мъ классахъ составлялся учащимися самостоятельно.

Темы для сочиненій въ I и II-мъ классахъ назначали самостоятельно преподаватели русскаго языка въ этихъ классахъ; они же самостоятельно избирали время для классныхъ сочиненій и опредѣляли сроки для сочиненій домашнихъ, руководясь только тѣмъ правиломъ, чтобы послѣднія давались не менѣе одного раза въ мѣсяць; въ III, IV, V и VI-мъ классахъ выборъ темъ для сочиненій и опредѣленіе сроковъ для ихъ написанія производился совѣтомъ училища и утверждался Его Высокопреосвященствомъ.

Въ продолженіе отчетнаго года воспитанницы III-го класса написали 7 сочиненій по русскому языку,—2 классныхъ и 5 домашнихъ; воспитанницы IV-го класса—7 сочиненій,—1 классное и 6 домашнихъ,—въ томъ числѣ 4 сочиненія по русскому языку, 1 по закону Божию, 1 по гражданской исторіи и 1 по географіи; воспитанницы V класса написали 7 сочиненій,—1 классное и 6 домашнихъ,—въ томъ числѣ 4 сочиненія по русскому языку, 1 по закону Божию, 1 по гражданской исторіи и 1 по географіи; воспитанницы VI-го класса написали 7 сочиненій,—1 классное и 6 домашнихъ,—въ томъ числѣ 3 сочиненія по русскому языку, 1 по Закону Божию, 1 по гражданской исторіи, 1 по географіи и 1 по дидактикѣ. Срокъ для написанія каждаго домашняго сочиненія въ этихъ классахъ назначенъ былъ 20-ти дневный съ 5-ти дневнымъ промежуткомъ между двумя сочиненіями.

Кромѣ вышеуказанныхъ сочиненій, воспитанницы III, IV, V и VI-го классовъ писали въ мѣсяць по одному домашнему письменному арифметическому отвѣту, въ которомъ подробно излагали весь ходъ рѣшенія данной задачи.

Предъ устными экзаменами воспитанницы всѣхъ классовъ написали по одному экспромтовому письменному упражненію. Упражненія эти въ подготовительномъ, I и II-мъ классахъ состояли изъ провѣрочной диктовки, въ III-мъ классѣ изъ пересказа данной статьи и въ IV, V и VI-мъ классахъ изъ самостоятельныхъ сочиненій на данныя темы. Экзаменскія сочиненія воспитанницъ VI-го класса были прочитаны инспекторомъ классовъ, упражненія воспитанницъ другихъ штатныхъ классовъ преподавателями русскаго языка, въ каждомъ классѣ чужимъ преподавателемъ, и упражненія воспитанницъ подготовительнаго класса учительницею этого класса.

Баллы письменныхъ упражненій воспитаницъ приготовительнаго, I и II-го классовъ присоединялись учителями русскаго языка къ отмѣткамъ за устные отвѣты и изъ тѣхъ и другихъ имъ же выводился общій баллъ по этому предмету, двухмѣсячный и годовой. Начиная же съ III-го класса, баллы письменныхъ упражненій (за исключеніемъ отмѣтокъ на письменныхъ отвѣтахъ по арифметикѣ, которыя присоединялись преподавателями къ баллу устныхъ отвѣтовъ по этому предмету), вносились инспекторомъ классовъ въ особую вѣдомость, затѣмъ изъ нихъ сдѣланъ средній выводъ, сложенъ со среднимъ выводомъ устныхъ отвѣтовъ по русскому языку и изъ этихъ двухъ выводовъ составленъ общій баллъ по этому предмету. Воспитаницы, получившія по сочиненіямъ годовымъ и экзаменскому, или даже по одному только послѣднему, неудовлетворительный баллъ, подвергались переекзаменовкѣ послѣ каникулъ и, если и тогда представляли неудовлетворительную письменную работу, оставлялись въ томъ же классѣ на повторительный курсъ.

Успѣхи воспитаницъ по письменнымъ упражненіямъ въ отчетномъ году вообще можно признать удовлетворительными. Въ экзаменскихъ сочиненіяхъ выпускныхъ воспитаницъ орфографическихъ и грамматическихъ ошибокъ попадалось очень мало; написаны эти сочиненія достаточно связно и послѣдовательно, сочиненія же лучшихъ воспитаницъ оказались во всѣхъ отношеніяхъ даже очень хорошими.

Въ среднемъ выводѣ воспитаницы старшихъ классовъ получивъ по сочиненіямъ слѣдующіе баллы:

III-й классъ (47 воспитаницъ).

Баллъ 5	получили 3	воспитаницы,	или	6,38 ⁰ /о.
> 4	> 25	>	>	58,19 ⁰ /о.
> 3	> 13	>	>	38,29 ⁰ /о.
> 2	> 1	>	>	2,12 ⁰ /о.
Средній баллъ всего класса 3,61.				

IV-й классъ (39 воспитаницъ).

Баллъ 5	получили 7	воспитаницъ,	или	17,94 ⁰ /о.
> 4	> 16	>	>	41,02 ⁰ /о.
> 3	> 16	>	>	41,02 ⁰ /о.
Средній баллъ всего класса 3,76.				

V классъ (45 воспитаницъ).

Баллъ 5	получили 2	воспитаницы,	или	4,44 ⁰ /о.
> 4	> 15	>	>	33,33 ⁰ /о.
> 3	> 28	>	>	62,22 ⁰ /о.
Средній баллъ всего класса 3,42.				

VI-й классъ (43 воспитаницы).

Баллъ 5	получили 3	воспитаницы,	или	6,97 ⁰ /о.
> 4	> 12	>	>	27,90 ⁰ /о.

>	3	>	25	>	>	58,20%.
>	2	>	3	>	>	6,97%.

Средній баллъ всего класса 3,34.

Примѣчаніе. Въ эту вѣдомость вошли только тѣ воспитанницы, которыя представили всё, или, по крайней мѣрѣ, большую часть годовыхъ сочиненій и сочиненіе экзаменское.

Д) Продолжительность учебнаго года и время экзаменовъ.

Въ отчетномъ году ученіе послѣ лѣтнихъ каникулъ началось 17-го августа и окончилось въ подготовительномъ и I-мъ классахъ 17-го, а въ остальныхъ классахъ 23 марта. Всѣхъ учебныхъ дней въ году,—если исключить Рождественскіе праздники, масляницу, двукратное говѣніе воспитанницъ (съ 18 по 21 ноября и съ 12 по 17 марта), а также всѣ воскресные и праздничные дни,—было 145.

Письменные годовые экзамены произведены были въ подготовительномъ классѣ 17-го, а въ остальныхъ классахъ 22 марта. Устные экзамены въ подготовительномъ и I-мъ классахъ начались 17 марта и окончились 23-го, такъ что воспитанницы этихъ классовъ до Пасхи уже закончили свой учебный годъ. Въ остальныхъ классахъ устные экзамены начались 9-го апрѣля и окончились 5-го мая. 7-го мая происходилъ торжественный актъ, которымъ закончился учебный годъ. Дополнительные экзамены и переэкзаменовка производилась 5 и 6-го сентября.

Болѣе раннее, сравнительно съ требованіемъ устава, окончаніе учебныхъ занятій и экзаменовъ въ училищѣ въ отчетномъ году вызвано было необходимостію устроить лѣтомъ 1890 года трехъ-этажный соединительный корридоръ между старымъ корпусомъ и вновь строившимся зданіемъ, для параллельныхъ классовъ и произвести внутреннюю отдѣлку этого послѣдняго зданія. Такъ какъ обыкновеннаго канцелярнаго времени для исполненія этихъ работъ было бы недостаточно, то совѣтъ училища журналомъ отъ 2-го января 1890 года, просилъ Его Высокопреосвященство ходатайствовать предъ Св. Синодомъ, о разрѣшеніи произвести выпускъ воспитанницъ и окончить испытанія въ училищѣ къ 8-му мая 1890 года. Св. Синодъ разрѣшилъ это ходатайство въ утвердительномъ смыслѣ, о чемъ и сообщилъ указомъ на имя Его Высокопреосвященства отъ 12 февраля 1890 года за № 498-мъ. Указанныя выше постройки удалось окончить только къ 3-му сентября, почему только съ этого времени можно было начать пріемные экзамены для вновь поступающихъ въ училище и экзамены дополнительные.

Е) Число переведенныхъ изъ класса въ классъ, число окончившихъ курсъ съ аттестатами, число оставшихся на повторительный курсъ и число выбывшихъ изъ училища по разнымъ причинамъ.

Къ началу учебнаго года состояло воспитанницъ въ подготовительномъ классѣ—51, въ I-мъ классѣ—51, во II классѣ—50, въ III классѣ—48, въ IV классѣ—41, въ V классѣ—46 и въ VI классѣ—46, итого 333 воспитанницы.

Среди учебнаго года выбыло изъ приготовительнаго класса—5, изъ III класса—1 и изъ VI класса 2 воспитанницы, итого 8 воспитанницъ.

Среди учебнаго года принято вновь въ приготовительный классъ 3 воспитанницы.

Оставалось по спискамъ ко времени экзаменовъ: въ приготовительномъ классѣ—49, въ I классѣ—51, во II классѣ—50, въ III классѣ—47, въ IV классѣ—41, въ V классѣ—46 и въ VI классѣ 44 воспитанницы, итого 328 воспитанницъ.

Держали годовой экзаменъ: въ приготовительномъ классѣ—49, въ I-мъ классѣ—49, во II классѣ—50, въ III классѣ—47, въ IV классѣ—39, въ V классѣ—45 и въ VI классѣ—43; итого 322 воспитанницы.

Не держали экзамена: въ I-мъ классѣ 2 воспитанницы, обѣ по болѣзни; въ IV классѣ—2 воспитанницы: одна по болѣзни и одна по неявкѣ въ училище; въ V классѣ—1 воспитанница, по неявкѣ въ училище вслѣдствіе болѣзни; въ VI классѣ—1 воспитанница по болѣзни; итого 6 воспитанницъ.

Переведены въ слѣдующіе классы: изъ приготовительнаго въ I классъ—49, изъ I во II классъ—48, изъ II въ III классъ—44, изъ III въ IV классъ—42, изъ IV въ V классъ—36, изъ V въ VI классъ—45 воспитанницъ; итого 264 воспитанницы.

Оставлено въ тѣхъ же классахъ на повторительный курсъ: въ I классѣ—2, во II классѣ 6, въ III классѣ—5, въ IV классѣ—4 и въ V классѣ—1 воспитанница; итого 18 воспитанницъ. Изъ нихъ 13 по малоуспѣшности, 3 по просьбѣ родителей, 1 по болѣзни и 1 по неявкѣ къ переэкзаменовкѣ.

Окончили курсъ съ аттестатами 43 воспитанницы.

Кромѣ того одной воспитанницѣ VI класса, не державшей экзамена по болѣзни, предоставлено экзаменоваться послѣ каникулъ.

Уволены изъ училища послѣ годичныхъ экзаменовъ и переэкзаменовокъ: изъ I класса—1 по неспособности къ продолженію ученія и 1 изъ IV класса за неявку въ училище въ теченіе всего года; итого 2 воспитанницы.

Такимъ образомъ къ началу 18⁹⁰/91 учебнаго года въ училищѣ числилось 282 воспитанницы. Въ сентябрѣ 1890 года вновь принято 146,—96 въ два отдѣленія приготовительнаго класса, 46 во вновь образованный первый параллельный классъ, 1 въ третій классъ, 2 въ четвертый классъ и 1 въ пятый классъ. Въ томъ же сентябрѣ мѣсяцѣ выбыло изъ училища 8 воспитанницъ,—6 приготовительнаго класса, 1 перваго класса и 1 втораго класса. Вслѣдствіе этого къ 1 октября 1890 года въ училищѣ состояло 420 воспитанницъ, именно: въ приготовительномъ нормальномъ классѣ—45, въ приготовительномъ параллельномъ—45, въ I-мъ нормальномъ—50, въ I-мъ параллельномъ—46, во II-мъ—53, въ III-мъ—50, въ IV-мъ—48, въ V-мъ—38 и въ VI-мъ—45 воспитанницъ.

Ж) Общія свѣдѣнія объ успѣхахъ, поведеніи и состояніи здоровья воспитанницъ.

1) Успѣхи воспитанницъ въ отчетномъ году наглядно изображаются въ нижеслѣдующей таблицѣ, показывающей: а) число и процентное отноше-

по воспитаницъ. каждаго класса, полученныхъ баллы: 5, 4, 3 и 2 по всемъ предметамъ вмѣстѣ; б) средний баллъ каждаго класса по всемъ предметамъ вмѣстѣ. Въ каждомъ классѣ показаны только тѣ воспитаницы, которыя держали экзаменъ по всемъ предметамъ.

Приготовительный классъ (49 воспитаницъ).

Баллъ 5	получили	28	воспитаницъ,	или	$57^7/49^0/0.$
> 4	>	19	>	>	$38^{38}/49^0/0.$
> 3	>	2	>	>	$4^4/49^0/0.$
Средній баллъ всего класса 4,53.					

I классъ (49 воспитаницъ).

Баллъ 5	получили	20	воспитаницъ,	или	$40^{40}/49^0/0.$
> 4	>	19	>	>	$38^{38}/49^0/0.$
> 3	>	9	>	>	$18^{18}/49^0/0.$
> 2	>	1	>	>	$2^{20}/49^0/0.$
Средній баллъ всего класса 4,18.					

II классъ (50 воспитаницъ).

Баллъ 5	получили	15	воспитаницъ,	или	$30^0/0.$
> 4	>	22	>	>	$44^0/0.$
> 3	>	13	>	>	$26^0/0.$
Средній баллъ всего класса 4,04.					

III классъ (47 воспитаницъ).

Баллъ 5	получили	9	воспитаницъ,	или	$19^7/47^0/0.$
> 4	>	34	>	>	$72^{16}/47^0/0.$
> 3	>	4	>	>	$8^{24}/47^0/0.$
Средній баллъ всего класса 4,02.					

IV классъ (39 воспитаницъ).

Баллъ 5	получили	8	воспитаницъ,	или	$20^{20}/39^0/0.$
> 4	>	19	>	>	$48^{28}/39^0/0.$
> 3	>	12	>	>	$30^{30}/39^0/0.$
Средній баллъ всего класса 3,89.					

V классъ (45 воспитаницъ).

Баллъ 5	получили	12	воспитаницъ,	или	$26^{30}/45^0/0.$
> 4	>	17	>	>	$37^{35}/45^0/0.$
> 3	>	16	>	>	$35^{25}/45^0/0.$
Средній баллъ всего класса 3,91.					

VI классъ (43 воспитаницы).

Баллъ 5	получили	16	воспитаницъ,	или	$37^9/43^0/0.$
> 4	>	19	>	>	$44^8/43^0/0.$
> 3	>	8	>	>	$18^{26}/43^0/0.$
Средній баллъ всего класса 4,18.					

2) *Поведеніе всѣхъ воспитанницъ* въ отчетномъ году отмѣчено годовымъ балломъ 5 (отлично), за исключеніемъ 4-хъ воспитанницъ, которыя получили баллъ 4 (очень хорошо).

3) Для *здоровья воспитанницъ* отчетный годъ, сравнительно съ прошлымъ, былъ очень неблагопріятенъ. Случаевъ заболѣванія было 260, что, при 333 воспитанницахъ, состоявшихъ въ училищѣ въ началѣ года, составляетъ 78⁰/₀, тогда какъ въ 18⁸⁸/₈₉ году случаевъ заболѣванія было только 152, или 45⁰/₀. Господствующими болѣзнями были: инфлуэнца (102 случая), лихорадка (45 случаевъ), заушница (29 случаевъ), жаба (21 случай). Тяжелыми формами болѣзней страдали 6 воспитанницъ: 3 тифомъ, 1 скарлатиною, 1 оспою, и 1 воспаленіемъ спиннаго мозга. Смертнаго случая въ теченіи года не было ни одного.

(Продолженіе будетъ).

Отъ правленія Харьковскаго Епархіальнаго свѣчнаго восковаго завода.

Отъ правленія Харьковскаго Епархіальнаго свѣчнаго завода Правленіе завода симъ доводятъ до свѣдѣнія гг. коммиссіонеровъ, что квитанція, на бѣлой бумагѣ, за № 614, выданная Георгіевской церкви г. Валокъ, на полученіе одного пуда свѣчей по первому авансовому взносу на постройку Купинскаго духовнаго училища, по заявленію священника означенной церкви, утеряна; взамѣнъ ея выдачь изъ правленія завода дубликатъ на бѣлой бумагѣ за № 747, по предъявленіи котораго и долженъ быть выдачь въ 1891 году одинъ пудъ свѣчей, а квитанцію за № 614 считать недействительною.

Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.

Правленіе Семинаріи считаетъ пріятнымъ долгомъ выразить глубокую благодарность священнику слободы Анниной Лебединскаго уѣзда о. Измаилу Дмитріеву за пожертвованные имъ 25 руб. на устройство общежитія при Харьковской Духовной Семинаріи.

Списокъ лицъ духовнаго и свѣтскаго званія, коимъ, за заслуги и пожертвованія, по духовному вѣдомству, опредѣленіемъ отъ 3—11 Октября 1890 года за № 2278 преподано благословеніе Святѣйшаго Синода.

Съ выдачею грамотъ: харьковскому 2-й гильдіи купцу Ивану Коваленку; вдовѣ штабсъ-капитана Анфісѣ Курчаниновой; харь-

ковскому 2-й гильдіи купцу Роману *Шустову*; женѣ дворянина Людмилѣ *Черняковской*; вдовѣ коллежскаго ассесора Ольгѣ *Слюсаревой*; 2-й гильдіи купцамъ: Прокопію *Токареву* и Евѣиму *Файдышу*; вдовамъ почетныхъ гражданъ: Аннѣ *Гладковой* и Маріи *Ковалевой*; старостѣ Харьковской Николаевской церкви Федору *Галкину*; харьковскому 2-й гильдіи купцу Ильѣ *Силгину*; купеческой дочери Пелагеѣ *Стриковой* съ сестрою Олимпіадою; купеческой женѣ Серафимѣ *Токаревой*; отставному штабсъ-ротмистру Аполлону *Мицельскому*; гофмейстеру Двора Его Императорскаго Величества графу Павлу *Строганову* и Сумскаго уѣзда г. Бѣлополя 2-й гильдіи купцу Павлу *Кандыбѣ*.

Безъ грамотъ: дворянкѣ дѣвицѣ Варварѣ *Ръзановой*; купеческимъ дочерямъ Олимпіадѣ и Александрѣ *Неретинимъ*; надворному совѣтнику Петру *Кишмову*; 2-й гильдіи купцу Павлу *Карташеву*; коллежскому ассесору Андрею *Лабинскому*; дѣйствительному статскому совѣтнику Андрею *Дмитріеву*; купцу Петру *Ушанову*; мѣщанину Андрею *Коваленку*; 2-й гильдіи купцамъ: Ефиму *Школяренку*; Константину *Горбунову* и Константину *Уткину*; протоіерею Харьковской Архангело-Михайловской церкви Іоанну *Федорову*; священнику Харьковской Дмитріевской церкви, Петру *Мишулину*; дворянину Митрофану *Хрущову*; 2-й гильдіи купцу Лаврентію *Соколову* и мѣщанину Дмитрію *Власову*.

Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія.

Харьковское Епархіальное Попечительство приглашаетъ благочинныхъ епархіи о взисканіи съ духовенства епархіи опредѣленныхъ XIII Епархіальнымъ съѣздомъ взносовъ въ пользу семействъ умершихъ священниковъ: Купянскаго уѣзда сл. Ново-Глухова Троицкой церкви Алексѣя Юшкова, Волчанскаго уѣзда села Отраной Митрофаніевской церкви Іоанна Червонецкаго и состоявшаго на вакансіи псаломщика при Преображенской церкви сл. Ново-Бѣлгорода священника Дмитрія Оружинскаго; діакона того же уѣзда сл. Бѣлаго-Колодезя Богородичной церкви Хрисанѣа Давидовскаго, псаломщиковъ: г. Валокъ Георгіевской церкви Алексѣя Юшкова, Валковскаго уѣзда села Каленникова Покровской церкви Евѣиміа Давидова, Ахтырскаго уѣзда села Криничнаго Антоніевской церкви, Петра Васильковскаго и Старобѣльскаго уѣзда сл. Петро-Павловки Петро-Павловской церкви, Андрея Квитковскаго.

Епархіальныя извѣщенія.

Его Высокопреосвященствомъ награжденъ бархатною фіолетовою скуфьею священникъ села Локни, Сумскаго уѣзда Николай *Черниговскій* за отлич-но-ревностную и полезную службу по народному образованію въ мѣстной церковно-приходской школѣ.

— Діаконъ Свято-Духовской церкви сл. Кононовки, Старобѣльскаго уѣзда, Василій *Сирятскій* переимѣненъ къ Иверско-Богородичной церкви слоб. Бѣлаго Колодезя, Волчанскаго уѣзда.

— На мѣсто умершаго п. д. псаломщика Преображенской церкви сл. Ново-Бѣлгорода священника Димитрія *Оружинскаго* опредѣленъ псаломщикомъ къ той же церкви сынъ его Николай *Оружинскій*.

— Сынъ священника Николай *Сокольскій* опредѣленъ псаломщикомъ къ Преображенской церкви заштатнаго города Бѣлополя, Сумскаго уѣзда.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ къ Покровской церкви с. Василенкова, Волчанскаго уѣзда, кр. Прокопій *Василенко*; къ Троицкой церкви сл. Ново-Астрахани, Старобѣльскаго уѣзда, состоящій въ запасѣ арміи унтеръ-офицеръ Яковъ *Жиліевъ*; къ Успенской церкви с. Пристайлова, Лебединскаго уѣзда, запасный унтеръ-офицеръ Василій *Плешивый*; къ Преображенской церкви с. Марковки, Лебединскаго уѣзда, коллежскій секретарь Василій *Добросельскій*; къ Покровской церкви слоб. Рѣчекъ, Сумскаго уѣзда, кр. Василій *Турчинъ* и къ Георгіевской церкви хут. Павленкова, Лебединскаго уѣзда, кр. Василій *Павленко*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. 35-лѣтній юбилей протоіеря І. И. Сергіева.—Торжественное за-даніе Славянскаго Благотворительнаго Общества въ С.-Петербургѣ.—Библиографи-ческія замѣтки: Новый трудъ по Евангельской Исторіи и Лепта.

День 12 декабря начался въ Кронштадтѣ въ 5 часовъ утра, хотя для многихъ онъ вовсе не начинался или лучше сказать начался еще вчера. Каждый поѣздъ балтійской желѣзной дороги привозилъ все новыя группы почитателей кронштадтскаго пасты-ря, и къ вечеру странно-пріемные дома переполнились въ такой степени, что многимъ не хватало ни кроватей, ни даже стульевъ. Въ десятомъ часу вечера окончилась въ Андреевскомъ соборѣ всенощная, совершенная юбляромъ. Залитый огнями храмъ былъ переполненъ, а съ фасада ярко горѣли иллюминаціонныя звѣзды, освѣщая густую толпу народа, не попавшую въ соборъ... Около дома «батюшки» собралась вся кронштадтская голь—«посадская армія», какъ ихъ зовутъ, въ ожиданіи раздачи обычной мплосты-ни. Оборванцы стояли правильной шеренгой, по три въ

рядъ, мужчины и женщины отдѣльно. Когда всѣ разбрелись по домамъ, и жизнь на улицахъ стихла—былъ уже первый часъ ночи, а въ 4 часа утра снова всѣ были на ногахъ.

Заутреня и ранняя обѣдня были совершены въ церкви «Дома Трудолюбія» іеромонахомъ Задне-Никифорской пустыни, Олонецкой губерніи, Геннадіемъ, при чемъ была освящена роскошная серебрянная, вызолоченная хоругвь, подносимая о. Іоанну «пасомыми и почитателями» для строящагося храма въ Архангельской губ., на мѣстѣ родины о. Іоанна. По окончаніи богослуженія, эта хоругвь, въ предшествіи пѣвчихъ и духовенства и въ сопровожденіи толпы народа, была перепесена въ Андреевскій соборъ, гдѣ о. Іоаннъ служилъ позднюю литургію. Первый ударъ большаго колокола былъ только въ 10 час. утра, а соборъ и площадь начали наполняться народомъ еще до разсвѣта! Погода морозная, но прекрасная...

Богослуженіе въ соборѣ окончилось во второмъ часу дня. Литургію, какъ я сказалъ, совершалъ самъ юбиляръ. Передъ торжественнымъ молебствіемъ о здравіи и благоденствіи юбиляра, отслуженнымъ соборне всѣмъ духовенствомъ Кронштадта и многими протоіереями изъ Петербурга, товарищи и сослуживцы о. Іоанна, т. е. духовенство и другія лица, горячо поздравляли «своего протоіерея».

Первымъ прочиталъ адресъ священникъ Андреевскаго собора о. Петръ.

— Тебѣ,—говорилъ пастырь, какъ представителю смиренія и простоты, вѣры и благочестія, приносимъ мы привѣтъ, какъ пастырю, который ежедневно, ежеминутно былъ подвижникомъ любви; ты сдѣлался достояніемъ сердецъ всѣхъ русскихъ православныхъ; нашъ уединенный морской городъ, благодаря тебѣ, превратился въ предметъ общаго религіознаго вниманія; здѣсь, у тебя, въ первый разъ можетъ быть, тысячи людей познали нужду молитвы, славы Имени Божія. Ты заступникъ и помощникъ слабымъ и неимущимъ. Молимъ Всевышняго, да дастъ намъ силы и крѣпость походить на тебя...

Вмѣстѣ съ адресомъ о. Петръ вручилъ юбиляру св. икону. Вторымъ говорилъ о. Василій, священникъ Владимірской церкви въ Кронштадтѣ. За нимъ приблизился къ юбиляру контръ-адмиралъ Бурачевъ и привѣтствовалъ о. Іоанна отъ лица «пасомыхъ и почитателей», соорудившихъ хоругвь для Архангельской церкви. Прочитанный г. Бурачевымъ адресъ былъ полонъ самыхъ лест-

ныхъ выраженій признательности о. Іоанну. Слѣдующій адресъ былъ отъ петербургскаго духовенства и отъ общества религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви. Общество привѣтствовало юбиляра, какъ своего члена:

— Да будетъ благословенно въ васъ и чрезъ васъ Имя Господне.

Затѣмъ, староста собора г. Коршуновъ подалъ юбиляру Евангеліе въ серебряномъ переплетѣ.

Очень прочувствованный адресъ былъ отъ харьковскихъ жителей, поднесшихъ юбиляру икону Божіей Матери и огромное Евангеліе въ золотомъ переплетѣ. Депутация благодарила о. Іоанна, какъ своего духовнаго отца и свидѣтельствовала, что его недавнее пребываніе въ Харьковской губерніи оставило неизгладимые слѣды среди населенія.

Далѣе, говорилъ теплое задушевное привѣтствіе іеромонахъ Александро-Невской лавры Палладій, поднесшій юбиляру св. Евангеліе. Послѣднимъ говорилъ привѣтствіе отъ петербургскаго духовенства священникъ церкви Смоленской Божіей Матери, поздравившій юбиляра отъ имени прихожанъ и причта. Глубоко растроганный о. Іоаннъ сказалъ нѣсколько словъ:

— Благодарю васъ, господа. Я недостойный грѣшникъ и вы меня слишкомъ возносите...

Начавшееся соборное молебствіе было отслужено 14-ю священниками, при 3-хъ діаконахъ и двухъ хорахъ пѣвчихъ.

Юбилейный актъ состоялся въ церкви и залахъ кронштадтской городской думы. Парадная лѣстница, вестибюль и корридоры были уставлены тропическими растеніями и убраны флагами. Вся кронштадтская интеллигенція, власти и пріѣзжіе депутаты собрались въ церкви въ ожиданіи виновника торжества. Только во 2-мъ часу появился на амвонѣ отецъ Іоаннъ, по обыкновенію бодрый, довольный, радостный. Влесь пріятливыхъ глазъ, ласковая улыбка, руки сложены на груди, голова слегка наклонена.

Актъ начался молебствіемъ, въ которомъ участвовало болѣе 10 іереевъ въ праздничномъ облаченіи. Тотчасъ послѣ многолѣтія поздравилъ юбиляра кронштадтскій губернаторъ контръ-адмиралъ Шварцъ.

Отъ имени кронштадтскаго городского управленія прекрасный адресъ прочиталъ голова г. Шебунинь. Юбиляръ характеризуется съ точки зрѣнія общественнаго дѣятеля, который создалъ цѣлую сѣть благотворительныхъ учрежденій.

— Кронштадтъ,—говорится въ адресѣ, является достовѣрнымъ

свидѣтелемъ высокихъ подвиговъ отца Іоанна, какъ благотворителя бѣдныхъ, цѣлителя больныхъ, утѣшителя несчастныхъ и кормилица нищихъ; проявляя горячее участіе къ судьбѣ ближнихъ, вы охотно идете на помощь нуждающемуся, а ваше авторитетное имя влечетъ вмѣстѣ съ вами и другихъ. Вы создали въ Кронштадтѣ учрежденіе, дающее пищу, пристанище, трудъ и начальное образованіе неимущимъ. Нѣтъ добраго дѣла, съ которымъ имя ваше не было бы связано. Въ нашъ вѣкъ, вѣкъ борьбы, личныхъ интересовъ, ваше 35-лѣтнее безкорыстное служеніе ближнимъ является такимъ подвигомъ, предъ которымъ невольно преклоняешься...

Отецъ Іоаннъ отвѣтилъ г. Шебунину:

— Благодарю васъ, но вы слишкомъ много на меня возлагаете. Со мной работали дружно и энергично другіе, — гг. моряки и я имъ передаю часть получаемыхъ мною похвалъ.

Слѣдующій адресъ былъ отъ общества моряковъ. Комендантъ, контръ-адмиралъ Брылкинъ, съ одушевленіемъ прочелъ этотъ адресъ въ которомъ между прочимъ говорится:

— Моряки вспоминаютъ сегодня, что они вамъ, отецъ Іоаннъ, обязаны наукой молиться. Да. Вы, посѣщая наши корабли передъ, отплытіемъ показывали намъ примѣромъ, какъ надо молиться... Вся морская семья молить теперь Бога о продленіи дней вашихъ.

— Благодарю васъ земляки, — сказалъ от. Іоаннъ.

Директоръ мужской гимназіи г. Козень прочиталъ адресъ: «дорогому учителю разсаднику чистой любви, который свыше 25 лѣтъ былъ руководителемъ будущихъ гражданъ».

— Чувство любви они воспитали подъ крыломъ вашимъ и унесли это чувство съ собою въ жизнь...

Послѣ директора довольно долго говорилъ одинъ изъ бывшихъ учениковъ, а затѣмъ послѣдовалъ оный цѣлый рядъ депутацій: отъ общества спасанія на водахъ (к. а. Рыкочевъ), петербургскаго Дома Трудолюбія (д-ръ Дворяшинъ), общества ночлежныхъ домовъ (В. И. Аристовъ задумчиво произнесъ прекрасное привѣтствіе, оставившее на всѣхъ впечатлѣніе), отъ учрежденій Андреевскаго попечительства, хора пѣвчихъ и др. Многія депутація подносили подарки и св. иконы; здѣсь были хлѣбъ-соль, полотенце на престолъ, воздухъ, евангеліе и т. д. Особенно хорошо вышитое шелками изображеніе Богоматери (ученицами приюта).

Очень оригинальна была депутація отъ ночлежниковъ или «посадскихъ нищихъ», привѣтсвовавшая о Іоанна, какъ своего благодѣтеля и кормильца. Одинъ изъ призрѣваемыхъ въ приютѣ самъ сочинилъ и внятно продекламировалъ недурные стихи.

По окончаніи акта состоялось три юбилейныхъ обѣда: въ залѣ

городской думы (по подпискѣ), въ залахъ «Дома Трудолюбія» отъ петербургскихъ почитателей и для бѣдняковъ на 750 человекъ въ помѣщеніи народной столовой при «Домѣ Трудолюбія».

Юбилляръ успѣлъ побывать на всѣхъ обѣдахъ и вездѣ выслушать задравные тосты...

«День».

Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ—сынъ причетника, родился 18 октября 1829 г. въ селѣ Сурѣ Пинегскаго уѣзда, Архангельской губерніи. Годы своего дѣтства онъ провелъ въ крайней бѣдности. Въ 1839 году онъ былъ опредѣленъ въ архангельское духовное училище своекоштнымъ ученикомъ. Ученье, по его словамъ, первоначально подвигалось очень туго, но скоро онъ началъ успѣвать и на 14 году перешелъ первымъ въ архангельскую духовную семинарію, гдѣ также окончилъ курсъ первымъ ученикомъ. За свои успѣхи и хорошее поведеніе изъ семинаріи онъ былъ отправленъ въ с.-петербургскую духовную академію, въ которой и окончилъ курсъ наукъ первымъ-же ученикомъ въ 1855 г.

Прошло два или три мѣсяца послѣ окончанія курса въ академіи; въ кронштадтскомъ соборѣ открылось вакантное мѣсто священника, вслѣдствіе вышедшаго за штатъ ключаря собора протоіерея К. П. Несвицкаго; о. Іоаннъ принялъ это мѣсто и женился на его дочери.

По словамъ самого о. Іоанна онъ по выходѣ изъ духовной академіи, не помышлялъ вступать въ бѣлое духовенство, а предполагалъ сдѣлаться миссіонеромъ, чтобы проповѣдывать Евангеліе правды и любви къ ближнему среди язычниковъ и иновѣрцевъ на далекихъ окраинахъ Россіи, но затѣмъ, видя что для его пастырской дѣятельности открывается широкое поприще даже въ сердцѣ Россіи, онъ принялъ священнической санъ. Первую литургію въ кронштадтскомъ Андреевскомъ соборѣ онъ совершилъ 12-го декабря 1855 года и былъ представленъ прихожанамъ извѣстнымъ проповѣдникомъ, настоятелемъ собора, покойнымъ протоіереемъ Некторьевскимъ. Въ первомъ-же своемъ словѣ онъ опредѣлилъ, къ чему онъ будетъ стремиться въ своей дѣятельности:

«Сознаю,—говорилъ онъ,—высоту сана и соединенныхъ съ нимъ обязанностей, чувствую свою немощь и недостойнство, но уповаю на благодать и милость Божию, немощная врачующую и оскудѣвающая восполняющую... Знаю что можетъ сдѣлать меня болѣе или менѣе достойнымъ этого сана и способнымъ проходить это званіе. Это—любовь ко Христу и къ вамъ, возлюбленные братія моя... Любовь великая сила: она и немощнаго дѣлаетъ сильнымъ, и малаго великимъ... Таково свойство любви чистой, евангельской.

Да дастъ и мнѣ любвеобильный ко всеѣмъ Господь искру этой любви, да воспламенитъ ее во мнѣ Духомъ Своимъ Святымъ».

Этимъ началамъ о. Іоаннъ слѣдовалъ во все время своего 35 лѣтняго труднаго пастырскаго служенія.

Прежде всего, онъ обратилъ свое вниманіе на сирыхъ, убогихъ и больныхъ, томившихся на церковныхъ папертяхъ и именемъ Христовымъ выпрашивавшихъ себѣ подаваніе. Состраданіе къ послѣднимъ доходило до того, что онъ раздавалъ имъ до копѣйки все получаемое имъ ничтожное жалованье, такъ что нерѣдко случалось, что въ домѣ у него не было ни копѣйки денегъ. Разъ онъ лежалъ больной и къ нему пришелъ одинъ посадскій и сталъ просить на хлѣбъ; у о. Іоанна не было денегъ и онъ велѣлъ ему снять со стѣны рясу и продать ее. Всѣхъ примѣровъ благотворительности и любви къ ближнему описать невозможно.

Въ 1871 г. къ о. Іоанну пріѣхала для свиданія, горячо любимая имъ родная мать, Теодора Власьевна. Проживъ нѣсколько мѣсяцевъ, она опасно захворала и о. Іоаннъ не отходилъ отъ ея болѣзненнаго одра. Она мирно скончалась на рукахъ любимаго ею сына и 8-го іюля того-же года погребена на нашемъ мѣстномъ кладбищѣ. До чего онъ любилъ и уважалъ свою мать, видно изъ того, что и въ настоящее время о. Іоаннъ не можетъ еще забыть ее и, будучи въ Кронштадтѣ, почти ежедневно посѣщаетъ ее могилу, гдѣ, можно сказать, онъ отдыхаетъ отъ своихъ многотрудныхъ пастырскихъ обязанностей. На могилѣ горячо любимой матери, по собственнымъ словамъ о. Іоанна, онъ находитъ успокоеніе отъ всѣхъ трудовъ своей жизни.

Когда спитъ и отдыхаетъ отецъ Іоаннъ,—трудно сказать. Въ 4 и 5 часовъ онъ уже на ногахъ и совершаетъ моціонъ по своему церковному двору. Въ 6 часовъ онъ отправляется въ соборъ къ утрени, гдѣ постоянно читаетъ канонъ празднуемому въ этотъ день святому и затѣмъ поетъ на клиросѣ съ причетниками. Если въ этотъ день его очередь служить пли, если есть заказная ранняя литургія, то онъ служить ее въ соборѣ; если же нѣтъ, то идетъ служить въ приписанныя къ собору церкви Успенія Божіей Матери, что въ думѣ, или же въ Александро-Невскую, въ домѣ трудолюбія. Послѣ литургіи съ своимъ причетникомъ онъ отправляется служить многочисленныя въ городѣ молебны и затѣмъ ѣдетъ въ С.-Петербургъ, откуда очень часто возвращается съ поѣздомъ, отходящимъ изъ столицы въ 12 ч. 45 м. ночи и въ Кронштадтъ пріѣзжаетъ въ началѣ 3-го часа ночи, а въ 6 часовъ опять въ храмъ Божіемъ.

Кромѣ поѣздокъ въ С.-Петербургъ, о. Іоаннъ часто ѣздитъ въ Москву, Нарву и другіе города Россіи, иногда за границу.

Матеріально о. Іоаннъ помогаетъ очень много и почти нѣтъ ни одного благотворительнаго учрежденія, куда-бы онъ не принесъ своей лепты. По его инициативѣ въ Кронштадтѣ образовалось приходское яндреевское попечительство, изъ ничего выросли три трехъ-этажныя зданія дома трудолюбія, въ которыхъ находятся слѣдующія учрежденія: церковь во имя св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго, начальныя школы для 200 мальчиковъ и дѣвочекъ пріютъ для дѣтей и престарѣлыхъ стариковъ и старухъ, ночлежный пріютъ на 100 человекъ, народная читальня, лечебница для приходящихъ, дешевая столовая, пенъкопильная, мастерская дамскихъ нарядовъ и др. Всѣ эти учрежденія содержатся на пожертвованія о. Іоанна, сумма которыхъ ежегодно достигаетъ 40,000 рублей. Во всѣхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, о. Іоаннъ состоитъ дѣйствительнымъ или почетнымъ членомъ.

Педагогическая дѣятельность о. Іоанна началась послѣ смерти законоучителя въ приходскомъ училищѣ, въ Кронштадтѣ, протоіерея Нектарьевскаго, въ 1857 г. Съ открытіемъ въ Кронштадтѣ классической мужской гимназій онъ перешелъ туда и занималъ эту должность въ теченіи 27-ми лѣтъ. Не смотря на свои другія многотрудныя пастырскія занятія, о. Іоаннъ почти никогда не пропускалъ уроковъ и своимъ добрымъ характеромъ сумѣлъ спихать себѣ отъ всѣхъ учениковъ любовь, признательность и уваженіе. Многіе изъ его учениковъ, въ настоящее время, занимаютъ видныя мѣста на служебномъ поприщѣ и никто изъ нихъ не скажетъ худого слова про своего духовнаго наставника. Говорятъ, что среди его кронштадтскихъ учениковъ возникла мысль предложить о. Іоанну раздѣлить съ ними хлѣбъ-соль, почему они и собираются по подпискѣ устроить ему обѣдъ по гимназическому меню, т. е. такой обѣдъ, какой въ гимназій подается націонерамъ въ праздничные дни, причемъ, на столахъ, вмѣсто вина и водокъ, будутъ поставлены графины съ водою и квасомъ.

— 25 ноября, въ Петербургѣ, въ залѣ городской думы происходило торжественное засѣданіе Славянскаго Благотворительнаго Общества. У эстрады была водружена хоругвь Общества, съ изображеніемъ Святыхъ Кирилла и Меѳодія. Почетныя мѣста заняли графъ П. П. Игнатьевъ, Амвросій, архіепископъ Харьковскій, камергеръ В. К. Саблеръ, и др. высокопоставленныя лица. Предсѣдательское мѣсто было предложено преосвященному Амвросію.

Хоръ исполнилъ «Исполла эти». Открывъ засѣданіе, графъ Игнатъевъ сообщилъ собранію о присужденіи Кирилло-Меѳодіевскихъ премій (1.500 р. и 500 р.) за сочиненіе по предмету славянства. Первымъ срокомъ подачи сочиненій было назначено 11 мая 1888 года, но къ этому сроку не было представлено ни одной рукописи. Тогда программа была нѣсколько расширена, и 21 мая 1890 года было представлено три сочиненія съ именами авторовъ въ запечатанныхъ конвертахъ подъ девизами. Сочиненія эти были переданы на разсмотрѣніе профессору В. И. Ламанскому, который далъ о нихъ отзывы. Первое сочиненіе не удовлетворяетъ программѣ; второе, написанное лицомъ, очевидно, глубоко образованнымъ и начитаннымъ, пропандировало единеніе славянства съ папой и уже въ силу этого одного признано неудовлетворительнымъ. Третье сочиненіе, подъ греческимъ девизомъ, подъ заглавіемъ: «Объ образованіи общихъ языковъ древней и новой Европы», признано удовлетворяющимъ всѣмъ требованіямъ и условіямъ конкурса и потому совѣтомъ Общества автору его присуждена премія въ 1.500 руб. Общее собраніе утвердило это рѣшеніе громкими рукоплесканіями. Графъ Игнатъевъ, въ присутствіи всего собранія, публично вскрылъ запечатанный конвертъ и громко прочелъ имя автора: «Профессоръ Варшавскаго университета Антонъ Семеновичъ Гудилевичъ». Собраніе снова отвѣчало дружными рукоплесканіями. По порученію предсѣдателя, секретарь Общества познакомилъ присутствующихъ съ отрывкомъ изъ этой книги. Затѣмъ графъ Н. П. Игнатъевъ довелъ до свѣдѣнія собранія, что на настоящемъ засѣданіи находится бывший сербскій министръ народнаго просвѣщенія, а нынѣ членъ Государственнаго Совѣта Столянь Бошковичъ. Онъ былъ встрѣченъ съ большимъ энтузіазмомъ и долго молча благодарилъ присутствовавшихъ поклонами. Далѣе графъ Н. П. Игнатъевъ предложилъ избрать въ почетные члены Общества двухъ недавнихъ юбиляровъ—А. Ѳ. Бычкова и М. О. Кояловича и этимъ выразить уваженіе къ ихъ плодотворной полувѣковой дѣятельности. Предложеніе было принято. Кромѣ того, въ этомъ же засѣданіи избраны: пожизненнымъ членомъ преосвященный Амвросій Харьковскій и нѣсколько лицъ въ дѣйствительные члены, въ среду которыхъ съ нынѣшняго дня принять и министр-президентъ Черногоріи Аргиропуло. Въ пользу Черногоріи и другихъ голодающихъ славянскихъ земель по 25 ноября поступило 60.428 р. 62 к. Изъ нихъ отослано 59.000 р. Въ отвѣтъ на это получены благодарственныя письма отъ митрополитовъ Черногорскаго Митрофана и Сербскаго Михаила, извѣщающія что соб-

ственно въ Черногоріи бѣда миновала, но въ Сербіи черногорскіе выходцы будутъ еще нѣкоторое время нуждаться въ хлѣбѣ.

Встрѣченный такъ сочувственно Стоянъ Бошковичъ поблагодарилъ собраніе въ самыхъ искреннихъ и теплыхъ выраженіяхъ. Изобразивъ въ короткихъ чертахъ исторію событій въ Сербіи и вообще на балканскомъ полуостровѣ со времени возстанія Герцеговины, онъ искренно благодарилъ Россію за ея всегдашнюю безкорыстную помощь Славянамъ и закончилъ словами: «Слава Императору Александру III, братскому Русскому народу и объединителямъ Славянства». Слова эти были покрыты восторженными рукоплесканіями. Послѣ перерыва хоръ исполнилъ славу Свв. Кириллу и Меѳодію. Затѣмъ профессоръ духовной академіи И. С. Пальмовъ прочелъ съ кафедры рѣчь на тему: «Патріархъ Фотій и его отношеніе къ современному ему Славянству». Въ виду приближающагося въ 1891 году тысячелѣтія со времени кончины (6 февраля 891 года) Константинопольскаго патріарха Фотія, лекторъ указалъ на важность этого обстоятельства для Славянъ и остановился главнымъ образомъ на выясненіи тѣхъ историческихъ отношеній, какія существовали между Фотіемъ, съ одной стороны, и Славянами, съ другой. Прежде всего Фотій былъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ личности и апостольскому дѣлу перво-святителей славянскихъ; такъ съ однимъ изъ нихъ, Кирилломъ, онъ завязалъ тѣсныя связи еще съ ученической скамьи и сохранялъ ихъ до самой смерти. Вѣроятно, и Меѳодій былъ близокъ къ Фотію. Фотію обязанъ былъ и Болгарскій князь Борисъ (852—88) своимъ обращеніемъ въ христіанство. Кромѣ того, Фотій имѣлъ отношеніе и къ обращенію нашей Руси въ христіанство; наконецъ и Хорваты служили предметомъ заботливости патріарха.

Библиографическія замѣтки:

Новый трудъ по Евангельской Исторіи и Лепта:

Наша церковно-библейская литература въ послѣднее время пополнена новымъ трудомъ по Евангельской Исторіи протоіерея О. Матвѣевскаго¹⁾. Выдающаяся особенность труда этого заключается въ

¹⁾ Полное заглавіе этого сочиненія таково: «Евангельская Исторія о Богѣ—Словѣ Сынѣ Божіемъ, Господѣ нашемъ Иисусѣ Христѣ воплотившемся и вочеловѣчившемся нашего ради спасенія, изложенная въ послѣдовательномъ порядкѣ и изъясненная толкованіями Святыхъ Отцевъ и Учителей Православной Церкви. Протоіерея Павла Матвѣевскаго. С.-Петербургъ 1890 г.

изложеніи евангельскихъ событій по толкованіямъ Святыхъ Отцевъ и Учителей Церкви. Руководство такими толкованіями даетъ автору возможность излагать священно-историческіе факты съ полною основательностію и строго въ православномъ духѣ. Авторъ особенно часто приводитъ въ своемъ сочиненіи выдержки изъ твореній Св. Златоуста, Бл. Θεофилакта и Исидора Пелусіота. Выдержки эти сдѣланы по русскимъ переводамъ, указанныхъ твореній, съ тщательнымъ обозначеніемъ ихъ, по тѣмъ изданіямъ, которыя были у автора подъ руками. Этими выдержками нисколько не нарушается общій повѣствовательный характеръ Евангельской Исторіи, составляющій главный предметъ разсматриваемаго сочиненія, потому что они приводятся въ существенныхъ чертахъ. Думаемъ, что научное достоинство труда, нисколько не пострадало отъ того, что творенія Отцевъ и Учителей Церкви, цитируются авторомъ по русскимъ переводамъ ихъ, такъ какъ почти всѣ эти переводы были выполнены при нашихъ духовныхъ Академіяхъ, лицами вполне свѣдущими въ своемъ дѣлѣ. Но особенное значеніе трудъ автора, по указанной особенности, получаетъ для большинства обыкновенныхъ читателей неспеціалистовъ, которые, приобрѣтая при помощи его достаточно полныя и точныя свѣдѣнія о евангельскихъ событіяхъ, будутъ имѣть возможность убѣждаться въ истинности ихъ, и расширять ихъ, по мѣрѣ пробуждающейся любознательности, справляясь съ самыми первоисточниками богатой церковной экзегетической письменности, бывшей подъ руками у автора. Значеніе, разсматриваемаго сочиненія по Евангельской Исторіи, возвышается въ научномъ экзегетическомъ отношеніи и потому, что авторъ его во многихъ мѣстахъ пользуется трудами нашихъ Отечественныхъ богослововъ — преимущественно московскаго митрополита Филарета, преосвященныхъ Михайла и Θεофана. Евангельская Исторія преосвященнаго Θεофана (изданная въ 1885 г.) даетъ автору руководятельныя начала для расположенія священно-историческихъ событій, по большей части, въ томъ порядкѣ, какой принять этимъ высокоавторитетнымъ богословомъ. Не ограничиваясь обстоятельнымъ изложеніемъ фактической стороны, авторъ старается также, гдѣ необходимо, освѣщать Евангельскія событія при помощи данныхъ, изъ области Виблейской Археологіи и Священной Географіи. Нѣкоторыя изъ подобныхъ объясненій даются, правда, авторомъ въ подстрочныхъ замѣчаніяхъ, но въ общемъ видѣ онѣ представляютъ обильный матеріалъ, проливающий яркій свѣтъ на многое изъ жизни того народа, среди кото-

раго происходили евангельскія событія. Такъ, при описаніи воскрешенія Лазаря, авторъ объясняетъ устройство гробницъ у Іудеевъ (стр. 539), въ другихъ мѣстахъ, объясняетъ свойство и примѣненіе благовонныхъ веществъ въ быту евреевъ (548, 756); говорятъ о значеніи монетъ, употребляемыхъ ими (стр. 595, 757, 203, 333, 359, 385, 391, 427, 433, 531) о принятомъ счисленіи касательно мѣръ пространства (600 стр.), мѣръ времени (261, 391, 519); представляетъ другія болѣе или менѣе выдающіяся черты, изъ домашняго быта евреевъ (309, 358, 470, 535) или изъ быта общественаго (345—413); обстоятельно описываетъ важнѣйшія празднества іудеевъ (621, 481—483), дѣлаетъ и другія полезныя объясненія. Свѣдѣнія для такихъ объясненій заимствованы авторомъ изъ сочиненій Винера (Biblisches Real-Wörterbuch), преосвященнаго Михаила, профессора А. Олесницкаго и другихъ ученыхъ. Немаловажное значеніе имѣетъ для уразумѣнія эпохи изъ земной жизни Иисуса Христа, представленный авторомъ въ началѣ труда очеркъ состоянія человѣческаго рода, предъ пришествіемъ Его, въ которомъ особеннаго вниманія заслуживаетъ, наглядная и удобопонятная характеристика языческихъ философскихъ школъ и іудейскихъ религіозныхъ сектъ (стр. 40—150). По объему сочиненіе протоіерея О. Матвѣевскаго весьма обширно, заключаая въ себѣ до 802 страницъ. Не смотря на широту объема, какъ послѣдовательность въ изображеніи предмета, такъ ясное и выразительное изложеніе, соотвѣтствующее священному характеру Евангельскихъ событій, выдержаны въ этомъ сочиненіи отъ начала до конца. Поэтому съ полнымъ основаніемъ мы можемъ рекомендовать этотъ трудъ читателямъ нашего журнала, желающимъ расширить свои свѣдѣнія по Евангельской исторіи и особенно священникамъ, нуждающимся въ надежныхъ пособіяхъ для своихъ собесѣдованій съ прихожанами ¹⁾.

Лента (первая) въ пользу Алтайской Миссіи, основателя Миссіи Архимандрита Макарія. Изданіе четвертое. Духовно-нравственныя пѣснопѣнія съ цифровыми нотами, г. Бійскъ 1890 года.

Скромное названіе сейчасъ выписанной книжки дано авторомъ ея, Архимандритомъ Макаріемъ, основателемъ Алтайской Миссіи. Справедливѣе было-бы этимъ пѣснопѣніямъ, полнымъ глубокихъ мыслей и творчества, дать названіе болѣе цѣнной монеты, чѣмъ

¹⁾ Сочиненіе о. протоіерея Матвѣевскаго можетъ быть приобрѣтено у автора въ С.-Петербургѣ, на Васильевскомъ островѣ, по Камской улицѣ, въ церковномъ домѣ. При Смоленскомъ кладбищѣ, по 5 руб. и въ Харьковскомъ монастырскомъ книжномъ складѣ, по 4 руб.

та, каковою названа книжица. Это не лепта, а талантъ,—на столько, на сколько былъ талантливъ авторъ ея и сколь много духовно-нравственной пользы, принесло и приноситъ это сочиненіе о. Макарія въ тѣмъ мѣстахъ дѣятельности его, для которыхъ оно предназначено.

Нѣкоторыя пѣсни Ленты передѣланы о. Макаріемъ изъ народныхъ псалмь, съ сохраненіемъ отчасти и самыхъ напѣвовъ, такова наприм. пѣснь Іосифа цѣломудреннаго въ темницѣ. Пѣснь (VI) покаянная написана была авторомъ для Сайдылскихъ казацкъ, надождавшихъ ему на сырной недѣли пѣніемъ не совсѣмъ скромныхъ пѣсень. Пѣснь о *Преображеніи Господнемъ* (IV), начинающаяся словами «на горѣ святой Фаворской» пародирована пѣсня деревенскихъ женщинъ, въ которой упоминаются *горки*. Есть въ Миссіи преданіе, что пріискать мелодію для пѣсни о *Преображеніи* о. Макарій поручалъ служившей въ Миссіи дѣвицѣ Софьѣ Густ. де-Вальмонъ. Первая мелодія г. де-Вальмонъ оказалась на столько не соотвѣтствующею желанію о. Макарія, что вызвало въ немъ огорченіе и приказаніе пріискать новый напѣвъ.

О. Макарій, пріискивая мелодіи духовныхъ пѣсней, заботился и объ ихъ гармонизаціи; такъ въ письмѣ къ Н. Д. М. (ч. 1 стр. 217) онъ пишетъ: «Желая соотвѣтствовать благочестивому усердію вашему къ церковной миссіи здѣшней, котораго памятники украшаютъ походный храмъ нашъ, предоставляю вамъ одинъ псаломъ Давидовъ съ нотами, по которымъ вы можете догадаться, какъ я, распѣваю въ моихъ прогулкахъ и путешествіяхъ по службѣ. Ноты соотвѣтствуютъ еврейскому тексту, который написалъ подъ нимъ съ переводомъ російскимъ. Мнѣ ихъ разыгрывалъ въ Барнаулѣ на фортепіано одинъ молодой господинъ, но онъ не имѣлъ времени исправить мои ноты, дать имъ установленный закономъ музыки видъ и положить на бумагу аккорды. Все это предоставлено вамъ, и я осмѣливаюсь питать весьма пріятную надежду, увѣряющую меня, что воспріявъ въ покровительство ваше какъ бы усыновите эти звуки, несущіеся къ вамъ изъ горъ Алтайскихъ, звуки, какіе пріискалъ я въ душѣ моей для высокой пѣсни пророка. Вы дадите имъ приличное образованіе и украшеніе, соедините съ ними священные тоны вашего сердца и пришлите ко мнѣ нѣчто, похожее на концертъ, который мнѣ иногда разыгрывали въ Барнаулѣ на фортепіано».—Эти слова письма о. Макарія, вѣроятно, относятся къ пѣсни (XII) изъ псалма XXXVI. Въ письмѣ къ Г. Т. М. (стр. 197) о. Макарій пишетъ: «Богопреданной вдовицѣ посылаю въ подарокъ псалму, которую пою и самъ повре-

менамъ; сложить ее желаніе возбуждено извѣстною страшною пѣснью западныхъ христіанъ: «Stabat Mater dolorosa». — Очевидно, здѣсь говорится о пѣсни V, озаглавленной «плачь Богородицы».

Первое изданіе Лепты (1847) было напечатано съ приложеніемъ на концѣ линейныхъ нотъ и гармонизаціи для фортепіано. Но тамъ напечатаны были съ нотами только слѣдующія 8 кантъ II, IV, V, VIII, X, XI, XV. Послѣдующія два изданія печатались уже безъ нотъ. Послѣднее 4-е изданіе выпущено съ цифровыми нотами. Употребленіе цифирной нотаціи вызвано неимѣніемъ мѣстныхъ типографскихъ и денежныхъ средствъ миссіи, для печатанія линейными нотами. Но зато, въ этомъ изданіи *всѣ пѣсни* положены на ноты, съ гармонизаціею для 4-хъ голосовъ (исключая XI пѣсни). Мелодія большей части кантъ употребляема была при о. Макаріи и сохранилась въ Миссіи частію по преданію, частію по нотамаъ перваго изданія. Но нѣкоторыя пѣсни, помѣщенныя въ Лептѣ (I, III, XII, XVI, XVIII), при о. Макаріѣ не были пѣты. Онѣ, вѣроятно, составлены были имъ по отъѣздѣ изъ Миссіи. Мелодіи для нихъ имѣють позднѣйшее происхожденіе. Въ настоящемъ изданіи позднѣйшія мелодіи отличены отъ Макарьевскихъ особымъ знакомъ (*); пѣсни, оставленныя безъ знака, по напѣвамъ принадлежатъ о. Макарію, или при немъ были пѣты. Только двѣ пѣсни— XIV и XVI, по недосмотру корректора оставлены безъ знаковъ (*), якобы относящіяся по напѣву ко времени о. Макарія, тогда какъ мелодія ихъ въ предѣлахъ Миссіи почти еще неизвѣстна, какъ получившая недавнее происхожденіе. Въ первыхъ изданіяхъ XVII пѣснь «о преподобномъ Алексѣѣ, челоѣкѣ Божіемъ» была печатана особой книжкой съ линейными нотами въ концѣ. Въ настоящее время, эта пѣснь сохранилась у насъ въ единственномъ экземплярѣ. Желаніе сохранить ее, какъ дорогой памятникъ труда о. Макарія, понудило насъ присовокупить къ Лептѣ и пѣснь объ Алексіи челоѣкѣ Божіемъ.

Лепта о. Макарія вышла послѣднимъ изданіемъ, благодаря благосклонному вниманію и матеріальной помощи, одного высокопоставленнаго лица, назвать имя котораго, хотя и повсюду извѣстное, мы неуполномочены.

Цѣна *Лепты* 50 коп. съ пересылкою. Книгопродавцамъ уступка 20%. *Лепта* можетъ быть пріобрѣтаема изъ канцеляріи Начальника Алтайской Миссіи, въ г. Бійскѣ. А также въ Томскѣ— въ Сибирскомъ книжномъ магазинѣ Михайлова и Макушина, и у нѣкоторыхъ столичныхъ книгопродавцевъ.

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА

РАЗБОРЪ ВЪРОУЧЕНІЯ РУССКИХЪ ШТУДИСТОВЪ

Д. Протасова.

Тула 1890. Цѣна 1 руб. безъ пересылки. Складъ изданія у автора, преподавателя Тульского духовнаго училища, Дмитрія Семеновича Протасова въ г. Тулѣ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1891 ГОДЪ

(второй годъ изданія).

НА ОБЩЕПОНЯТНО-НАУЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЬ

„НАУКА И ЖИЗНЬ“.

Единственный въ Россіи журналъ, дающій возможность неспеціалистамъ слѣдить за успѣхами всѣхъ отраслей точныхъ наукъ. Открытія, изобрѣтенія, усовершенствованія. Постоянные отдѣлы по медицинѣ (особенно гигиенѣ), сельскомъ хозяйству, лѣсоводству, домоводству и пр. Научныя игры и развлечения для дѣтей и въ обществѣ. Задачи физическія, математическія, геометрическія, шахматныя.

Текстъ иллюстрируется множествомъ отличныхъ гравюръ, изъ коихъ многія исполнены въ Парижѣ (въ первомъ полугодіи за 1890 годъ помѣщено 193 гравюры, во второмъ будетъ около 250 гравюръ). Въ годъ выходитъ 52 №, каждый въ два печатные листа на лучшей веленовой бумагѣ.

Изложеніе краткое, ясное, точное и общепонятное.

ЦѢНА журнала съ пересылкой и доставкой: на годъ ПЯТЬ р. и на полгода ТРИ рубля.

Отдѣльные №№ для ознакомленія высылаются: № 1 за одну семикопѣечную почтовую марку, а всѣ остальные за трѣ такія же марки.

Адресъ: Москва. Редакція журнала „НАУКА и ЖИЗНЬ“.

Редакторъ-Издатель Др. М. Н. Глубоковскій.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первая двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составить собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Въ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Редакція, считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.